

Кыбаткоча Асия
Өмүрү

Всегда знала, что у меня всё не так, как у людей!

Вместо принца — звезда университета, вместо феи-крестной его заклятый друг, а за злых сестер сойдут братья-рокеры, один из которых и вовсе мне жених с приставкой "типа"..

Старое авто заменит карету, кучера сыграет рыжий Харлей, ну а мачеху будет играть один импозантный мужчина.

И только Золушка вполне сказочной вышла. Во всяком случае, бедна как церковная мышь, носит потрепанные кеды и всё ещё верит в сказки.

Или нет?..

Оторва или Двойные неприятности для рыжей — Анютка Кувайкова

Сентябрь вошел в свои права вот уже как третий день, и студенты, повинуюсь непреложным законам, не смотря на погожие деньки, находились в замкнутом пространстве лекционных залов и кабинетов, не слишком-то прилежно грызя гранит науки. Правда, существовали и некоторые исключения.

Стоящий на обширной парковке, заставленной автомобилями, что находилась прямо посреди учебных корпусов, вдали от общежитий, высокий темноволосый молодой человек курил, прислонившись к блестящему на солнце боку своего автомобиля вишневого цвета, всматриваясь вдаль, на дорогу, по которой только что приехал. Легкий порыв ветра заставил шелестеть золотистую листву на высокой пушистой березе, что одиноко стояла на краю университетской парковки. Под ее тенью скрывалась низкая, черная иномарка, приковавшая внимание своей невзрачностью и простотой на фоне других машин.

Мельком взглянув на циферблат дорогих швейцарских часов на запястье, молодой человек решил, что время у него еще есть. Прикурив сигарету, он оттолкнулся от теплого металла своего вишневого красавца и подошел ближе к заинтересовавшей его машине, в которую чуть было не въехал. Медленно ведя пальцами по крыше цвета черный металл, парень прошел вдоль авто, пристально и внимательно осматривая его с высоты своего роста. Оценил неброские, но красивые литые диски, слегка задел узкие зеркала, проследил взглядом молдинги на боках и, остановившись перед широким капотом с тонким зевом воздухозаборника, присел на корточки, придерживаясь рукой за слегка выступающий передний бампер.

Ему хватило несколько минут, чтобы понять, что эта иномарка была весьма старого года выпуска, но, не смотря на этот факт, машина сохранилась практически в идеальном состоянии, если не брать в расчет некоторые шероховатости и мелкие царапины на кузове, да маленькие сколы на лобовом стекле.

Это была классика. Старая добрая тойота представительского класса, с мягким светлым велюровым салоном и шикарным темным пластиком, матово блестящим на солнце. С глубокими сидениями, мощным двигателем, плавными линиями кузова, низкой посадкой и большими колесами. Полуспортивный черный седан, хищный, грациозный... редкий.

Услышав нарастающий рев двигателя вдалеке, молодой человек усмехнулся и, щелчком отбросив окурок, поднялся на ноги. Обойдя приглянувшийся ему автомобиль, он огляделся вокруг, слегка щурясь от слепившего солнца и, прислонившись спиной к своей собственной машине, взглянул еще раз на черную тойоту, а затем на те машины, что их окружали. Среди новых блестящих иномарок бизнес-класса, дорогих кроссоверов и баснословной стоимости джипов, старый полуспортивный седан смотрелся как черная пантера среди ухоженных, ленивых выставочных котов, которые кроме того, как с гордым видом демонстрировать свою пустую оболочку, больше ни на что не способны.

Присутствие подобного авто на этой парковке было слегка... необычным.

Взвизгнули тормоза, и практически напротив джипа посреди дороги боком встала спортивная белая иномарка, из-под ее колес повалил легкий дымок, а в воздухе запахло паленой резиной. Сдав назад, белоснежный седан зарычал и мгновенно был припаркован рядом с черным хищником, единственным свободном на парковке месте. Стихли басы музыки, хлопнула дверь, и наружу вышел высокий блондин, лицо которого наполовину было

скрыто темными солнцезащитными очками, а длинные волосы собраны в высокий небрежный хвост.

Достав из нутра салона спортивный рюкзак, молодой человек закинул его на плечо, поверх бежевой кожанки и, захлопнув дверцу, щелкнул брелком сигнализации. На его губах блуждала довольная улыбка, когда он, огибая тайоту, направился в сторону ожидавшего его парня, лениво наблюдающего за всеми его манипуляциями, по-прежнему опираясь на бок своего авто.

— Какие люди в нашем тихом Сибирском городке, — насмешливо протянул блондин, водружая очки на лоб и, остановившись, ехидно вздернул светлую бровь, — Сам Демьян Исаев решил почтить нашу скромную альма-матер своим присутствием!

— Ты опоздал на пятнадцать минут, — усмехнулся в ответ его оппонент, выразительно постучав по циферблату часов, и неожиданно легко хохотнул, растеряв маску холодной аристократичной отчужденности, — Меня не было год, а ты остался все таким же раздолбаем, Игорек.

— Зато ты, я смотрю, нахватался чопорной английской пунктуальности и снобизма, — расхохотался в ответ его друг и, порывисто обняв молодого человека, с силой хлопнул его по плечу, — Рад встрече, Дем. Давно не виделись!

— Ну? — Демьян подкурил новую сигарету и насмешливо посмотрел на своего друга, который, поморщившись, разогнал дым рукой перед своим лицом и шагнул в сторону, — Я жажду услышать последние новости. Помнится, я просил тебя присмотреть за моим законным парковочным местом...

— А, ты про это? — хихикнул Игорь и любовно погладил пальцами блестящую на солнце эмблему с хромированными крыльями летучей мыши и маленькими рожками, что была на багажнике черной тайоты между задними габаритами, — Прости, друг, но я безнадежно влюблен в эту машинку, пускай и безответно. Она, как никто другой, заслуживает лучшего места на парковке в единственной тени. А у тебя кондер есть.

— Какие я узнаю интересные подробности, — иронично отозвался Демьян, выпуская струю дыма, — Хочешь сказать, в этой машине его нет?

— Сломан, поддается починке, но упрямый владелец не спешит с ней по причине... — начал было отчитываться парень, но замолчал и, прищурившись, как-то многозначительно улыбнулся, — Впрочем, эта долгая история, ты сам потом все узнаешь. Скажи лучше, как долетел? Как Англия? Всех студенток с ума свел?

— Скучно, серо, дождливо, — пожал плечами тот, решив не пытаться, пока, друга на тему, касающегося его парковочного места. В конце концов, с этой мелочью он разберется и сам, а пока есть вещи куда поинтереснее, которыми стоит заняться безотлагательно, — И студентки такие же. Надеюсь, в этом году набор первокурсниц прошел отлично? Есть, на что взглянуть?

— В прошлом году был лучше, — опять как-то загадочно расхохотался Игорь и, сунув руки в карманы широких штанов болотного цвета, заправленных в высокие берцы, склонил голову на бок, — Тебе не понадобятся первокурсницы, дружище. Ирина осталась в аспирантуре. Тебя дожидается.

— Вот же... — молодой человек откровенно поморщился, проглотив последнее явно не цензурное слово. Видеть свою бывшую он хотел меньше всего, особенно после того скандала, что она устроила перед его отъездом в Англию. Наивная дурочка хотела после бурной ночи услышать предложение руки и сердца, а получила равнодушное «пошла вон». С

тех пор и бесится.

Брюнетку тогда пришлось выставлять из его холостяцкой квартиры силой, а после вообще сменить номер телефона, как и ставшие привычными квадратные метры. Разозлившая стерва в лице нынешней аспирантки могла натворить что угодно, и собрать стайку таких же обиженных, как она, девиц, которые принялись бы штурмовать квартиру по его приезду — таким был одним из вариантов развития событий, который Демьяна совершенно не устраивал.

— Ну, не морщись, — деланно сочувственно произнес Игорь, похлопав парня по плечу,

— Она еще большей стервой стала, но это мелочи... Теперь преподает у первых курсов, отрывается на девушках, да очень своеобразно принимает зачеты у парней. Все как всегда. Золотая молодежь не меняется. Дем, пойдем, перехватим чего-нибудь, а? С утра не ел.

Демьян презрительно передернул плечами и, сунув руки в карманы черного кожаного пиджака, последовал следом за другом. Да, ВУЗ в котором они обучались, был элитным, и какое-то время здесь учились исключительно дети более чем влиятельных и баснословно богатых родителей. Но потом стали появляться и другие студенты — чуть менее богатые, и куда более несдержанные. А в последние несколько лет появились и бюджетники, золотые медалисты, сплошь ботаники и зубрилы, которым благодаря высоким баллам ЕГЭ и выдержав нереальный конкурс удалось-таки пробиться на скудное количество мест, за которые платили спонсоры. Их было немного, и особых проблем они не доставляли, лишь так, тенью бродили по студенческому городку, покорно принимая и терпя издевательства тех, кто был заносчивее, богаче и избалованнее их. Они прекрасно осознавали, какой шанс чего-то добиться в жизни дает диплом о высшем образовании, полученный в этих стенах и молчаливо терпели все, что с ними делала избалованная молодежь.

— Дем, — внезапно остановился Игорь на тенистой аллее, в десяти шагах от застекленного крыльца одного из учебных корпусов, повернувшись лицом к пустынной дороге. Молодой человек, к которому он обращался, настолько погрузился в свои мысли, что не слышал шуршания колес по ровному асфальту, короткого пиликанья сигнализации и даже звука шагов, и очнулся только тогда, когда его позвал блондин, — Похоже, ты не один вернулся. Этот придурак тоже здесь.

Демьян вскинул голову и, увидев остановившегося в нескольких метрах от ни улыбающегося молодого человека, почувствовал, как его руки против воли сжались в кулаки. Ему немедленно захотелось стереть эту гаденькую улыбочку со смазливового лица, но вместо этого он дернул уголок губ и насмешливым тоном произнес, сложив руки на груди:

— Так-так-так... Богдан Полонский! Рад встрече...

Встреча давних, непримиримых соперников прошла на должном уровне. Обменявшись многозначительными взглядами, ядовитыми насмешками и скрытыми угрозами, парни разошлись в разные корпуса. Жилистый пепельный блондин отправился в сторону другого корпуса, а Демьян и Игорь остались в курилке возле невысоко здания со стеклянными стенами, пытаясь прийти в себя. Даже блондин, который обычно не курил, требовал у закадычного друга сигарету и, затянувшись, оперся спиной на толстое стекло возле крыльца, матерясь сквозь зубы:

— Вот не думал, не гадал, что этот утырок вернется! Что ему в своей Корее не сиделось? Студент-обменщик хренов!

— Согласен, — поморщился в ответ Дем, небрежным жестом проводя рукой по своим темно-каштановым, длинноватым волосам, — Этой мрази только мне хватало для полного

счастья. Мне интересно, это случайность, или...

— Да фиг с ним, с Полонским, — неожиданно заторопился блондин, быстро туша окурок о край урны и, то и дело, поглядывая наверх, в район одного из огромных окон второго этажа, — Дэм, идем, пока мой Енотик не сбежал!

— Твой... кто? — саркастично спросил шатен, едва не подавившись дымом, — Я чего-то не знаю?

— Я потом тебе раскрою все подробности интереснейшей биографии этой загадочной личности, — отмахнулся от него Игорь, закидывая вторую лямку рюкзака на плечо, — Так ты идешь, нет?

— Ну, пойдем, посмотрим, что там за Енотик, — усмехнулся Демьян и, выбросив окурок, последовал за другом, находясь в прескверном расположении духа и не пытаясь этого скрыть. Кратковременная радость от прибытия на родину заметно омрачилась встречей с извечным врагом и соперником, как в стенах универа, так и в бизнесе их семей. Видеть эту слащавую рожу не было ни сил, не желания... Но иного выхода, похоже, не было, раз это хореk соизволил-таки вернуться в тот же срок, что и сам Исаев. И от того срочно хотелось на ком-нибудь сорвать свое плохое настроение.

Но сначала нужно было все же узнать, что за расчудесный «енотик» появился у его друга, раз торопясь на встречу с ним (или с ней) блондин едва ли не бегом вбежал по лестнице на второй этаж. Миновав небольшой холл с уютными диванчиками и зелеными пальмами в кадках, Игорь влетел в гостеприимно распахнутые двери кафе-столовой, озираясь по сторонам. Демьян быстро вошел следом и... едва не оказался сбитым с ног.

В него кто-то врзался и качественно так, что не удержав равновесия, отлетел на пол, но кто это был, парень рассмотреть не успел. В его него фонтаном брызнула темная сладкая жидкость, заливая волосы, лицо и лоб, забиваясь в нос и стекая на одежду. Тот, кто с на него наткнулся, в момент столкновения держал в руках открытую бутылку с кока-колой, остатки которой теперь шипя разливались по полу.

— Твою... мать! — выругался Демьян, ладонью стряхивая с лица липкую жидкость, — Тебя не учили смотреть, куда прешь?!

— Кхе... — сипло раздалась откуда-то с пола, пока молодой человек, матерясь, пытался открыть глаза, — Та ж предъява тебе будет, болезненный...

Демьяну захотелось на миг прибить говорившего к чертовой матери прямо здесь и сейчас. По памяти шагнув в сторону, парень нащупал рукой раковину и, подставив ладони под сенсорный кран, принялся теплой водой торопливо отмывать лицо и шею от газировки, проклиная все на свете и чувствуя, как внутри разрастается злость. Не хватало ему Полонского для полного счастья, а теперь еще и это!!

Кое-как умывшись и чувствуя, как мокрая футболка неприятно липнет к телу, Демьян вытер лицо и шею носовым платком и, намочив его, быстро стер темные капли с пиджака. И только потом, промакивая пятно на синих дизайнерских джинсах, уже понимая, что не ототрет его, а голову придется мыть в душевой спортзала, парень быстрым шагом подошел к блондину. Тот, сидя на корточках и с любопытством наклонив голову, рассматривал второго пострадавшего в результате столкновения, до сих пор лежавшего на полу. Дем против воли нахмурился, но не успел сделать последний шаг, чтобы было видно виновника всего... этого! Как Игорь, присевший на корточки, насмешливо потыкал лежащее на полу тело пальцем:

— Аньк, тебе чего, нравится так валяться посреди столовой?

— Ага, — отозвался сердитый женский голосок и, хихикнув, добавил чуть саркастично,

— Прям экстаз!

— Поднимайся, чудище, — добродушно хмыкнул Игорь и, взяв девушку за подмышки, легко поставил ее на ноги. И когда, хватаясь за руки блондина, чтобы устоять на ногах, тряхнула головой, словно пытаюсь отогнать что-то мелькавшее перед глазами, а потом крепко зажмурилась и распахнула глаза...

Обведя улыбающегося Игорька взглядом, она посмотрела на пол, потом перевела взгляд на хмурого Демьяна. Медленно окинула его взглядом с головы до ног так, словно осматривала кобылу на скачках и, зло прищурившись, выдала:

— Тебя не учили, что людей нужно сначала выпускать из помещения, а уже потом влетать туда, сломя голову? Тебя кто воспитывал, дубина?

— Что? — на миг опешил парень, шокировано глядя на нахалку, темные кошачьи глаза которой полыхали праведным гневом, хотя должны были кротко смотреть в пол, сожалея о случившемся. Но... такого не было!

С такой реакцией он сталкивался впервые. Обычно стоило кому-либо, даже случайно задевшему его в толпе плечом, посмотреть в холодные глаза наследника необычайно крупной корпорации, как виновник мигом рассыпался в извинениях, торопливо отступая и едва ли не трясясь от страха. Было в глазах парня что-то такое, что не поддавалось объяснению даже тем, кто знал его давно и очень хорошо. Уверенность, власть... опасность? Неизвестно. Но все, как один и студенты, и преподаватели знали, что дорогу Демьяну Исаеву переходить не стоит.

А тут ни страха, ни боязни, даже ни малейшего испуга! Просто нахальство, уверенность и невозмутимость, бившая через край! Это что еще за черт такой в юбке объявился?!

Хотя, кажется, Демьян ошибся, не в юбке! В джинсах... Простых черных джинсах, плотно облегающих стройные ноги, в кожаных кедах, с тонкой цепочкой на бедре. Черная футболка с изображением снежного барса обтягивала небольшую, но аппетитную грудь, а сверху была наброшена тонкая приталенная кожаная куртка- косуха.

Сама же девушка, метавшая громы и молнии на молчавшего, пока еще парня, оказалась если не хорошенькой и даже не миловидной, то довольно привлекательной. Она не была девочкой с обложки и явно не дотягивала до уровня местных красавиц, но было в ней что-то такое, что приковывало взгляд. Круглое личико, острый подбородок, чуть вздернутый носик, тонкие, красиво изогнутые брови, придававшие выражению лица девушки какую-то невинность, незащищенность, что ли... Выразительные темные глаза, подчеркнутые легким макияжем, имели кошачью форму, а губы оказались хоть и большеватými, но довольно сексуальными.

Из всех достоинств, пожалуй, на взгляд Демьяна, в жизни и постели которого побывали десятки разных девушек, у этой оказались только длинные, практически до талии, медно-рыжие волосы.

И все. Стройная фигура, как и низкий рост, никакого желания не вызывали. А совсем наоборот, хотелось медленно и со вкусом слегка сдавить эту хрупкую шейку!

— Бюджетница... — понимающе усмехнулся Демьян, выбросив платок куда-то за спину и, сложив руки на груди, привалился плечом к стеклянной стене. Еще раз осмотрев простую одежду, неброскую внешность и отсутствие драгоценностей, он убедился в своих выводах и многозначительно хмыкнул, — Девочка, что такая, как ты, может знать о манерах?

— Что ты хамло последнее, например, — как-то задумчиво протянула рыжая, которую, как казалось, ни капли ни задел тон шатена. Где-то позади них, глубине столовой раздался

сдавленный кашель и возмущенные возгласы кого-то из студентов, но девушка мало обратила на них внимания и повернулась к блондину, — Эльфенок, я разочарована. Тебе стоит лучше выбирать друзей! Хотя бы не таких, у которых язык, как помело.

— Девочка, это лучше ты следи за своим языком, — предупреждающе тихо произнес Демьян, смотря куда-то в пол и усмехаясь. В ответ на это в столовой воцарилась звенящая тишина, давившая на уши, Игорь нахмурился. А стоявшая рядом с рыжей невысокая блондинка беззвучно ойкнула и отступила назад. Не различить опасного предупреждения, прозвучавшего в голосе Исаева не смог бы лишь глухой... или кто-то очень рыжий с начисто отсутствующими тормозами.

— Иначе что, мальчик? — в ехидной манере отозвалась девушка, — Будешь применять силу? Уже боюсь, аж прям не могу...

— А почему нет? — неожиданно вскинул брови Демьян и резко шагнул вперед. Рыжая, увидев, наконец-то, потемневшие от гнева глаза, машинально отступила, опуская руки, и от движения с ее плеча свалился небольшой черно-оранжевый спортивный рюкзак... угодив прямо на ногу сделавшему еще шаг парню. Раздался звонкий гул и шатен, сжав зубы, одернул ногу, закрыв глаза, морщась и матерясь так, что блондинка невольно покраснела.

А рыжая, как ни в чем не бывало, сунула руки в задние карманы джинс и с любопытством склонила голову, глядя, как парень, который еще недавно буквально источал вокруг себя ауру злобы и опасности, сейчас опирается рукой на стену, поджимая пострадавшую ногу, и ругается сквозь зубы, явно пытаясь перебороть боль.

А может и желание ее прибить — кто ж знает?

— Как интересно получилось, — прицокнула языком рыжая и повернулась к находящейся в шоке блондинке, — Ален, ты это не сняла случаем? Нет? Жа-а-а- аль..

— Анька, я с тебя балдею, — блондин, кажется, с трудом поборол в себе истерику и, не обращая внимания на пострадавшего друга, поднял с пола «оружие массового поражения» и, приподняв в руке, уважительно присвистнул, почувствовав немалый вес, — Что у тебя там?

— Тормозные колодки, — пожалала плечами девушка так, словно речь шла о чем-то обыденном, ну никак не о деталях авто в ее личных вещах, — Забрала утром малыша из сервиса, старые отдала, как память. Хреновенькая такая, стертая память...

— А, так новые подошли все-таки? — расплылся в улыбке Игорь, отдавая рюкзак, который рыжая легко забрала из его рук так, словно он ничего и не весил, — Ну вот, значит, я не зря мотался в восточный филиал!

— Эльфенок, я твоя должница, — покорно согласилась рыжая и ободряюще пихнула в бок блондинку, которая да сих пор опасливо косилась на все еще сжимающего зубы Демьяна, — Проси, что хочешь, в пределах... ну, ты в курсе.

— Тогда гони обещанное! — протянул руки блондин, алчно косясь на сумку Анны.

— Вот как знала, что так и будет, — ворчливо заметила рыжая и, запустив рук в недра рюкзака, вытащила на свет плотно закрытый пластиковый пищевой контейнер и протянула его Игорю, смеясь, — Держи, вымогатель. Я ж знаю, что ты только ради этого и распинался неделю подряд!

— Да я не спорю, — фыркнул парень и, поправив очки на лбу, любовно погладил контейнер, — Моя ж ты прелесть! Кстати, Ань, хочешь совет? Бесплатный и от всей души?

— Прям таки бесплатный? — фыркнула рыжая и беззаботно закинула рюкзак за плечи, поморщившись, когда тяжелый металл ударил ее по пояснице, — Ну давай, валяй.

— Беги, — просто вздохнул Игорь, покосившись на практически пришедшего в себя

Демьяна, — Он почти очухался.

— Думаешь? — задумчиво прикусила губу Аня, но все же сцапала за рукав подружку и ретировалась в сторону выхода, махнув рукой на прощанье, — Печаль-беда... Ладно, пока, эльфенок! Увидимся.

— Это что сейчас было? — зло прошипел Дем, подходя к довольно улыбающемуся другу, с трудом наступая на ноющую ногу, — Что за чертова девица?!

— Девица, как девица, — попробовал улыбнуться тот, пряча свою «награду» в собственный рюкзак. Посмотрев на зло прищурившегося друга, он положил ему руку на плечо, предчувствуя будущие неприятности и тихо попросил, — Дем, не трогай ее, ладно?

— С каких пор ты заступаешься за одну из своих подстилок? — резко выдохнул парень, сбрасывая руку, — Эту мелкую рыжую хамку нужно, как минимум, научить хорошим манерам, чтобы...

Договорить он не успел. На его голову обрушился поток ледяной воды, которая, едва попав в глаза, начала их немилосердно щипать, оборвав речь на полуслове, заливаясь в рот и уши. Она оказалась соленой — это была не просто вода, эта была минералка!

— Знаешь, а ведь подстилка эта и сама тебя может манерам поучить, — хмыкнул позади него уже знакомый ему холодный голос, а в его руки сунули опустевшую пластиковую бутылочку, — Тебе они всяко нужнее, хамло беспринципное.

В воцарившейся гробовой тишине столовой было слышно, как прошлепали по каменному полу потертые кеды, как быстро зацокали тонкие каблучки, принадлежащие, скорее всего, той блондинке, как где-то звякнула упавшая под стол ложка. Раздался тихий звонок чьего-то айфона, а следом за этим по второму этажу разнесся разъяренный вопль Демьяна:

— Убью!!!!

— Вот и познакомились, блин, — тихо вздохнул Игорь, прислоняясь к стене. Да уж, не так он представлял первую встречу своих лучших друзей...

Глава 1

— Вот же... хамло! — сердито пыхтя, я от души пнула попавшуюся под ногу мусорную урну, стоявшую около крыльца кафетерия, едва не перевернув ее, — Нет, ну точно хамло беспринципное! Хамла хуже него я еще не видела!!

— Словарный запас закончился? — невозмутимо поинтересовалась Аленка, спрятав планшет, с которым никогда не расставалась, за спину. На мою вспышку гнева блондинка отреагировала на редкость спокойно, в то время как я, пылая праведным гневом, выскивала взглядом, на чем бы еще выместить свою злость, попутно фыркая при этом:

— Нет, конечно! Но ты же не любишь, когда я матом ругаюсь. Но млять, как охота... Ауч!

Словив крепкий, а главное, вполне заслуженный подзатыльник тяжелой рукой в исполнении хрупкой на вид подруги, тяжело вздохнула, но успокоилась и полезла в карман за сигаретами. За что чуть не получила еще раз, но, уйдя в сторону, избегая праведного гнева Аленки, которая негативно относилась к моей далеко не полезной привычке, все же с удовольствием выдохнула в прогретый на солнце воздух струйку дыма. Посмотрела вокруг, прищурилась от яркого света, и с удовольствием затянувшись, уже совершенно спокойно вздохнула:

— Красота...

— Ань, — позвала меня подруга, которая уже не обращала на меня внимания, привычно погрузившись в виртуальный мир, связь с которым ей давал небольшой портативный компьютер, — Ты хоть знаешь, кого только что в газировке прополоскала?

— Да мне, собственно, все равно, — хмыкнула я, сунув руки в задние карманы джинс,

— Или что, в нашем тихом водоеме среди местных акул появился хищник позубастее?

— На фоне него все остальные просто мелкие рыбешки, — заметила блондинка, протягивая мне планшет, — Держи, смотри и...

— Ужасайся? — усмехнулась я, принимая планшетник с открытой на нем страницей в браузере, — Ну? И что у нас за касатка нарисовалась?

— Демьян Исаев, — вздохнув, девушка поправила висящую на плече небольшую светлую сумочку в тон сапожкам и принялась рассказывать все то, что было перед моими глазами в небольшой статье, — Единственный наследник GRT-групп. Как ты знаешь, они занимаются...

— Проще перечислить все то, чем они не занимаются, — задумчиво пожевала я нижнюю губу, мысленно прикидывая крошечный список, который не входил в поле деятельности этой могучей и огромной корпорации, — Очередной мальчик-мажор с претензиями на гениальность? Не удивила. Да, богаче остальных в энное количество раз, но больше отличий не вижу.

— Второе да, — кивнула подруга, — А вот первое вряд ли. Он... отличается от остальных. Зря ты так с ним.

— Неужели будет мстить? — постучала пальцами по подбородку, возвратив Аленке ее родную игрушку, не выдержав хвалебной оды, написанной в честь этого хамла обыкновенного, — И каков размер будущей подянки, ожидаемой меня любимую?

— Его фантазия не имеет границ, — тихо ответила девушка, пряча гаджет в сумку и старательно отводя от меня взгляд, — Я не знаю его лично, но многое слышала о нем. Ему

лучше не переходить дорогу, он всегда добивается своего и ненавидит, когда ему перечат. А ты, ко всему прочему, его еще и унизила...

— Предлагаешь мне уже подыскивать подходящее местечко на ближайшем погосте?

— иронично выгнула брови, чувствуя, однако, как в груди неприятно зануло. Аленка, которая вращалась в этих кругах намного дольше меня, наверняка знала, о чем говорила, — Черт... Вот вляпалась! Но он сам виноват, согласись?

— Это-то да, — вздохнула блондинка, — И он получил по заслугам, признаю. Но ты его задела, Ань. И он этого так просто не оставит. Многие на моем месте посоветовали бы тебе как можно скорее забрать документы и перевестись в другой универ... пока тебя не вынудил это сделать он.

— Какой... благородный мальчик, — закашлялась я дымом и, злобно посмотрев на ни в чем не повинный окурок, щелчком отправила его в сторону урны и, естественно, промазала на пару десятков сантиметров от намеченной цели. Мысленно посетовав на вселенскую несправедливость и собственное невезение, решительно тряхнула головой, — Не, Лель. Бежать от вот таких вот нехристей — это не наш метод. Коли захочет, будем воевать. А если нет — так большое ему тройное русское мерси за это. Прорвемся, мне привыкать, что ли?

— Ты, конечно, любительница притягивать к себе неприятности, — покачала головой девушка, скрывая улыбку, — Но боюсь он тебе не по зубам. Кхм, Ань, а почему нехристь?

— Потому что Демьян, — поморщилась я, — Это исконно русское имя, но когда оно с ударением на последний слог. Припомни литературу — так всегда на Руси слуг и лакеев называли. А сейчас сие имя модно произносить с ударением на первый. Типично американское подражание, тоже мне, «Омен — три шестерки»... Но до антихриста он не дотягивает, а вот нехристь из него, на мой взгляд, зашибенская выйдет!

— Только... ему об этом... не говори! — давясь смехом, с трудом произнесла подруга, явно оценив мой юмор, — То у тебя эльфенок, то нехристь... Я поражаюсь твоей фантазии! И логике.

— Так это у тебя математический склад ума, — хмыкнула я, закидывая рюкзак за спину. Поморщившись, когда вновь получила коробкой со старыми тормозными колодками по поясице, прикинула, насколько нехилый там будет синяк, и, махнув на него рукой, продолжила, закидывая вторую лямку на плечо, — А я чистый гуманитарий, и логика, если таковая у меня вообще есть, всю жизнь ходит сплошными зигзагами! Помнишь, как Игорек меня изволит величать?

— Рыжее фантастическое чудище, — послушно хихикнула Лелька, поглядев на крохотные часики на запястье, — И как ты терпишь такое отношение? Кстати, пойдем, если не хотим опоздать. У нас Саныч по расписанию.

— Ален, ну не такой Игорь уж и засранец, — укоризненно покачала я головой, привычно уворачиваясь от очередного подзатыльника, — Давно уже пора вам начать общаться нормально. В конце концов, брак вам светит в любом случае, так что смысл бегать друг от друга? Все равно вам общаться придется... Леля, блин!

Подруга только рукой махнула, продолжая неспешно удаляться по тропинке, ведущей на одну из аллей, цокая каблучками. Она всегда так делала, стоило мне только заикнуться о ее отношениях с белобрысым — слушать что-либо об их совместном будущем она просто не желала. Что не было чем-то удивительным, учитывая то, как они познакомились... ну и я с ним тоже.

Вздыхнув, поправила рюкзак за плечами и, задрвав голову, посмотрела в сторону окон

кафетерия, который как раз выходили на эту сторону. И удивилась, наткнувшись на пронзительный взгляд темных глаз того самого Демьяна. Ух... красив же все-таки, черт, мне не показалось!

Не слишком высокий, сильный, но скорее спортивный, чем накаченный. Длинноватые темно-каштановые, густые до невероятности волосы в художественном беспорядке касаются ушей и волевого подбородка, красиво обрамляя лицо, светлая кожа, черты лица такие островато-притягательные. Опасный тип, хоть и кажется обманчиво-спокойным. И ухмылка у него такая сейчас... многозначительная, явно намекающая на недалекое продолжение нашей «светской беседы». Ну-ну! Не так страшен черт, как его малюют!

Усмехнувшись в ответ, показала парню конфигурацию из пальцев со средним оттопыренным и, уцепившись за лямки рюкзака, отправилась догонять Аленку, которая давно и прочно обзавелась с моей помощью кратким, но звучным именем «Лёлик».

Больше к теме, касающуюся ее с эльфенком совместного будущего мы не возвращались. Да и к другим тоже, ибо разговаривать на лекциях Сан Саннча была вообще бесполезно, а кроме того, банально опасно как для жизни, так и для содержимого зачетной книжки.

То был человек старой закалки, преклонного уже возраста, но до странного крепкий и бодрый, всегда в идеально отпаренных, хоть и стареньких костюмах, при галстукке и в черных очках. Последние он носил в любую погоду не по принципу «блатным всегда солнце светит», а просто потому, что не желал шокировать обитателей местного серпентария своим стеклянным глазом. Но это не мешало, впрочем, запугивать им особо борзеющих студизов — говорят, протез глазного яблока нашего преподавателя по экономической теории смотрелся на редкость жутковато!

Поскольку сегодня, в честь начала учебного года мужчина решил дать слабину и целую пару посвятил рассказам и шуточкам из своей собственной студенческой жизни, я тоже позволила себе расслабиться и, скатившись по спинке стула практически под парту, с блаженством откинула голову назад, чувствуя, как дико хочется спать.

Все-таки ехать с суток работы на пары — это вам не Едрид-Мадрид, как говорит небезызвестная Скрябина Любовь Михайловна...

Скосив глаза на соседку по парте, невольно закатила глаза, в пол-уха прислушиваясь к тому, что хорошо поставленным, хриплым голосом вещал Саныч. Аленка как всегда упорно игнорировала всех и вся, спрятав планшет под парту и занырнув с разбега на просторы интернета. Эта хорошенькая блондиночка, худенькая и хрупкая, невысокая и почему-то вызывающая у окружающих желание ее защищать, предпочитала виртуальное общение реальному. Когда-то ее предал тот, с кем она встречалась, раскрутив ее не только на чувства, но и на приличную сумму денег, подключив при этом ее же собственную лучшую подругу — и с тех пор представителей любой половины человечества Лелька предпочитала игнорировать.

С ней, кстати, мы и познакомились в сети несколько лет назад и долго общались, не встречаясь в реале, и даже не подозревали, что в одном городе живем. А потом, в прошлом году, на концерте для первокурсников, общаясь по электронной почте, совершенно случайно выяснили, что стоим в десятке метров друг от друга...

У-у-у, как долго она потом меня избегала, страшно вспомнить! Даже в интернете не отвечала: ни на почте, ни в одной из социальных сетей. И так продолжалось до тех пор, пока на свою беду, один белобрысый нахал на посвящении в студенты, будучи далеко не трезвым, решил в моем присутствии, которое не сразу заметил, пройтись по внешности Аленки.

Семья блондина занималась автомобилями, как новыми, так и старыми, коллекционными, а так же всем, что с ними было связано. И если с новой техникой, ее ремонтом и обслуживанием проблем не возникало, то с коллекционными образцами постоянно случались какие-то неполадки, что естественно, обесценивало акции компании. И чтобы укрепить свои позиции на рынке, глава их семейства решил объединить свою корпорацию с другой, занимающейся всевозможным антиквариатом, и коллекционными раритетными авто в том числе. Как повелось в этих кругах, слияние компаний напрямую вытекало из брака их наследников. И вот ими уже, по воле фортуны, которая повернулась к моим друзьям не тем местом, оказались Аленка и Игорь.

Прознав об этом аккурат в день посвящения в студенты, блондин, который видел Лельку много раз в универе, но особо не замечал и не трогал, тогда с горя наклюкался и приперся в таком состоянии в клуб, где развлекались хмельные студюзы. А уже там, специально найдя девушку, он в далеко неласковой форме прошелся по ее внешности, к своему несчастью не обратив внимания на мою скромную персону, тихо напивающуюся в укромном уголке. Только пьяному Игорьку могло прийти в голову назвать Лельку «мелким невзрачным енотом-полоскуном, который всю оставшуюся жизнь будет полоскать ему мозги».

У девушки и правда были большие темные круги под глазами от постоянных ночных бдений в инете, а в тот вечер, как на зло, на ней было черно-бело-серое полосатое платье. Вот все это подметивший Игорь и выдал, доведя Аленку до слез.

За что и поплатился.

Меня он на тот момент знал плохо: только так, на уровне приветствия-прощания, и то только потому, что этот кадр в первый же день учебы умудрился въехать в мою машину на парковке, банально не заметив ее. Так что мне хватило часа, чтобы соблазнить пьяного блондина и затащить его в туалет клуба, где предавшись страсти (а точнее сделав вид), в самый интересный момент тактично смыться оттуда, прихватив с собой его одежду. И даже ухитрившись сделать пару фоток на прощание.

Кара настигла меня на следующий же день, в столовой, но пылающий праведным гневом Игорь, подкравшись ко мне, получил коленом по самому тщательно лелеемому месту, а затем хорошо так охладился кружкой томатного сока, позаимствованного мной у кого-то из студентов. И то ли удар получился хороший, то ли мое проникновенное шипение дошло до сознания парня, либо его аллергия именно на этот вид сока добавила мне убедительности, но свое мнение о своей будущей невесте Игорь Липницкий все-таки поменял.

И окончательно убедившись потом, после нескольких моих мелких пакостей, в том, что Аленка тоже от их будущего брака не в восторге, но выбора у них все равно нет и не будет, полез к ней с извинениями. И со временем парень действительно раскаялся и пожалел о своих словах, пытался загладить вину, даже общался с Леликом через инет под другим именем, но все было тщетно. Подруга, с которой мы начали разговаривать в реале, на его ухаживания не отвечала, на ласковое «Енотик» от блондина не откликалась и всячески его избегала.

И если у них до сих пор не наладились отношения, то мы с Игорьком со временем прочно подружились, пока он через меня и с моей помощью пытался добиться прощения и расположения своей же будущей невесты. В действительности он оказался не таким уж и засранцем.

Вот так мы и жили: Енотик в интернете, эльфенок всегда в непосредственной близости

от нее, а я как еще один угол этого треугольника, собирающий на себя все шишки и неприятности, которые только можно было, всегда в зоне видимости этих двоих. Тому была причина — проучившись год в стенах с этой золотой молодежью, я так и не научилась держать язык за зубами и отказывалась принимать уклад местной жизни...

С третьей пары хотелось сбежать, но увы, с графиком моей работы, который был сутки через двое, прогулов у меня итак накапливалось за каждый месяц достаточно. А если учесть, что я училась на бюджетной основе, а к таким, как я, преподаватели относились куда строже, чем к платным детишкам, то мне порой приходилось весьма туговато.

Спать хотелось невероятно, даже кофе уже не помогал, а дикую помесь этого бодрящего напитка с колой, которая хоть и садила сердце, но давала заряд нереальной активности, пришлось вылить кое на кого вконец охамевшего. Так что пока длилась большая перемена, традиционная между второй и третьей парой, я пыталась тихо дремать, опираясь на стенку в той же возле кабинета физрука. Идти в раздевалку спортзала, чтобы все сорок минут наблюдать за местными прихорашивающимися красотками, не было никакого желания.

Здесьнее привилегированное поколение селфи собиралось на физкультуру, как на показ мод: тщательно переодевалось в спортивные костюмы, предназначенные для красоты, а не для спорта, меняли прически, а вместе с ними и украшения, даже чехлы на телефоны заменяли на подходящие под цвет... Ну и конечно же: фото, фото, фото и еще раз фото себя любимых в зеркале, не замечая чьей-нибудь голой попы на заднем плане. И ладно бы если только попы!

По мне так напялил кроссовки, бриджи, футболку и вперед, на баррикады! Причем в прямом смысле этого слова — физкультуру у нас преподавал бывший, а может и действующий ОМОновец...

Вот уж кому было воистину плевать на статус в обществе, положение и деньги! На парах Егора Дмитриевича страдали все, ну или почти все. У Аленки было освобождение по состоянию здоровья, что-то не так там с почками было, и именно они по большей части и являлись причиной ее вечных кругов под глазами.

Так что в коридоре, среди галдящих студентов с других курсов, сейчас скучала я одна.

Покопавшись в недрах рюкзака, с трудом вынула на свет божий старенький плеер и, в очередной раз убедившись в трепетном отношении вселенской несправедливости к себе единственной и неповторимой, вновь стукнулась головой об стенку. Ибо зарядка сдохла. В голову снова забралась предательская мысль сделать ноги с физкультуры, понимая, что меня банально не хватит даже на самый короткий забег, и эта мыслишка даже нашла некоторое одобрение, когда ее моментально спугнул громкий вопль:

— Солнцева, твою мать!! Где списки?!

Втянув голову в плечи, попыталась незаметно слиться с окружающей местностью, но по приближающимся шагам и злорадному хихиканью окружающих поняла, что вряд ли мне это удастся. И поэтому, скорчив самую несчастную и виноватую моську из всех возможных, приготовилась ждать мой личный карающий меч в лице главной старосты всех курсов.

— Ты мне когда должна была должников занести? — в мое ухо проворно вцепилась изящная длань с аккуратно наманикюренными коготками, и их обладательница, высокая эффектная брюнетка склонилась надо мной, сердито шипя, — Еще в июле, Солнцева! Тебе напомнить, какой сейчас месяц?

— Эм-м... — невинно хлопнула ресницами, предприняла еще одну попытку

прикинуться девочкой-ромашкой, которая еще ни разу не дзинь-дзынь, — Август?

— Сентябрь! — зверский рык в ухо подтвердил мои догадки о том, что за представителя местной флоры я вряд ли сойду, разве что очень постараюсь прикинуться одуванчиком где-нибудь под кустом, за дальним углом парковки, — Я что в деканат должна сдавать, по-твоему?

— Хороший вопрос, — протянула, пытаюсь как можно незаметнее вытянуть свое страдающее при каждой нашей встрече ухо из ее цепких лапок и банально сделать ноги. Когда начальство гневаться изволит, от него стоит держаться как можно дальше, коли не имеешь постоянных скидок у психиатра и травматолога, — Давай я пойду и как раз над ним подумаю. Ты согласна? Вот и ладушки!

— Стоять, — меня невозмутимо сцапали за рюкзак, тормознув еще до того, как я прибавила ходу. Попытка к бегству была заранее обречена на провал, так что я уныло вздохнула, цепляясь руками за лямки рюкзака и, нацепив самое скорбное выражение лица, медленно повернулась на пятках... и тут же схлопотала в лоб.

— Ауч...

— Солнцева, вот что мне с тобой делать? — возвела глаза к потолку брюнетка, отбивая негромкий ритм по кафелю ножкой, упакованной в дорожную туфельку на длинном таком каблуке. Размером с гвоздь на сотку, не меньше.

— Понять и простить? — потирая лоб, по которому пришелся шлепок ладонью, я мигом картаво спародировала Галустяна, но скептически выгнутая ухоженная бровь показала мне, что я ни разу не Галкин, и перевод в цирковое училище мне не светит. Жаль... Я бы с радостью туда умчалась!

Тигры и медведи, вкупе с ни разу не смешными клоунами, как-то поприятнее будут, чем здешние обитатели.

— Лен, ну сдам я их, честно, — за вздох, полный вселенской скорби, муки и раскаянья, можно было с чистой совестью требовать Оскар, да вот жаль, что не с кого было, — Сегодня сделаю, завтра отдам. Я бы и сейчас наваяла, да спать хочу, как разбуженный лесником гризли в январе.

— Ты с работы, что ли? — взгляд Красновой немного потеплел, по крайней мере настолько, что в нем уже не читалось желание безжалостно вздернуть меня на ближайшем суку, без малейшего права на помилование.

Уж кто-кто, а Елена Краснова, чья семья занималась фармацевтикой и достигла в этой сфере немалых высот, коли можно так выразиться, не понаслышке знала, что за зверь такой — работа и с чем его едят. Чтобы понять устройство семейного бизнеса, девушка, которая уже имела медицинское образование, а теперь шлифовала его экономическим, сама трудилась в одной из принадлежащей ее отцу аптек. Для нее ничем зазорным это не являлось, Ленка была ответственным и целеустремленным человеком, с цепким умом и стальной хваткой. Про ее силу воли, напористость и все остальное я промолчу. В общем, она такая... железная леди, способная легко послать всех и каждого, вкнущего в ее сторону. И ей, в отличие от меня, ничего за это не будет.

Ничегошеньки! Аж обидно немного. Мне-то вечно влетает, коли не сумею удержать язык за зубами.

— С суток, — вздохнув, привалилась обратно к стенке, вяло ковыряя носком пол, — Глаза продрать не могу с самого утра. Бешеная смена какая-то получилась.

— Бывает, — окинув меня задумчивым взглядом, брюнетка неожиданно хмыкнула, —

Ладно уж, оставлю тебя в покое на сегодня. Езжай домой.

— Я бы с радостью, — уныло скривилась, втайне мечтая об уютной ванне с горячей водичкой... и энным количеством резиновых уточек, коих можно было бы утопить с самым зверским выражением лица, без малейшего зазрения совести, представляя на их месте клиентов и работников, которые обеспечили мне вчера (да и сегодня тоже), достаточно неприятных минут, — Только кто ж меня отпустит?

— Езжай уже, — только и махнула рукой староста, звякнув браслетами на тонком запястье, и многозначительно улыбнулась, — Я возьму Егора Дмитриевича на себя.

— О-о-о... — только и выдавила я из себя, отлипая от стенки. Больше добавить было нечего, ведь я только что получила подтверждение слуха, который уже давно уныло бродил среди студентов, ожидая, пока его, бедненького, дополнят и раздуют до полноценной сплетни или скандала. Лично я не верила, что физруку приглянулась красивая брюнетка с шипастым характером, да нет же, смотри-ка, это действительно было так! Ленок-то, мало того, что сама прекрасно в курсе факта наличия неких чувств у отдельно взятого мужчины, так она еще и смело этим пользуется!

Эх, такая сплетня пропадает... ибо я нема, как рыба — отмазка от физкультуры вкупе с долгожданным отдыхом и сном меня явно прельщает больше, чем вволю почесать языком на тему возможного запретного романа.

— Солнцева... — многозначительно протянула староста, слегка прищуриваясь. Я тут же сделала вид, что застегиваю рот на молнию и поспешно добавила, начиная пятиться назад по коридору в сторону лестницы:

— Я поняла. Молчу-молчу, а то по шее получу. Я могила, я статуя на ней, я вообще сам труп, тихий и безмолвный. Ты меня нереально спасла, так что я в долгу, проси, что хочешь. Списки будут завтра, хочешь, я даже сама сдам их в деканат, а тебе принесу расписку, что у меня их забрали?

— Да ладно уж, — хмыкнула Краснова, изящным жестом складывая руки на груди, — Сама зайду к тебе на пары.

— Благодетельница... — восхищенно выдохнула я, привычным жестом вцепившись в лямки рюкзака, крутанулась на пятках, срываясь с места, пока у девушки не пропала жажда помочь ближнему своему, — До завтра!

— Солнцева!!

Предупреждение Лены прозвучало слишком поздно. Я его банально не дослушала

— от внезапного столкновения меня с кем-то еще банально оглушило. Торопясь домой, в уютную кроватку, в многочасовой плен к подушке и одеялу, на разворот пошло сначала тело, а потом уже моя непутевая голова, которая не соизволила посмотреть, куда же меня понесло. И в итоге я второй раз за сегодняшний день в кого-то умудрилась с размаха врезаться. Но хоть на этот раз на пол не отлетела, и то ладно.

Упасть мне, как ни странно, не дали, заботливо поддержав, чтобы я не шмякнулась, разбив и без того несчастный копчик. Енто радует. Хватит и того, что уже один раз нос чуть не расквасила!

Интересно, и с кем мне «повезло» столкнуться на этот раз?

— Осторожней нужно быть, девушка, — раздался слегка насмешливый и достаточно высокий голос, и его обладатель улыбнулся, смотря на меня сверху вниз, продолжая легко удерживать меня над полом, над которым я висела, прогнувшись в спине и практически не опираясь на ноги.

— Э-э-э... — протянула, всматриваясь в узковатые, чуть раскосые пронзительно-голубые глаза и машинально цепляясь руками за плечи этого спасителя моего копчика. В голову не пришло ничего умнее, чем брякнуть, причем почему-то в вопросительной форме, — Прошу прощения?

— Не нужно, — улыбнулся парень и выпрямился, легко ставя меня на ноги. Даже слишком легко, учитывая его телосложение. Я это заметила машинально, но мои догадки оказались верны, как только этот рыцарь, который, надеюсь, коня своего на парковке оставил, а не попер его в учебный корпус, отступил на шаг, слегка склонив голову на бок, рассматривая меня. А я в это время делала то же самое.

Высокий, почти на голову выше меня, но до уровня той шпалы, что зовется Игорец, явно не дотягивает сантиметров так на двадцать. Жилистый, не худощавый, не сказала бы, что даже подтянутый. Но плечи, скрытые кожаным тонким пиджаком ничего такие. Под ним белая свободная футболка, внизу светло-голубые джинсы с потертостями и цепочкой на бедре, плюс дорожные лаковые туфли. Стильный прикид.

Внешность... интересная. Лицо худое, слегка вытянутое, черты немножко грубоватые, очень тонкие, но плавные, нос с горбинкой, глаза необычные, яркие, обрамленные темными ресницами. Красивая форма бровей, тоже темных, а вот волосы наоборот, светлые. Аккуратно подстриженные, но не короткие, немного ниже ушей. Пепельные вроде. Хотя этот оттенок, явно не настоящий, был чем-то средним между серебром и платиной, с оттенком пепла. Как-то так...

Необычный парень, на вид лет так двадцать пять. Вроде и не красивый, но есть в нем что-то такое... приятное, притягательное, что ли? И у него обалденная улыбка

— так и хочется растечься карамельной лужицей по полу, едва завидев ее. И свои собственные губы машинально растягиваются в приветственный ответный оскал, кстати.

Блин, о чем я думаю?

— Нет, ну почему? — отвесив себе мысленную затрещину, я перестала скалиться, как умственно отсталая и, наклеив дежурно-вежливое выражение лица, поправила сползающие лямки рюкзака, — Я же на вас налетела.

— Мне стоило лучше смотреть, куда я иду, — улыбнувшись еще обаятельнее, молодой человек шагнул вперед и, неожиданно взяв меня за руку, наклонился... и поцеловал ее. Причем проделал он это настолько быстро и ловко, что я одернуть свою лапку просто не успела! И все, что мне оставалось, это с офигевшим лицом смотреть, как этот странный тип целует внешнюю сторону моего запястья, не обращая внимания на звеневшую тишину вокруг, — Я мог навредить такому очаровательному созданию.

— Да прям... — кое-как выдала, чувствуя в этом все какой-то подвох. Вокруг явно что-то происходило, но вот что, как и почему, мне было неизвестно!

— И все же, — улыбка так и не сходила с его чувственных губ, перед которыми он до сих пор держал мою несчастную конечность и продолжал стоять, слегка наклонившись. Неожиданно усмехнувшись, он слегка сдвинул голову влево, улыбаясь уже кому-то, кто стоял за моей спиной, — Здравствуй, Лена.

— Богдан, — голос старосты всех старост, да простит меня факультет филологов за тавтологию, звучал прохладно, как мороженое в морозилке, валяющегося среди горки колотого льда. Подобный тон, вроде бы и спокойный, но какой-то... жутковатый, что ли, подобный я слышала от нее впервые. Даже голову повернула, чтобы посмотреть на Ленку, но расклад понятнее все равно не стал. Лицо Красновой ничего не выражало. Абсолютно. Она

просто спокойно констатировала, слегка выгнув бровь и сложив руки на груди, — Ты вернулся. Каким ветром, Полонский?

— Неужели ты ждала? — улыбнулся молодой человек выпрямляясь, но так и не выпустив мою лапку из своих пальцев. Я покосилась на это дело и слегка дернула руку, но ее почему-то не отпустили. Меня такой расклад категорично не устраивал, но в данной ситуации почему-то мое мнение никто особо не учитывал. А говорить вслух об этом было как-то... неловко?

Мне и неловко — это нонсенс, определено. Но почему-то сейчас, стоя между этими двумя, я реально чувствовала себя лишней. И вроде бы и разговор у них был ни о чем, и не спорили они никаким образом, и даже не ругались, но! Мое присутствие явно было не желательным.

Вот только кто бы еще мне уйти позволил!

Отковыривать собственные пальцы из хватки этого самого Богдана, да еще и при всем честном народе мне не улыбалось. Ну вообще никак. А хотя бы тонко намекнуть на это — у меня пока не срабатывала фантазия, как бы незаметнее и потактичнее проделать сие действие. Да и вообще, разрушать поединок их взглядов было как-то слишком... опасно для жизни.

А свою жизнь я люблю, да... И в мазохисты не записываюсь ни коим образом!

Так как бы все-таки... свалить отсюда?

Ох ты епт, оказывается, что бразильские сериалы в реальной жизни вполне имеют место быть! Иначе как объяснить то, что мое странноватое такое положение спас звонок родненького и уже горячо, не смотря на все его отказы пахать, как проклятому, любимого мобильника?

— Я извиняюсь, — с заметным трудом выудив свою лапку из плена продолжающего улыбаться невесте чему неизвестного мне студюоза по имени Богдан, полезла в карман джинсов за мобилкой и, ткнув пальцем в сенсорный экран, прижала его к уху, — Да-да? Я тебя слушаю, милый мой эльфик. Чего ты там говоришь? Ты уже... что? Да как в тебя вместились столько?! Нет, ты что, родненький, в тебе и в твоём желудке я не сомневалась никогда. Ни в жисть просто! Да, он мне нужен. Да, ты же знаешь, он единственный и неповторимый. И да, я просто жить без него не могу! Чегой?? Придется идти на жертвы и топать до тебя? Ну и хрен с тобой, золотая ушастая рыбка, дойду и не рассыплюсь! И да, ты еще об этом пожалеешь! Как, солнце твое? Да так. Голодом останешься, фигня эльфийская. И ничего не знаю! И хрен с ним с кондером в машине, сейчас все равно осень! И не пыхти так, я тоже тебя люблю! Да приду я, приду, куда я денусь... да, поняла, изображу черепашку- ниндзя в режиме невидимки, ибо сей предмет мне дорог, как память. Все, иди вешайся на своем канате, я даже попрощаться не загляну! Ага, пока... Лелику привет не передам, даже и не проси! Ладно, давай...

Сбросив вызов и сдув с лица упавшую прядь волос, я сунула телефон в задний карман, повернулась... и только в тот миг, когда увидела опарашенное лицо главной старосты всея универа и странноватое выражение на фейсе новоявленного прЫнца по имени Богдан Полонский, сообразила, что ляпнула что- то не то.

А точнее — много чего не того!

Мысленно прокрутив разговор с Игорьком, убрав все его реплики, я мысленно ухоталась, благодаря кыштымского карлика Алешеньку за то, что никто из невольных свидетелей, услышавших наш бред, по незнанию принимаемый за разговор двух

умалишенных, до сих пор еще не вызвал скорую. Улыбнувшись, натянула на лицо самое невинное выражение из всех возможных:

— Ленусь, сердечно благодарю за оказанную помощь. Никогда ее не забуду и непременно поставлю в ближайшем храме свечку за твое здоровье... Если раньше там из меня не попробуют изгнать дьявола, да. Богдан, рада нашему знакомству, сердечно благодарю за спасение моего копчика — он всегда не любил тесных соприкосновений с твердым полом. И да, не стоит говорить мне «спасибо», я итак удаляюсь, вижу, что вам есть, что обсудить. Всего хорошего!

И тактично смылась, с трудом сдерживая хохот.

А что такого? Видели вы бы их лица, я с трудом удержалась, чтобы не ляпнуть что-нибудь еще из ряда вон выходящее... Хотя по телефонному разговору речь-то шла всего лишь о пластиковом контейнере, в котором мирно лежала собственноручно приготовленная мной пицца, она же расплата за предоставленные мне новые тормозные колодки, которую Игрорек зажевал в один миг! Мне требовалось его забрать, пока дылда, прозванная мной эльфенком из-за длинных светлых волос, высокого роста и чуток смазливой внешности, вешалась на канате во время урока физкультуры в соседнем корпусе...

Он действительно был единственным, между прочим. Моя кухня была весьма скудна на подобное, а учитывая прожорливость Липницкого и то, что я перед ним была в постоянном неоплатном долгу, он мне мог понадобиться совсем скоро!

Так что, не смотря на лень и дикое желание умотать в родные пенаты, к чертовски соблазнительной подушке и одеяльцу, мне реально стоило забрести к Игорю на урок физической подготовки. Он был на два курса старше меня, и именно потому преподаватели у нас были разные, как и места для занятий — именно потому мне пришлось в ускоренном темпе чесать мимо парковки, игнорируя желание забраться в любимого малыша, дать по газам и свинтить отсюда, пока Ленюк не передумала.

Что до Богдана же...

Я его вижу в первый раз и, как мне кажется, в последний. Не нравится он мне, хоть данному персонажу от природы (не считая крашенных волос) была дарована на удивление приятная внешность. Не столько красивая, сколько интересная, да. Присмотреться бы к нему, чем-то мне он стал любопытен... Однако, возможно будет лучше будет держаться от него подальше. Что б наверняка избежать неприятностей — хватит с меня возможных дальнейших «отношений» с Исаевым, если они, конечно же, вдруг возникнут.

Жалко, что Аленка всего этого не видела. Уж в ком, но в повадках и характерах обитателей местного террариума она разбиралась, как никто другой. Ее бы совет мне сейчас не помешал...

Щелкнув брелком сигнализации, ставя на «прогрев» любимую машину, убедилась, что малыш послушно завелся и, спрятав ключи с брелком сигнализации в карман кожанки, шмыгнула на невзрачное крыльцо здания, которое, по сути, являлось одним из общежитий студенческого городка. Неизвестно почему мест для физподготовки категорически не хватало — может быть дело было в ремонте огромного спортивного комплекса, что должен был закончиться со дня на день, или же в неправильно составленном расписании, но что было, то было. Старшим курсам приходилось, пока что, заниматься в тренажерке, зале и бассейне одного из общежитий.

Не знаю, радовало их это или нет — мне было как-то все равно. Вход туда был свободный, вахтер дежурил в другой стороне, особо не интересуясь теми, кто пытался

проникнуть в одну из раздевалок. И не знаю, кто еще из «левых» студентиков частенько пользовался этой дорогой, однако же меня, такую маленькую и незаметную, все вполне устраивало, ибо к Игорьку приходилось наведываться часто.

Вот и сейчас, громко прошлепав подошвами кед по паркету первого этажа, я спустилась на цокольный этаж и, приоткрыв к приоткрытой двери, заглянула внутрь спортзала... и натурально сползла по косяку, едва сдерживая смех.

Липницкий был застигнут моим зорким глазом именно в тот момент, когда взобрался-таки на самую верхушку каната, что висел на высоченном потолке!

Вот, блин... обезьянка белобрысая!

Тихо хихикнув и показав другу большой палец, скользнула за дверь, так и оставшись незамеченной для его преподавателя и одноклассников. С трудом сдерживая смех и представляя, как же теперь стану величать этого орангутанга-переростка, скользнула в раздевалку, чьи двери располагались аккуратно напротив зала и, ухватившись за лямки рюкзака, внимательно осмотрелась.

Замечательно!

Обе двери, в мужскую и женскую «обитель обнаженных, потных тел» оказались открытыми, и я тихо скользнула по привычному маршруту...

То есть скользнула бы, если бы не одно «но». Ручка двери мужской раздевалки оказалась выпачкана чем-то белым и вязким, по ходу увлажняющим кремом, жирным настолько, что я невольно поморщилась, почувствовав его прикосновение к своей ладони.

Не знаю уж, кто из женской половины группы Игоречка решил так подшутить (или отомстить), но шутка была явно не самая оригинальная. Брезгливо скривившись, я машинально прислушалась к звукам, доносившимся извне и, тряхнув испачканной ладонью, потопала в сторону душевой, что находилась в противоположенной стороне от раздевалок. Женская, к моему удивлению, оказалась закрытой, так что я, ни чуть не сомневаясь, рванула ту дверь, что была более доступна — в конце концов, ни ванну я же собиралась принимать, так чего мне было смущаться?

Мне нужно-то было пару секунд, чтобы отмыть ладонь от отвратительно-жирного, воняющего чем-то приторно-сладким крема, но едва я включила воду, склонившись над краном первой попавшейся душевой...

Как на меня тут же обрушились потоки ледяной воды!

Больше от неожиданности, чем от холода, я взвизгнула, машинально отпрянув назад, не сразу поняв, что сдвинуться с места почему-то не получается. И только спустя пару секунд возмущенных вдохов-выдохов, изображающих рыбу, выброшенную на берег (не визжать же мне все время в мужской душевой на самом-то деле?), я поняла, что меня попросту держат, не давая выбраться, и тщательно поливают сверху холодным душем из соседней кабинки.

Сказать, что я оскорбилась, значит не сказать ничего.

И когда искусственный ливень, наконец, прекратился, я только мрачно сплюнула забившуюся в рот воду, а мой тяжелый взгляд предвещал моему обидчику все кары небесные, по сравнению с которыми семь казней египетских покажутся ему детской невинной шалостью.

— Ты... — стряхнув с лица жидкость, тихо выдохнула, с трудом разглядев знакомый силуэт перед собой. А этот силуэт ухмылялся так... с видом победителя. С таким взглядом, как будто он только что прихлопнул старым тапком заслуженного таракана предпенсионного возраста, что издревле портил настроение старичка-владельца своим

присутствием на кухне древней хрущевки, приватизированной после десятилетий исправной службы на заводе. А казалось бы, после подобного они должны были стать почти друзьями и соратниками...

Аха. Как бы не так!

— Гаденьш... — только и смогла сделать, что прошипеть в ответ тоном анимешного злодея, вытирая воду со щек, боясь неосторожным движением размазать то подобие макияжа, что вдохновенно намалевала еще утром на работе, боясь распугать своим сонным, бледным видом особо ранних клиентов. И ведь он в кой-то веки ровным и аккуратным получился, да. Правда, прожил недолго!

— Неужели? — насмешливый ответ возбудил меня так, как не смогли бы сделать подобное никакие другие раньше. Мне хотелось... О, как же мне хотелось!

Чувствуя промокшую насквозь ткань, ощущая липнувшие к шее волосы, замечая тонкие струйки воды, стекающие за шиворот, видя ручейки, хлынувшие с мокрых насквозь джинс на кафельный пол, моментально замерзая в промокшей от ледяной воды одежде, мне хотелось... Кто бы только знал, как мне хотелось в этот момент убивать!

— Что? — насмешливо поинтересовался стоящий напротив Демьян Исаев, сжимающий в ладони уже выключенный шланг с насадкой из соседней душевой, — Неужели настолько не понравилось? Странно. Такие грязнули, как ты, должны уважать чистоту окружающих людей. Кока-кола не отстирывается. Выбирая между стоимостью моей одежды и удовлетворением от мести, я предпочел второе. Хотя бы потому что бюджетница, вроде тебя, вряд ли представляет, о какой сумме идет речь.

— Да ну? — тихо ухмыльнулась, прекрасно зная о том, что его сегодняшний так называемый «лук» стоил примерно тех денег, что я изначально вложила в покупку своей машины. Да, для моего бюджета это было многовато, однако я прекрасно осознавала, что для подобных ему сия сумма была мелочью, не превышающую недельные карманные расходы. Но!

Даже если это было бы не так, от моей кровожадности на данный момент мало бы чего убавилось, не смотря на топот множества приближающихся ног, владельцы которых, несомненно, услышали мой визг и помчались сломя головы выяснять, что же тут такое приключилось.

— Да, — усмехнулся в ответ мой недавней оппонент, отбрасывая в сторону ставшим не нужным душ, — Или ты думала, что я оставлю произошедшее без внимания?

— Что ты? — наигранно-бодро «удивилась» я, стряхивая воду с рукавов куртки резким движением и впиваясь в местную «акулу» взглядом, — Как можно? Что, так сильно пострадало самолюбие? Как жаль, хамло ты безпри...

— Что здесь происходит?! — в лучших традициях современных любовных романов повториться мне не дали. Негромкий, но до дрожи спокойный голос, возможно даже заставил всех пришедших свидетелей вздрогнуть... всех, кроме меня и Исаева. Он все так же продолжал смотреть на меня насмешливым взглядом, а я же... А я хотела его утопить. Прямо тут, в душе, под струей самой ледяной воды, Такой, что даже полярные медведи издохли бы от ужаса, представляя, как водяная стихия только слегка касается их белоснежного меха...

— Ничего. — невозмутимо пожал плечами Исаев, продолжая улыбаться и откидывая со лба прядь длинноватых каштановых волос, — Всего лишь внеплановое принятие душа. Я решил помочь бедной, несчастной заблудшей оборванке. Она мне показалась слишком грязной.

— В таком случае, — тон подошедшего физрука был еще холодней воды, что меня окатили. И я даже не сразу вспомнила, что хуже преподавателя, что вел физподготовку у нашего потока, был только бывший майор СОБРа, что вел те же занятия у одноклассников Игорька, — Попрошу занять свое место на матах, студент Исаев.

— Но...

— Немедленно.

И вот тут я вздрогнула, ощутив кожей всего тела по-настоящему арктический холод. Так говорить надо уметь, да... Ту не поможет не выдержка, ни желание, ни ненависть. Только жизненный опыт и ничего больше. Так что не удивительно, что все студенты, включая мелькнувшего в толпе Липницкого, торопливо рассосались по периметру раздевалки, а после короткого, но многозначительного взгляда светловолосого мужчины и вовсе направились обратно в спортзал.

Все, кроме меня и моего врага, который пусть еще совсем недавно, но уже надежно и безвозвратно стал таковым.

— У меня мокрая форма, — все-таки вставил свои пять копеек Исаев, вскинув брови, глядя на своего преподавателя. Я машинально перевела взгляд на шатена... и вот тут-то мое злорадство бурно возликовало.

Ибо вышеупомянутый студент был действительно мокрым. Ну как, мокрым?

Кожа моей косухи была хорошей, хоть и недорогой. Ее водонепроницаемость была проверена временем, а специальный крем, который я исправно наносила время от времени, позволял любой жидкости стекать с куртки, аки с гуся вода. И в то время, когда эта нехристь обыкновенная, ни разу не воспитанная, полоскала меня под душем, сильный напор сыграл с ним злую шутку. Струи воды просто отскакивали от куртки обратно в моего обидчика, и теперь его просторную футболку можно было выжимать, а спортивные темно-синие бриджи...

Не выдержав, я тихо хрюкнула, не обращая внимания на то, что сама выгляжу как мышь после пота.

Ведь для тех, кто не знал всей ситуации, мокрые штаны Исаева выглядели ну очень красноречиво! Как у трехлетнего ребенка, который до горшка не добежал.

— Ты это, — надув щеки, чтобы удержать смех, все-таки не выдержала и громко прыснула, — Перепугался что ли, часом? Так ты не бойся, не заболею я. Зимой в прорубь ныряю, в пижаме на балконе курю, да и вообще, иммунитетом не оби...

— Заткнись, — оборвал меня парень, смерив уничтожаем взглядом и, сунув руку в карман, спокойно направился в сторону раздевалки, — Я переоденусь и вернусь в зал.

— Нет, — ровный тон и одно-единственное слово заставило его остановиться на полпути, — В зал. Живо. Меня не волнуют твои проблемы.

Явно испытывая желание огрызнуться, Исаев прищурился, застыв в пол оборота и, скрипнув зубами с невозмутимой на лице, удалился-таки в спортзал, щеголяя мокрыми штанишками у всех на виду.

Представив реакцию Игоря и остальных я тихо захихикала... но послушно заткнулась, поймав взгляд холодных, пронизательных глаз стоящего напротив меня мужчины. Даже голову в плечи вжала, невольно робея от одного его вида и того, насколько он возвышался надо мной. Про его камуфляжную форму и ботинки военного образца и вовсе говорить нечего было — всегда побаивалась мужчин в форме!

Гы. Интересно, а эльfenка комплексы по поводу его роста не оставляют, когда он

рядом с этой каланчой стоит?

— Ты, — спокойно, но резко произнес физрук, от чего я машинально прикусила язык. Он же мысли читать не умеет, не?? — Три минуты. Приводишь себя в порядок, и чтобы я здесь тебя больше не видел.

— Так точно! — невольно вытянулась в струнку, но поймав пронизывающий насквозь взгляд и почувствовав себя будущей жертвой данного энтомолога (так и чувствовалась, как он взглядом вонзает булавки мне в лапки, да и распятой на стене висеть мне тоже не понравилось...), скривилась и кивнула, — В смысле, да, конечно, я все поняла. Через три минуты меня здесь не будет.

Смерив меня еще одним долгим взглядом мужчина, наконец, развернулся на пятках и ушел, а я же, скинув с плеч рюкзак, тихо ликуя, что его ткань была непромокаемой, полезла внутрь за зеркалом и косметичкой. Да, там преспокойно соседствовали тормозные колодки и девичьи прибабасы, а что такого? Когда работаешь сутками, еще и не то приходится с собой таскать.

Умывшись как следует, и быстро стерев косметику специальными салфетками, застегнула рюкзак, хорошенько его встряхнула, стряхивая остатки воды, а затем стянула с плеч косуху, чтобы подвергнуть ее той же участи. Зажав в руке и то и другое, одернула липнущую к животу футболку, тихо ежась от неприятного ощущения, что доставляла промокшая насквозь одежда. И чего я куртку не застегнула, никто мне не скажет, не?

Благо хоть телефон в кармане кожанки был и вряд ли он промок — по крайней мере, пищит, значит, какая-никакая, но надежда хотя бы на его ближайшее счастливое будущее все-таки есть.

Но чего, собственно, он пиликает-то, кто там вдруг решил почтить меня бедную нечастную своей царской смс?

«Третья кабинка слева, на верхней полке полотенце и футболка. Переоденься и дуй домой, живо!».

— Спаситель ты мой! Благодетель! — тихо выдохнула, влюбленным взглядом рассматривая на абсолютно сухом экране сообщение от Липницкого, — Ты ж мой любимый эльфенок-бибизьян! Почти рыцарь на белом коне, да... Вам бы с Ленкой да памятник обоим поставить, да жаль Лелику она не конкурент...

Продолжая восхищенно лепетать и умиляться заботливости эльфа-переростка, быстро дотопала до мужской раздевалки, с отвращениями хлюпая мокрыми кедами по каменному полу. Уставившись на уже знакомую испачканную кремом ручку, тихо хмыкнула и, чуток размахнувшись, пнула дверь ногой и, о чудо! Она послушно отворилась, тихонько скрипнув, словно обидевшись на подобное обращение к себе.

Вот нельзя было так сразу сделать, а?

— Третья слева, третья слева... — тихо бормоча, прошлась вдоль стройных рядов кабинок, которые отличались друг от друга только порядковым номером, пока на глаза не попала нужная, — О, нашла! Хм, эльфенок, надеюсь, запасные труселя в горox у тебя там не валяются? То-то Енотик будет в шоке...

Сообразив, что снова разговариваю сама с собой, отвесила себе мысленную затрещину и бросила на стоявшие посередине раздевалки длиннющие скамейки рюкзак и куртку. Забравшись в вышеупомянутый шкафчик с головой, выудила оттуда белоснежное махровое полотенце и такого же цвета футболку, даже не задумываясь над тем, что могло еще оказаться в недрах обители эльфийских шмоток. Наскоро отжав волосы, стянула промокшую

спереди футболку, быстро вытерлась и, напялила вещь Игорька... точнее попыталась это сделать, едва ли не намертво запутавшись в этом... Блин, судя по размеру, шатре!

И только когда вынырнула и высунула руки в задуманные для них дырки, повернулась к единственному зеркалу, чтобы посмотреть, насколько все было плохо. Плохо... Блин, это не просто плохо!

Едва сдерживаясь от дикого смеха, машинально закрыла рот ладонью и шмякнулась спиной о дверцу соседнего шкафчика — о том, что футболка Липницкого здорово смахивает на средневековую ночнушку мне, пожалуй, вслух и при нем говорить не стоило! Он хоть бы с каким рисунком себе данный предмет гардероба покупал, что ли? Это мне она бедра скрывает, а если ее каким-то чудом примерит Аленка, она ей коленки закроет, запросто составив конкуренцию ее любимой широченной юбке цыганского фасона!

Тихо подхихикивая, отлипла от шкафчика и, выудив из кармана джинс мокрую резинку для волос, торопливо стянула их в узел, памятуя о том, что времени на все про все мне дали не так уж и много. Быстренько сложив мокрое полотенце и футболку, расстегнула рюкзак, аккуратно пристроила вещи там и встряхнула данный вещь-мешок для надежности. Застегнув, привычным жестом закинула рюкзак за спину, а когда повернулась, чтобы уйти, на глаза внезапно попало содержимое шкафчика, дверца которого открылась, когда к ней привалилась моя трясущаяся от хохота тушка.

На лицо тут же заползла самая кровожадная и хитрая улыбка из всех возможных.

Ну, что, нехристь, поиграем?

— Скажешь хоть слово — убью, — не глядя в сторону шокировано замершего Игоря, процедил сквозь зубы Демьян, мрачно рассматривая висящие на дереве предметы.

Нет, сейчас был далеко не Новый Год. Нет, кто-то из студентов не сошел с ума. Нет, никто не решил заняться вандализмом. И даже никто просто не развлекался таким вот интересным способом.

Нет, это всего лишь кто-то слишком «умный», наглый и рыжий решил развесить на единственной березе, что росла на ближайшей парковке, все его личные вещи!!!

— Сука, — сплюнув на землю, наследник крупной корпорации закурил, небрежно сунув руки в карманы просторных спортивных бриджей, мало обращая внимания на осенний ветерок, продувающий его мокрую одежду насквозь. Не удостоил он взглядом и толпу студентов, собравшихся на стоянке и глазающих то на него, то на предметы гардероба, украшающее сибирское дерево лучше, чем разноцветные игрушки американскую рождественскую елку.

Да, это были его джинсы, пиджак и футболка, в которые он собирался переодеться сразу же после урока. Да, они были влажные и в пятнах от кока-колы, но это было лучше, чем ничего — ходить в откровенно мокрой футболке и бриджах ему хотелось меньше всего.

И хотя ему хватило всего одного взгляда, брошенного на одноклассников, что бы насмешливые выпады в его сторону прекратились, на улице было достаточно прохладно для того, чтобы ехать домой в тонкой спортивной форме.

Какого же было его удивление, когда собственных вещей в шкафчике он не обнаружил... На пустой полке сиротливо лежал только лишь его бумажник, телефон, да две связки ключей — от машины и квартиры.

Демьян сразу понял, чьи длинные руки лишили его так необходимых сейчас тряпок, будь они прокляты три раза! И ведь тогда он был даже почти согласен с просьбой Игоря не трогать девчонку и оставить все, как есть...

Но ровно до тех пор, пока не увидел свои шмотки, заботливо развешанные на единственном дереве, гордости студенческого городка.

Апофеозом и без того радужному настроению парня стали его носки, старательно натянутые на нижние ветки, смотрящие в противоположные стороны, да туфли, одиноко приткнувшиеся к основанию ствола на земле.

Никогда ранее еще Демьян Исаев не был полон такой мрачной решимости во чтобы то ни стало отомстить обнаглевшей и явно зарвавшейся девчонке.

— Я так понимаю, просить тебя оставить ее в покое бесполезно, да? — потерев пальцами переносицу, Игорь тихо хмыкнул, — Анька, блин... Вечно что-нибудь, да отчебучит!

— Если подобное этому, — его друг на удивление спокойным взглядом окинул дерево с предметами своего гардероба и, достав из кармана ключи, щелкнул брелком сигнализации, ставя на прогрев свое авто, — Уже было и не раз, я удивлен, почему этой оборванке никто до сих пор не свернул шею.

— Не, такого еще не было, — Игорь фыркнул, мельком взглянув на березу, а затем и на студентов, которые, обсуждая тихими голосами произошедшее, медленно расходились, сообразив, что только что вернувшийся из Англии всем известный студент не собирается изображать обезьяну и лезть на дерево, — Но нечто подобное она устроила в мою честь. Я, правда, пытался отомстить, о чем потом пришлось пожалеть. Да и права она тогда оказалась. Тебе я тоже не советую лезть в бутылку: Анька всегда отличалась хорошей фантазией.

— Голь на выдумки хитра? — небрежно усмехнулся Исаев, которого ни капли не затронули слова своего приятеля. Подойдя к своим ботинкам, к которым после всего произошедшего не собирался даже прикасаться, он медленно опустился на корточки и, протянув руку, достал из одной обуви небольшую бутылку с темной газировкой. Ярко-красная крышка была еще не вскрыта, а к этикетке была приклеена записка, адресат которой был понятен и без прочтения ее содержимого.

— Дем, — тяжело вздохнув, Липницкий скривился и щелкнул крышкой зажигалки, что все это время сжимал в руке, — Да, она бюджетница. Но при этом далеко не плохой человек. Своеобразный, не без того, но действительно неплохой. Оставь ее в покое, хотя бы ради меня, а?

Ничего не ответив, Исаев только усмехнулся и, продолжая сидеть на корточках, молча вытянул в его сторону руку с запиской, которую сжимал между двумя пальцами.

Наклонившись, Игорь забрал ее, гадая, что же его подруга «отмочила» на сей раз, кроме его же собственного друга и, мельком взглянув на содержимое ярко-зеленой бумажки с клейким краем. И тут же понял, что жить его любимому рыжему чудищу осталась ох, как недолго...

«Кока-кола легко отстирывается — по доброте душевной дарю тебе бутылку оной, чтобы ты убедился в этом сам. А вот кола с кофе, что так неудачно вылилась на тебя в столовой, не отмоется уже никак, как и твоя подмоченная репутация. Вывешиваю твои тряпки на всеобщее обозрение, дабы они стали живым напоминанием того, что с вещами, как и с незнакомыми людьми, нужно обращаться вежливо и аккуратно. Помни об этом, хамоватый мальчик в мокреньких штанишках. Целую!»

— Анька, блин... — обреченно простонал Липницкий, комкая записку в ладони, — Дурында, ты хоть понимаешь, что ты натворила?

— Вряд ли, — негромко хмыкнул на удивление спокойный шатен, который все так же

сидел на корточках, делая упор только на носки кроссовок, сцепив пальцы в замок под подбородком и вглядываясь куда-то за пределы парковки, в сторону ровного газона пока еще зеленой травы, — Не проси меня о снисхождении, Игорь. Рыжая дрянь только что сама подписала себе смертный приговор.

Да уж...

Пожалуй, как никогда ранее, Липниций только что понял, что отговаривать от ответной мести своего друга в данном конкретном случае было совершенно бесполезно.

Оставалось только надеяться, что в результате разборок между своими друзьями выстоит хотя бы малая часть построек всего университета. Ну или хотя бы эта самая березка, ставшая невольным свидетелем, а заодно и соучастником зарождающейся войны между новенькой оторвой и уже заслуженной грозой среди местных студюзов.

Игорьку, прозванному когда-то давно эльфом, почему-то именно это дерево было искренне жаль.

И почему, интересно?

Глава 2

«Самый лучший день, заходил вчера!!!»

Твою мать!

Подпрыгнув на постели, нервно икнула от громкой мелодии и, судорожно отключив орущий на телефоне будильник трясущимися руками, взглянула на время и, громко застонав, рухнула обратно на кровать, угодив лицом в подушку.

Это ж какая гадость мне Лепса поставила на звонок будильника, да еще и на шесть утра?!

Хотя...

Невольно хрюкнув в подушку, перевернулась на спину и, сладко потянувшись, припоминая, с каким наслаждением развешивала накануне шмотки нехристи на дереве. А если еще вспомнить, какое вдохновение меня посетило при написании ему записки... Этого вполне хватило, чтобы тут же почувствовать громаднейшее удовлетворение на своей черной-пречерной и злопамятной душе.

Воистину, самый лучший день заходил вчера!

Как там дальше-то?

А, не важно. Главное, что моя мстя вполне удалась!

Как я об этом узнала, не присутствуя там лично? Ха! Тринадцать пропущенных вызовов от эльфа днем и еще с десяток вечером было вполне достаточно, чтобы понять, сколь много нового и интересного он соблаговолил узнать о моей кровожадной личности из уст наверняка вусмерть обиженного Исаева.

В том, что этот красавчик не оставит мой подарок без внимания, я фактически не сомневалась — такие, как он, нанесенных им обид так просто не прощают. Но, как пели в знаменитом фильме: «А нам все равно, а нам все равно!».

Ну, может быть и не совсем все равно — чуток боязно, но не более того. В конце концов, я сильно сомневалась, что ума нехристи хватит на что-то еще, кроме ледяного душа, но ведь вряд ли мы с ним еще разок встретимся в столь тесной и почти интимной обстановке. В спортзал к Игорьку для меня теперь вход заказан, моя группа и его редко когда занимается в одном корпусе, да и если такое вдруг случится — бегать быстро я вроде умею. Главное, чтобы Исаев мне машину не подпортил, ему сие не составит труда, в этом я ну ни капли не сомневаюсь. Для подобных ему дорогие авто всего лишь игрушки, а на мою машину он и вовсе посмотрит, как на старого плюшевого медведя с оторванной лапой, валяющегося в грязи под ногами.

И не дай бог он тронет моего малыша...

Мстить буду так, что мгновенно раскатиться во всех смертных грехах, восемь раз об этом пожалеет и приползет извиняться! Фантазия у меня богатая, а на мечь так особенно.

Кстати, надо будет послезавтра утречком, часов так в пять, моим «любимым» работничкам Баскова по громкой связи включить. Помнится, они как-то за Киркорова меня чуть не придушили коллективно... но не нужно было тогда в администраторскую посреди ночи живую крысу подбрасывать!

Я человек злопамятный, да. Но справедливый!

Пнув компьютер, который так и не удосужилась вчера выключить, по системному блоку, попав аккурат по кнопке, что выводила технику из спящего режима, ткнула мышкой в

первую попавшую песню и, прибавив громкости, натянула старую кофту, валяющуюся тут же, на тахте возле стенки. Сунув ноги в тапочки а-ля когтистые лапы, шмыгнула на балкон курить, где пришлось померзнуть пару минут, пританцовывая подмерзающими голыми коленками, в ускоренном темпе травясь никотином. Что поделать — дома дымить, конечно, теплее, но и жить на улице как-то не хочется.

А курение вне стен квартиры было одним из обязательных условий арендодателей. Мол, бедные рыбки траванутся, да и тому рассадику цветов, что занимали большую часть зала, табачный дым был вреден. Кстати, поливка первых и кормление вторых тоже являлись нерушимым правилом моего проживания в данных стенах. Или наоборот, кормить первых, а поливать вторых? А, пофиг.

Рассадику цветов неизвестного мне вида, названия и происхождения, что бойными рядами прорастали в зале, окружая огромный диван, стоящий прямо посередине комнаты, и круглые чаши с еще какими-то кудрявыми малявками, развешанными по периметру, особых хлопот не доставляли. Я как-то сразу завела себе привычку поливать их, как и было положено (два раза в неделю), а с моим графиком как раз только так и выходило. Приеду с утра после работы в универ, потом домой, полью цветы, приму в душ, перекушу — и баиньки прямо днем, до самого утра. По-другому отоспаться как следует просто не получалось.

С рыбками, конечно, было сложнее.

Зевая и потягиваясь, я натянула халат, не став завязывать его на талии даже чисто символически, и выползла в зал, мгновенно поймав с полсотни голодных и укоризненных взглядов. Из огромного и длиннющего аквариума, что фактически полностью заменял собой стенку, разделяющую большую комнату и коридор, ведущий на кухню, на меня с печалью всего мира смотрели голодающие уже как двое суток несчастные рыбешки.

Пришлось кормить.

Отдав на растерзание остатки корма, на которые обитатели местного «водоема» набросились, аки пираньи на свежую лань, все еще зевая, уползла уже в ванную, приводить себя в божеский вид, привычно думая о том, как же мне все-таки повезло с арендодателями. Кормежка, поливка и обязательная ежемесячная оплата коммунальных услуг, куда входило и электричество с водой — вот и все мои затраты. Даже чисткой аквариума и заменой в нем воды занимался специально нанятый и оплаченный (не мной, что важно!) человек, приходивший раз в неделю. За съем данного жилья в элитном доме, огромное количество квадратных метров, консьержку и место на подземной парковке я не платила ни копейки.

Учитывая, что в данной двушке никто прописан не был, в сумме получалось многим дешевле, чем если бы я снимала убогую крохотную комнату у полубезумной старушки в старой сырой хрущевке.

Вот таки пироги. В свое время мне реально повез...

Мама!! Это что еще такое?!

От зеркала, висящего в ванной, я невольно отшатнулась, едва взглянув на отражение в запотевшем стекле. На меня смотрел... смотрело... в общем, не знаю, кто это был, но сие было нечто!

Нервно икнув, стерла выступившей от умывания горячей водой конденсат, и, сплюнув зубную пасту в раковину, тихо хихикнула. Сбившиеся на бок волосы вкупе со слегка опухшей физиономией выглядели ну просто потрясающе!

Хотя, в принципе, чего я хотела добиться с утра пораньше? Отражение спящей красавицы, что ль?

Вчера меня с трудом хватило на то, чтобы по приезду домой напоить цветочки, принять горячую ванну и завалиться спать так, в одной футболке и с мокрыми волосами. Сушиться было лень, да и дома всегда относительно тепло: заболеть вроде не должна, а на внешность, в принципе, мне побоку.

Еще и не такую рожу в порядок приводили.

Моя бледная личность после трое суток работы подряд без сна и отдыха — вот, где по-настоящему страшно... А главное, какой у меня характер милый и расчудесный становится... Прямо как у племянницы сатаны в день ее совершеннолетия и известия, что ее насильно замуж выдают.

Милота такая, прямо загляденье и отрада для души!

Весело фыркнув, наконец-то занялась своей опухшей мордашкой, весело подмурлыкивая задорному мотиву, что гремел по всей квартире. Закончив, прошла на кухню, поставила турку с кофе на плиту, приветственно постучала соседу за стенкой (у нас с Колькой не было к друг другу никаких претензий по поводу ранней побудки музыкой — совсем наоборот, сосед сам просил его будить таким макаром к первой паре) и, услышав противный писк, радостно вытащила на свет божий только что приготовившийся кекс с абрикосами.

Хлебопечка с отложенным стартом, которая сама месит, сама выпекает и сама отключается — замечательная вещь, знаете ли.

На завтрак и сборы ушло от силы полчаса. Мысленно благодаря своих работничков за поставленный будильник, о котором я вчера благополучно забыла, привычно сжимая зубами бумажный пакетик, замкнула дверь. Подтянув ляжки любимого рюкзака, поправила сползающие ляжки и вприпрыжку поскакала по лестнице вниз — настроение было преотличным.

Подземная стоянка встретила меня легкой прохладой и полумраком, только ярко и приветственно горел свет и мигал телевизор в будке охраны.

— Доброго утречка, Пал Инокентич! — приветственно рухнув грудью на окошко, я улыбнулась, потрясая свертком, — Доставка на дом. Завтракать изволите?

— Доброго, Анечка! — добро и тепло отозвался пожилой мужчина, сидящий за большим столом, — Я смотрю, ты сегодня прямо цветешь! Случилось чего?

— Да нет, — фыркнула я, — Настроение просто хорошее. Выспалась! Как там мой малыш? Не капризничал? Кстати, приятного аппетита. Сегодня кекс с абрикосами.

— Ты золото, — расплылся в улыбке сухонький старичок в камуфляже, принимая от меня заветный пакетик, — Мне бы такую внучку!

— Вот напроситесь, возьму и стану ей! — привычно пригрозила, принимая знакомые ключи, — Не жалуйтесь потом!

— Что ты, — рассмеялся Павел Иннокентьевич, — Мне это будет только в радость. Хорошая ты, хоть и озорная. И машина твоя никакого беспокойства не доставляет, ни то, что джип из сорок второй! Пиликал всю ночь, что б ему пусто было.

— Ну не ругайтесь, — укоризненно улыбнулась, — Вам это не идет. Да и потом, скажите владельцу, что... апчхи! Апчхи! Апчхи!

— Будь здорова, — тут же вежливо отозвался мужчина и озабоченно спросил, — Анют, ты не заболела, часом?

— Да не должна, — почесала свербевший нос и, отлипнув от окошка, махнула рукой, поправляя ляжки рюкзака, — Ладно, дядь Паш, побежала я. Удачного дня и спасибо за

заботу!

— Тебе спасибо! — донеслось мне в ответ.

Едва ли ни вприпрыжку доскакав до своей машины, любовно погладила малыша по черному капоту и, щелкнув брелком сигнализации, плюхнулась в теплое нутро уже прогретого автомобиля. Повернув ключ в замке зажигания, тронулась с места и, просигналив напоследок доброму старичку, выскочила в открывающиеся ворота подземной парковки.

Собственно, как таковой, сторож на подземной стоянке не очень-то и требовался, она и без него была надежно защищена: тревожная кнопка в наличии имелась, камеры видеонаблюдения, автоматические ворота, снаружи снег чистил дворник, а внутри убирались специально нанятые уборщики. Павел Иннокентьевич же, живущий неподалеку, сидел там, скорее для антуража, но приносил ощутимую пользу, зорко следя за порядком и отключая периодически срабатывающие слишком чувствительные сигнализации на некоторых авто. И пусть зарплата у него была фиксированной, за энную сумму, практически смехотворную, пожилой мужчина, которому владельцы оставляли свои ключи, заводил некоторые машины заранее, что было до жути удобным делом. Не нужно было сидеть на парковке, уныло ожидая, пока двигатель родимого железный коня, наконец, достигнет нужного количества оборотов, достаточных для дальнейшей комфортной поездки.

Я очень быстро оценила все преимущества подобной халтурки, коей заслуженный пенсионер обеспечивал себе достойный остаток жизни, и с радостью выкладывала каждый месяц честно заработанную денюжку. А к этому еще и подкармливала доброго старичка — уж слишком мне нравился этот добрый, жизнерадостный дедулька. К тому же, готовить я умела почему-то только в больших количествах, а с графиком моей работы испеченные вкусности частенько успевали засохнуть. Так что делиться завтраком с Павлом Иннокентьевичем мне было даже выгодно, а его благодарная улыбка и неподдельная забота всегда поднимала настроение.

Вот такой вот взаимовыгодный бартер.

Не смотря на хорошее начало дня, настроение все же чуток подпортилось благодаря многочасовой пробке, в которую я как-то умудрилась въехать. Видимо, сработал закон подлости: уж слишком все хорошо и гладко шло. Но со мной же все время так быть не может! Вот и судьба-злодейка, видимо убедившись, что свой лимит счастья и спокойствия я уже исчерпала, заставила меня как следует понервничать и попотеть, сидя в скороварке, коей стал мой малыш, бесперебойно работающий на протяжении двух часов, в самой плотной пробке из всех возможных, да еще и на самом солнцепеке. Осень осенью, а яркое солнце липло к черному металлу просто отлично!

Приятным до зубовного скрежета бонусом стал плюгавый мужчинка в кожаном плаще и очках, кряхтящий по соседству на своей старенькой «Оке», который с завидным упорством и удивительной непробиваемостью таки просто вынуждал меня прижиматься к едущему рядом огромному джипу.

В конце концов, водителю дорожущего внедорожника видеть моего малыша у себя «под крылышком» банально надоело и он, открыв окно, на удивление вежливо и тактично поинтересовался «какого ж хрена я к нему жмусь, как к мамке родной». На что получил возмущенный взгляд, полный вселенской скорби вздох и указанное пальцем направление в сторону виновника интимных объятий наших машин. Мигом оценив дорожную обстановку в непосредственной близости, мужик кивнул, вроде как извинился и, остановив машину, сердечно пообещал мне «накостылять козлу египетскому, чтобы тот, наконец, очки протер и

шел сдавать свое корыто в обмен на куда более полезный ему велосипед».

Честно, не знаю, чем там все закончилось — едва только владелец джипа обошел мою машину, как у меня появилась возможность нырнуть между автобусом и трамваем, чтобы следом свернуть на незаметную, но всегда меня выручающую объездную дорогу. Ей я, конечно же, сразу воспользовалась.

Правда не очень-то мне спасительная тропинка помогла на сей раз — первую пару я пропустила конкретно, а на вторую безнадежно опаздывала. Да еще и мое место на парковке возле любимой березы было занято: там удачно встал красивый вишневый кроссовер немецкого производства, так что пришлось приткнуть машину за углом. Торопливо скинув мелочевку, вроде сигарет, зажигалки и кошелька в рюкзак, заглушила авто, машинально отметив, что вчерашняя нарядная рождественская елка сегодня снова уныло трепещет только лишь бледно-зеленой, а кое-где уже желтоватой березовой листвой, вынырнула из теплого нутра малыша... И мгновенно продрогла, едва не оказавшись закинутой сильным порывом ледяного ветра на ранее рассматриваемое дерево. Ежась под порывами разбушевавшейся стихии, которая начала сгонять со всех сторон унылые серые облачка, щелкнула брелком сигнализации и бегом рванула в учебный корпус.

Ждал меня Исаев, пылающий праведным гневом, али нет — мне было как-то до лампочки, ибо впереди меня ждал противник куда старше, серьезнее и опаснее...

И увы. Не помог не щенячий взгляд, ни невинные глазки, ни скорбное сетование на дорожную обстановку и жестокую несправедливость в целом, и даже клятвенные заверения, что все это было в первый и последний раз.

Остаток занятия у Саныча мне пришлось провести стоя лицом в углу аудитории, тоскливо рассматривая потолок, безмолвно спрашивая великого боженьку, за что мне это, да попутно пытаясь запомнить материал лекции под тихие смешки студентов. По-другому было никак: мой рюкзак тоже был «наказан», а потому одиноко стоял на столе у одноглазого преподавателя, листочком и ручкой же мои обожаемые, чтоб им в кафешке еды не досталось, одноклассники делиться отказались. Явно в принудительном порядке, но любить их больше за это я все равно не стала. Помочь мне хоть как-то записать лекцию Сан Саныч не дал и Аленке.

В том-то и заключалась расплата за мой смертельно-опаздательный грех. В конце занятия мне пришлось рассказывать все, что успела запомнить — пропустив часть лекции, не записав ни слова и думая больше о собственной плохой карме, чем о теме урока, я с трудом вытянула на троечку. Вздохнув, покорно согласилась с оценкой и под ехидные реплики преподавателя забрала-таки родненький рюкзак, чтобы под смешки надоевших до почечных колик и уже собирающих студиозов, с гордо поднятой головой покинуть учебный класс.

Не знаю, как утро, а день явно не удался...

— Да ладно тебе, пересдашь, — негромко фыркнула Аленка, догнав меня уже в коридоре. Торопливо семеня рядом, примериваясь к моему широкому шагу, она попыталась улыбнуться, — Ты все равно на первой паре ничего интересного не пропустила. Правда «философ» сказал, что уже успел заскучать по вашему тесному общению...

— Тьфу ты, — сердито сплюнула и, пнув кроссовком какую-то бумажку, попавшуюся под ногу, поморщилась, — Вечно он ляпнет какую-нибудь двусмысленную гадость, а мне доказывай потом местным пираньям, что я ни разу ни Лолита, а он не старый ловелас! Ауч...

— Ань, — отвесив мне привычный подзатыльник, укоризненно произнесла Лелька, сворачивая в соседний коридор. Ловко лавируя в потоке студентов, оставаясь при этом-то не очень заметной, но никем не сбитой — всегда поражалась ее этой манере не выделяться из толпы! — Ты сама виновата. Зачем каждый раз ведешь с ним дискуссии на жизненные темы? Его все равно не переспорить.

— Знаю, — пожав плечами, уныло побрела следом, раздосадовано топая пятками по лестнице и стараясь не потерять из виду маленькую фигурку, одетую в классические брюки и приталенный пиджак приятного кремового цвета, спускающуюся немного впереди, — Но поболтать с ним интересно.

— У тебя временами просто язык без костей.

— Да в курсе, — хмыкнула, понимая, что ничем новым меня подруга не порадовала. Достав из кармана мобильник, мельком взглянула на время, убрала его обратно... и чуть не налетела на застывшую на месте подругу, которой мешала пройти огромная толпа студентов, невесть почему замерших в холле на первом этаже. Судя по количеству, духоте и громкому смеху, здесь собрался едва ли не весь наш поток. Удивленно осматривая студентов, обсуждающих что-то несомненно веселое, слегка наклонилась и поинтересовалась, — Что за движняк, не в курсе? Неужто студсовет снова что-то отчебучил?

— Не знаю, — как-то неуверенно и хмуро отозвалась блондинка, пальцами придерживая спадающие с хрупких плеч лакированные лямки белоснежного тонкого рюкзака, — Подойдем ближе и посмотрим?

— А может ну его нафиг? — с затаенной надеждой спросила но, получив в ответ только протискивающуюся между людей фигуру Лелика, уныло вздохнула и полезла следом. Ну что ж... кому оттопчу ноги, тот сам виноват!

— Ань... — Аленка затормозила так резко, что я, ковырявшаяся в тот момент пальцем в глазу, напрасно пытаюсь на ходу достать оттуда что-то мешающееся, машинально на нее налетела, по инерции ткнув пальцем в оный. Завыть больной белугой мне, конечно же, захотелось, но я как-то сдержалась, скорчившись и отчаянно пытаюсь проморгаться. Больно же, блин! — Ты зачем это сделала?

— Ась? Чего я натворила опять? — сморгнув набежавшие слезы, недоуменно повернулась к хмурой более обычного подруге... на что она просто ткнула пальцем вверх и куда-то в центр холла. Проследив за ее конечностью взглядом, я задрала голову... и обалдела.

Это ж... да какого черта?!

В центре большого помещения висели два огромных плазменных телевизора, тесно прижатых друг к другу задними стенками. У нас по ним постоянно гоняли гимн ВУЗа, рекламу специальностей, последние новости универа, разные сообщения от преподавателей, изменения в расписании, время сбора старост ну и кучу всякой другой нужной и не очень информации. В чем-то, конечно, они были несомненно полезной вещью, хоть и откровенного мусора в вещании местного ТВ всегда хватало. Однако, за несколько лет использования подобных телевизоров, они вполне себе зарекомендовали как общественно-полезное средство одностороннего общения, нередко привлекая к себе внимание студентов в самый нужный момент.

И одним из подобных стал как раз нынешний... кхм, моментик. Правда наши участники радио и видео кружка, как и их преподаватели, вряд ли могли предугадать, что именно сегодняшний эфир наверняка побьет все рейтинги небезызвестного всем скандального и на

диво примитивного «Дома-2»...

Знаете, вчера я ни раз и даже ни два прокручивала в голове все произошедшее за день. Признаю, мне любопытно было знать, как я выглядела в тот или иной момент, но особенно мне было интересно посмотреть, как вытянулась мордашка нехристи, когда он увидел свои тщательно лелеемые и оберегаемые от посягательств со стороны шмотки на любимой среди студентов березке. Но меньше всего я ожидала, что среди студюзов этого универа найдется такой гений, что фактически незамедлительно и наяву воплотит все мои желания!

Сцена с колой, минералкой и тормозными колодками в столовой — полоскание моей тушки в душе — Исаев в мокрых штанах — моя вредная и кровожадная физиономия, развешивающее его тряпье на дереве. А затем, финальным штрихом, его лицо крупным планом, едва глянув на выражение которого, я почувствовала, как невольный холодок прошел по спине. Мамочки...

Если он действительно так выглядел после прочтения моего короткого опуса на той бумажке, что я положила в почтовый ящик, он же его ботинок, вместе с бутылкой газировки... Господи, да мне уже страшно жить!

И что-то мне подсказывало, если Исаев лично увидит это видео — страшно мне будет недолго. А вот умирать я буду мучительно!

Машинально продвигаясь вперед, не в силах оторваться от происходящего на экране, мало замечая направленные на меня взгляды, я машинально отметила, каким качественным была нарезка видео, явно позаимствованная из видеоархива камер наружного наблюдения. Кто-то очень умный увеличил картинку и четкость, добавил яркости, умело все это смонтировал, наложив какую-то задорную мелодию. И этот же гений, уж не знаю, чем я ему насолила и когда вообще успела прикоснуться к его обеденному супчику, собрал те отрезки записей, по большей части которые стали своеобразной провокацией в мой адрес. Ведь глядя на мелькающие кадры, создавалось впечатление, что именно я здесь адское создание, которое издевалось и унижало бедную и несчастную нехристь. Все, даже ракурс был подобран идеально — люди видели только пострадавшего парня, наследника крупной корпорации, над которым, вдруг, решила постебаться невесть что возомнившая о себе бюджетница.

Да уж...

Не знаю, кто это сделал, но он только что подложил мне гигантского размера свинью!

Вот теперь меня точно со свету сживут... Не поможет ни звание старосты, ни Лелькин дядя, он же ректор этого чертового серпентария. Выживут мою особь из данных стеклянных стенок. Как есть выживут!

Впрочем, если задуматься, на данный момент это далеко не самая насущная из всевозможных проблем. Хренушки бы с ними, с десятками радостно ржущих свидетелей, тыкающих в меня пальцем, от них за год обучения я уже итак много чего повидала. Самое главное для меня сейчас вовремя сделать ноги, пока меня не застучали, как можно было подумать, с поличным. Если народ сейчас вдруг оскорбится чувствительной душой Исаева, которую я якобы задела, и решит коллективно отомстить — поставить, что называется, меня на место... Как нефиг делать распнут мою тушку на ближайшей осине и доказывай всем потом, что я ни разу не Иуда Искариот!

Не обращая внимания на нарастающий вокруг неодобрительный шепот, я еще раз мельком взглянула на экран...

И только тогда до меня, как до утки на двадцать пятые сутки, дошла одна простая

истина.

А ведь неизвестный «доброжелатель» не Демьяна Исаева пытался выставить опозоренным лохом. И он (или она) не меня хотели сделать главной злодейкой всего универа. Не-е-е-ет. Все гораздо проще и веселее.

Только сейчас я поняла истинный смысл данного видео.

Со стороны все выглядело так, будто я, только я и никто другой, хорошенько поиздевалась над недавно прибывшим, но всем известным студентом, а после этого, желая выпендриться, смонтировала и предъявила на всеобщее обозрение доказательство его унижений.

Будто я сама, лишившись последних тормозов, выложила в сеть ВУЗа... вот это! Черт... И кому ж я настолько-то дорогу успела перейти?!

А главное когда?

Тихий гомон вокруг стал постепенно нарастать. Не знаю, в какой момент я почувствовала волнение, нарастающее напряжение, чью-то злость, а может и ненависть, но как-то сразу мне стало понятно: надо линять. И как можно быстрее!

— Я потом все объясню, — тихо шепнула в ответ на внимательный взгляд Лелика, кивая и цепляясь за лямки рюкзака, начиная машинально пятиться назад. Я хотела ей все объяснить, рассказать, втолковать и заверить, что кристально чиста и невинна, а к этой ситуации вообще не отношусь никоим образом, но времени категорически не хватало. Не в силах сдержать умоляющий взгляд, я шагнула еще раз... И получив в ответ утвердительный кивок, почувствовала, как с души просто свалился-таки не камень, а огромный булыжник.

Она мне верила.

Крутанувшись на пятках, торопливо шагнула в сторону выхода, боковым зрением заметив каких-то разъяренных и явно враждебно настроенных в адрес моей скромной персоны девиц, что-то как-то слишком ретиво продвигающихся в мою сторону, рванула было прочь... И тут же замерла, как вкопанная.

В открытых дверях учебного корпуса стоял Демьян Исаев.

И именно в тот момент, когда я уставилась на него, как невинный баран, чуть не убившийся по глупости новыми чугунными воротами, он медленно пустил взгляд с экрана над моей головой непосредственно на меня любимую, единственную и неповторимую.

И слегка изогнул бровь.

От этого простого, но выразительного жеста мне ментально захотелось одолжить у первой попавшейся куколки с нашего потока ее чулки с подвязками и самолично затянуть на своей шее узел потуже. Что б наверняка!

Жить как-то сразу расхотелось. Да и тишина, возникшая вокруг, к бурным пляскам и веселью не очень-то располагала. Честно признаться — она тяжко давила на уши, а звук шагов медленно приближающегося парня неприятно долбил по натянутым нервам.

Нервно сглотнув, я стала машинально отступать, не сводя с него довольно-таки испуганного взгляда. Умом-то я понимала, что ничего из ряда вон выходящего он со мной не сделает при стольких-то свидетелях... И все же, видя его потемневший взгляд и подчеркнуто-спокойное выражение лица, становилось реально страшно за свою не шибко ценную шкурку не слишком редкого окраса.

И если б еще за вчерашнее он, может быть, мстил в пол силы (ну не смертельно ж я его обидела, в самом-то деле!), то за данный компромат, который наверняка теперь навечно поселится на просторах интернета, меня тихо прикопают под любимой березкой. И скажут,

что так оно и было.

Бли-и-ин...

Отступить становилось некуда — совершенно неожиданно за спиной возникла стена, на которую я весьма неудачно наткнулась, а знакомая нехристь, тем временем, была уже в трех шагах от меня. И его медленная поступь, плавные движения... на миг мне показалось, что меня прижимает к стенке опасный хищник, сильный и абсолютно уверенный в том, что теперь его законная добыча уже никуда от него не денется. А, судя по его слегка прищуренным глазам, перелом шеи, мгновенное растерзание и быстрое удаление первого голода явно не входило в его ближайшие планы...

Анька, блин, очнись, ты что, Дискавери на работе пересмотрела?!

Мысленный ор и такая же затрещина помогли, хоть и совсем чуть-чуть. По крайней мере, мышкой, которую прижал за хвост к полу толстый отожравшийся на хозяйской сметане кот, я себя ощущать перестала. На окружающую обстановку внезапно стало как-то откровенно наплевать — тут бы свою шкурку сохранить и не стечь трусливой лужицей на пол. Надо срочно взять себя в руки и...

И что? Клясться, что моя светлость тут не причем? Что мои руки, растущие не из того места, даже с фотошопом не управятся, не то, что с видео? Что при всем своем желании мне Хоттабыча не изобразить и в архив университетской охраны не пролезть? Что унижать его я вовсе не хотела и что он, конечно, не Аполлон Бельведерский, но тоже очень даже ничего и вообще, подобной низости с моей стороны не заслуживает? И что я, в конце-то концов, здесь далеко не последняя жертва сложившихся не в мою пользу обстоятельств и чьего-то злого умысла?

Аха. Так он во все это взял и поверил!

По обе стороны от моей головы в тщательно отштукатуренную стенку с громким хлопком вписались сильные мужские ладони. Машинально вздрогнув, чувствуя, как слегка подогнулись колени, я вскинула голову, смотря на Исаева снизу-вверх и, попытавшись невинно улыбнуться, брякнула тонким голосом первое, что первое в голову взбрело. И им стало:

— Это не я!

Демьян громко усмехнулся, глядя в широко раскрытые с кошачьим разрезом глаза. Может кого другого глубокий карий цвет, на дне которого застыла тень страха, вместе с невинным выражением лица и какой-то растерянностью на почти невинном личике и могли обмануть. Но только не его.

И не после того, что он увидел.

Рыжей еще придется жалеть о том моменте, когда она решила перейти ему дорогу, и более того, даже реально осмелилась пойти на это. Да еще и с таким мастерским подходом...

О да, Демьян оценил всю профессиональность сделанного монтажа. Наверняка девчонка, столь трогательно сейчас прижимающаяся к стене, в тщетных попытках изобразить невинную жертву, ни один час потратила на него. Впору было восхититься и даже похвалить ее за проделанную работу... А заодно и наказать за излишнюю смелость.

Ни то, чтобы его как-то сильно задело данное видео, но репутация в его кругах — вещь довольно хрупкая, ее сложно добиться и легко разрушить. А от нее, увы, слишком многое зависит, как и в кругах его общения, так и среди партнеров его отца по бизнесу.

Мальчишке, которым слишком дерзкая бюджетница, невесть что возомнившая о себе,

воспользовалась как своим ровесником, как кем-то, кто был даже не равен, а намного ниже ее статусом и положением в обществе, никто и никогда не доверит никаких серьезных дел. Будь он хоть трижды единственным наследником крупной и богатейшей корпорации с огромной сферой влияния.

Она поставила пятно на его репутации. И за это ей придется заплатить — не помогут уж ни уговоры, ни просьбы Липницкого, ни ее мольбы. Блондин и сам должен понимать, что подобное поведение его подружки никто не спустит на тормозах.

Ее острый язычок Демьян собирался значительно укоротить... правда, чуть позже. А сейчас, пожалуй, все же стоило избавиться от чрезмерного количества слишком любопытных свидетелей.

Усмехнувшись еще раз, наклоняясь ближе, в то время как рыжая под его руками сползла по стенке еще ниже, он повернул голову и бросил в сторону глазающих на него студентов:

— Все вон.

Повернувшись обратно, он снова взглянул на застывшую девушку, но вдруг понял, что висящая в воздухе тишина не изменилась ни на йоту. Снова повернув голову, он медленно обвел взглядом первокурсников и, вскинув брови, произнес:

— Мой акцент стал вдруг трудноразличимым или все внезапно оглохли?

На этот раз его слов вполне хватило, чтобы пугливые первокурсники, а затем и вторые курсы стали торопливо продвигаться в сторону выхода. Спустя несколько долгих минут, в течение которых Демьян гипнотизировал спокойным, но пронизательным взглядом съезжившуюся и пытающуюся невинно улыбаться рыжую подружку Липницкого, в холле первого этажа экономического корпуса стало практически свободно, не считая десятков другой студентов старшекурсников. Но на мнение последних Исаеву было откровенно наплевать. Большая часть из них были его друзьями, а те, кто таковыми притворялся или не являлся вовсе, не могли причинить ему никакого беспокойства — они не понаслышке знали, что он из себя представляет.

Да и кто б из подобных ему стал вмешиваться, а тем более заступаться за обнаглевшую бюджетницу?

— Ну что, — схватив наглую девчонку за плечи, он резко ее вздернул и, прижав к стене, наклонился к ее лицу и негромко хмыкнул, — Вот теперь мы можем поговорить, ненаглядная моя оторва. Какую руку тебе вырвать первой?

— Эй! — возмущенно округлив глаза, вскинулась рыжая, которая была примерно на голову ниже его, — За что? Твою любимую рыбку я в унитазе не топила, хомяком в футбол не играла, а коллекционных солдатиков в платя не наряжала. Оставь мои конечности в покое, они мне дороги, как память!

— Ты, — удивленно выдохнув, он отстранился, но только на секунду. Тряхнув головой, Исаев снова наклонился, с силой сжимая ее руки чуть повыше локтей, и недоуменно переспросил, — У тебя инстинкт самосохранения совсем отсутствует?

— Да нет, валялся где-то в багажнике, — как-то напряженно ответила Солнцева, слегка передернув плечами. Пошевелив кистями рук, она фыркнула, — Нехристь, отстань ради бога, а? Неужели ты всерьез поверил, что это я решила тебя опустить перед всем универом?

— Ты знаешь, — пораженный подобной наглостью, Демьян сильнее сжал ее руки, зная наверняка, что оставляет ей синяки, и усмехнулся, — Кроме тебя больше думать не на кого. Хотя нет. Знаешь, одна наглая рыжая стерва вчера сильно обиделась на меня за приятный ледяной душ. Да так, что решила украсть мои вещи и развесить их на парковке. Ты случайно

не знаешь ее имя?

— Впервые слышу! — с неподражаемой честностью и непробиваемой наглостью объявила девчонка и, наморщившись, слегка дернулась. Сморщив еще и слегка вздернутый носик, она вскинула голову и, покрутив кистями рук, невинно попросила,

— Отпусти руки, а? А то чую, нам обоим скоро плохо будет.

— Да что ты? — деланно удивился парень и, вжав оборзевшую бюджетницу в стенку, наклонился вплотную к ее лицу, пристально вглядываясь в ее глаза, — Девочка, а твоя наглость вообще имеет границы? И что же ты будешь делать, если я тебя не отпущу?

— Я? — вроде бы удивилась Солнцева и моментально зажмурилась, — Да я, собственно, уже ничего. Я... апчхи!!

Оглушительный чих прокатился по просторному и не так давно опустевшему холлу учебного корпуса. Те немногие студенты, кто еще остались, ранее со смехом и наслаждением наблюдали за развернувшимся действием, увидев, что случилось, шокировано замерли. Кто-то ранее достал мобильники, снимая на камеру столь занятное зрелище, кто-то вполголоса предлагал свои варианты того, как гроза всея альма-матер разделается с рыжей занозой, которая давно сидела в печенках и выела всю селезенку едва ли ни половине учащихся и преподавателей. Она реально всех достала и, казалось бы, сегодня, встретив, наконец-то того, кто был ей не по зубам, должна была реально получить по заслугам. Золотая молодежь ожидала от своего негласного вожака всего, чего угодно...

Но только не соплей и слюней, прилетевших благодаря чиху бюджетницы ему прямо в лицо!

Тишина в холле стало такой, что на нее можно было опереться спиной. И слишком звонким на ее фоне стало одно-единственное слово, озвученное нахальным, насмешливым хоть и с виноватыми нотками, женским голоском:

— Ой...

Ой? Ой??

— Господи, ну почему ж вместо мозгов ты мне при рождении подарил язык без костей? — тяжело дыша, спросила вслух, не особо надеясь получить ответ на заданный в никуда вопрос, попутно перемахнув через невысокую кадку с каким-то цветком.

Понятия не имею, кто ее поставил прямо посреди лестницы, но отодвигать возможный фикус времени не было — тяжелый шаг по где-то внизу, а так же гробовое молчание не оставляли времени и пространства для маневра. Так что я, вцепившись в перила, дала ходу вверх по лестнице, лихорадочно соображая, куда бы мне слинять так, чтобы можно было потом легко покинуть корпус, не попавшись никому на глаза. Я почему-то не сомневалась, что на выходе ждать меня будут... и отнюдь не с радушными объятиями!

Хотя, о чем это я вообще? О каком выходе может идти речь, если меня вот-вот поймут, а следом сделают... Точно не знаю, что сделает со мной Исаев, когда моя рыжая и наглая светлость окажется, наконец-то, в его руках, но точно вам говорю — мне даже задумываться об этом страшно! Тем более сейчас, когда нас разделяют каких-то три лестничных пролета. Вот ни капли не сомневаюсь, что вусмерть обиженная нехристь до сих пор еще даже не запыхалась, в то время как бедная я, поднявшись, наконец-то, на четвертый этаж быстрым бегом, готова была свесить язык на бок.

Эх, говорила мне Лелик, бросать курить, а я не собиралась даже. Сказала бы она еще заранее, что от Исаева нужно держаться как можно дальше... А не, пардон, об этом она мне тоже сообщила. Но блин, кто б знал, что этот гад сам мне под руку попадет?! Я же просила меня отпустить, честно предупреждая о последствиях, когда почувствовала, что в носу свербит уже нестерпимо, но нет же — надо было ему до победного поиграть в мстительного альфа-самца на потеху достопочтимой публике!

Короче, этот обаятельный гад за что боролся, на то и напоролся.

Признаю, в тот момент, когда мои... эм... прошу прощения, сопли щедро украсили физиономию местного красавчика, я почувствовала как и удивление, так и полное моральное удовлетворение. Ну и капельку вины, не без этого. И все ж таки, эта нехристь была сами виновата: по его вине я, кажется, простудилась, и по его же вине я не смогла прикрыть рот и нос ладошкой, как учила мама в детстве.

Конечно, мамуля учила делать это платком, и этот самый платок весьма удачно оказался в кармане моей куртки. Его-то я, глядя на зажмурившегося Исаева, стоявшего напротив меня с просто-таки окаменевшим лицом, под ледяную тишину и под взглядом множества свидетелей, наклонившись, впихнула в крепко сжатый кулак парня. А затем, фальшиво похлопав по плечу, наставительным тоном произнесла:

— Вот до чего непослушание доводит нехороших мальчиков. Я же говорила «отпусти», а ты все «нет», да «нет». За платок можешь не благодарить, у меня в запасе еще парочка осталась. Если что — обращайся, всегда рада буду помочь. Чао!

И задала стрекача.

Нет, ну а что еще оставалось делать?

Проскочить мимо сокурсников Исаева мне помогло реальное чудо, в простонародье зовущееся ступор обыкновенный, кратковременный. Они предпринять ничего не сумели, но едва я сумела преодолеть один-единственный лестничный пролет, как снизу раздался вполне

натуральный рык... Судя по нему, а так же по ускоренному топанию ног я поняла, что если меня поймают (а меня рано или поздно поймают, не могу же я от него вечно бегать!), то освежают самым натуральным образом, без помилования и анестезии. И не знаю, есть ли у нехристи дома камин, но в том, что сегодня он чучело меня любимой себе в собственность займет, я не сомневалась ни коим образом!

Черт! Почему я на улицу-то не побежала, почему наверх помчалась? Сейчас сидела бы дома, пила пустырник с валерьянкой, да паковала вещи в чемодан, попутно заказывая билет на далекую Аляску...

— Стой!

— Ага, нашел дурака, — коротко хохотнула, что есть мочи припуская по пустующему коридору, хотя, признаться честно, было как-то совсем не смешно. Ну, допустим, добегу я до конца коридора, потом сверну в следующий, спущусь по лестнице, а дальше что? Наверняка же там у дверей кто-то, да дежурит! Думай, Солнце, думай, если не хочешь оказаться редким экземпляром в коллекции собственноручно невинно убиенных зверушек господина Исаева...

— Стой!

Блин, да как он так быстро бегаёт-то, он что, Карлсона на пропеллер где-то по дороге грабануть успел?! Так банально нечестно!

Не успела я свернуть в следующий коридор, как с лестницы в уже преодолённый мной шагнул Демьян и, честно признаться, оборачиваться мне к нему не хотелось, а уж останавливаться и сдаваться тем более. Уцепившись пальцами за косяк, чтобы не занесло на повороте, я резко свернула... и почувствовала сильный удар под грудью, когда меня кто-то прямо на ходу перехватил. Воздух выбило из легких, волосы упали на лицо, закрыв обзор, а кто-то в следующий момент меня крутанул, оторвав от пола и, совсем не деликатно впечатав в какой-то угол, прижал к нему своим телом.

Протестующе вякнуть я не успела — мне тут же зажали рот ладонью, а видимость теперь была закрыта мужской грудью, обтянутой черным свитером, к которой мою голову и прижали, крепко удерживая ее ладонью на затылке. Я слабо дернулась, но мне цыкнули на ухо, давая понять, что немой на данный момент я буду смотреться гораздо лучше.

Впрочем, когда неподалеку раздались громкие шаги пробегающей нехристи, я и сама замерла как Лелик при виде нового планшета. Шаги раздались совсем рядом... а затем стали удаляться, становясь все тише и тише, до тех пор, пока смолкли совсем — таки Исаев, ничего не заметив, добежал до конца коридора и, кажется, стал спускаться по лестнице.

Однако выдохнуть, когда меня отпустили, я не спешила. И только тогда, когда мой спаситель, сделав шаг в сторону, быстро, но беззвучно прикрыл распахнутую дверь кабинета, в который столь удачно меня забросил, и замкнул ее на ключ, я самым натуральным образом сползла по стенке.

— Ты не представляешь, как ты меня спас... — тихо выдохнула, глядя на запертую дверь, попутно пытаюсь хоть немного унять бешено колотившееся сердце, — Я тебе по гроб жизни обязана.

— Не за что, — коротко хмыкнул опершись спиной на дверь... Богдан Полонский!

Вот так номер, что б я помер...

— Э? — недоуменно, а главное красочно и многословно выдала, рассматривая вчерашнего парня с пепельными волосами, с которым у нас состоялось... ну, не самое оригинальное знакомство. Ха, хоть ни как с Исаевым и то ладно — второго подобного врага я бы просто не пережила! Удавилась бы от счастья, угу.

— Я тоже рад встрече, — насмешливо отозвался блондин, складывая руки на груди, — Анна, кажется?

— Она самая, — согласна кивнула, вытягивая ноги, не особо заморачиваясь тем, что до сих пор сижу не только в углу аудитории, но еще и прямо на полу. Я, конечно, не помнила толком, успело ли мое имя как-то промелькнуть вчера во время нашего так называемого общения, или оно вообще не было произнесено, но то, что его знал Богдан, меня ничуть не удивило. Обучаясь год в этом гадюшнике, я уже давно и прочно научилась ничему не удивляться, — А ты — Богдан.

— Спасибо, что напомнила, — иронично отозвалась вышеупомянутая личность, смотря на меня со смешинками в глазах, хотя его улыбка была какой-то... хитровой, — А то я уже стал забывать, как меня зовут.

— Обращайся, если что, — великодушно разрешила, махнув рукой... и вспомнив, кому я совсем недавно говорила схожую фразу, а главное, при каких обстоятельствах сие произошло, моментально зашла в плохо контролируемый смех. Нервное напряжение стало потихоньку отпускать, так что я, отсмеявшись, тихо хихикнула, глядя на заинтересованное лицо блондина, — Не обращай внимания. Так, просто вспомнила кое-что. Знаешь, когда я сказала подобное другому... хм, человеку, с натяжкой назовем его так, оно почему-то ему не совсем понравилось.

— Настолько не понравилось, что тебе пришлось убежать от него по всему корпусу, — негромко хмыкнул Богдан, откидывая пятерней упавшие на глаза волосы, — И что именно же в твоих словах не пришлось по душе господину Исаеву?

— Ясновидящий, — пораженно выдохнула, снова ни капли не удивляясь. Конечно, говорить такое незнакомому человеку было глупо, но я, не выдержав, все-таки пожаловалась, соорудив самую скромную мордашку из всех возможных, — Эта нехристь обиделась на меня, за то, что я предложила ему платок, чтобы он свою чумазую моську вытер. Ну и что, что я сама ему в это самое лицо чихнула, я же не специально, да и вообще — он сам виноват!

— Ты... что? — брови блондина совершенно не эстетично поползли вверх. А потом, видимо представив эту картину в красках, он натуральным образом расхохотался. И мне этот звук понравился — у него был такой... приятный голос, высокий, но с мягкими нотками, — Так вот оно что... А-то подумал, что Демьян решил свернуть тебе шею за весьма любопытное видео.

— И за него тоже, — кивнула, машинально поморщившись. Оперевшись на руки, вытянула носки и задумчиво ими постучала друг об друга, — Шею, значит, свернет... Миленько. Особенно на фоне того, что к трансляции на местном ТВ я не имею никакого отношения. Ну вообще никакого!

— Но в лицо-то ты ему чихнула? — насмешливо уточнил Богдан. Я только кивнула:

— Аха. Но я ж говорю: он сам запросился. Вчера искупал меня под ледяным душем, вот сегодня меня и пробило на насморк и чих. А я честно просила отпустить мои руки, и даже предупредила о возможных нехороших последствиях. Так что...

— Сам виноват? — вскинул брови Полонский, вновь складывая руки на груди, а заодно и скрещивая ноги.

— Угу. — отозвалась, мрачно рассматривая носки собственных кроссовок. Было как-то странно каяться в содеянном перед парнем, которого я видела чуть ли ни первый раз в своей жизни, но почему-то сказав ему правду, мне стало довольно-таки легче. Да и потом, в глубине своей черной и кровожадной душонки я прекрасно понимала

— сегодняшняя индульгенция в лице пепельного блондина никакого избавления от моих грехов не даст и от возможного наказания не избавит. Не пойдет же он с пеной у рта доказывать Исаеву мою правоту и невинность?

Вот и я о том же.

— Но ты меня реально спас, — переместив руки на колени, повернула и задрала голову, — Спа...

— Не стоит благодарить того, кому на самом деле глубоко плевать на твои неприятности, — не дав договорить, коротко хмыкнул Полонский, смотря куда-то себе под ноги с абсолютно равнодушным лицом, — Я сделал это, чтобы досадить Исаеву.

— Давние соперники, — сложив руки на груди, кивнула, пытаясь сохранить серьезное выражение лица, — Понятненько! А я-то думала, что все это от большой любви, что накрыла тебя с головой с самой первой нашей встречи... Эх. Такой облом. Ну ничего не поделаешь. Смирюсь и буду жить дальше. И даже не расплачусь, не надеюсь!

— Ты сейчас серьезно? — голос Полонского звучал как-то поубедительнее моего, — Тебя совсем не коробит, что я тебя использую?

— А должно? — я удивленно посмотрела на блондина, — Я в этом серпентарии больше года обитаю, уже достаточно хорошо изучила повадки местных обитателей. Для них подобное в порядке вещей, неужели ты не знал? Как с другой планеты свалился, честное слово.

— Почти угадала, — едва заметно скривился Богдан и, легко оттолкнувшись от двери локтями, добавил, — Я больше года жил в Корее. Попал под программу по обмену, как и Исаев.

— То-то я думаю, почему я вас обоих в прошлом году не видела! — прищелкнула пальцами и полюбопытствовала, — А нехристь куда заслали? И самое главное, как его оттуда выпустили?

— Лондон, — раздался короткий ответ. Немного помолчав, блондин медленно произнес, смотря в окно, за которым хмурилось высокое осеннее небо, — Я отвык от наших обычаев. Корейцы куда более...

— Открытые, воспитанные и не любящие предательства, — негромко закончила за него и, упервшись рукой в пол, рывком поднялась на ноги, — Их отношения основаны на уважении, а не корысти.

— Бывала там? — повернулся ко мне Полонский. Я же мотнула головой, отряхивая пятую точку:

— Не. Мои познания об этой стране основаны на многочасовом просмотре дорам. Любопытная нация. Они мне нравятся. Кстати... — изобразив традиционный для корейцев поклон, полушутя-полусерьезно закончила, — Хамсамнида (прим. Автора: спасибо на корейском).

Богдан не ответил. И лишь только когда я подошла к нему, тихо усмехнулся, произнеся тоже на корейском, но куда с лучшим произношением:

— Враг моего врага — мой друг.

— Я запомню, — кивнула, а когда протянула руку к дверной ручке, парень отодвинулся, давая мне дорогу и явно не собираясь останавливать мои суицидальные наклонности, — Удачи пожелаешь?

— На первом этаже нет решеток, — вместо ответа «тонко» намекнул блондин. Многозначительно подергав бровями, попутно поворачивая ключ в замке, я улыбнулась и.

приоткрыв дверь, выглянула в коридор.

Там было пусто и тихо. Обеденный перерыв начался относительно недавно, так что не удивительно, что на данный момент учебный корпус пустовал, как шаманский бубен. Богатые, но голодные студиязы грабили местный кафетерий, однако, учитывая мой опыт, стоило учесть, что уже минут через десять-пятнадцать коридоры и аудитории станут потихоньку заполняться, а значит, незаметно уйти уже не получится. Начинать линять стоило прямо сейчас.

Убедившись окончательно, что мой выход обойдется без свидетелей, уже шагнула было за дверь, но остановилась. Я, конечно, была не уверена, что мой совет пригодится Полонскому, но, как я уже говорила, язык у меня был без костей, и даже без суставов. Оставалось только надеяться, что блондин, услышав его, не захочет промыть мне рот с мылом.

— Знаешь... — негромко произнес, держась за дверную ручку, стоя на пороге, но не поворачиваясь, — Здесь далеко не Корея, а местные жители не настолько белые и пушистые. Не сомневаюсь, что ты знаешь об этом. Так что лучше привыкай обратно к реалиям русской жизни как можно быстрее... а то бегать от местных хейтеров уже на пару будем.

— Я учту, — послышался тихий смешок в ответ.

Ну что ж... будем считать, что я его предупредила. Воспринимать мои слова всерьез или нет — это целиком и полностью его дело. Вот только думается мне, что не из таких людей этот самый Богдан, что с трудом приспособляются к окружающей обстановке... Как мне казалось, Полонский был тем еще фруктом, хотя бы потому, что Исаев, учитывая его статус, абы кого в ранг своего врага не возвел. Думаю, нам с блондином еще не раз придется пересечься и, сразу скажу — моя попа уже чувствует грядущие неприятности по этому поводу.

Впрочем, когда это я искала легких путей?

Прорвемся, не впервой.

Что удивительно, но до первого этажа я спустилась тихим сапом, воровато оглядываясь по сторонам и осторожно спускаясь по ступеням, боясь издать хоть какой-то звук. И опасалась я не зря — вокруг стояла такая тишина, что мне казалось, будто все просто взяли в какой-то прекрасный момент... и вымерли.

Аки динозаврики.

Однако стоило мне только подкрасться к окошку между первым и вторым этажом и аккуратно выглянуть в окно, как все тайное, извиняюсь за пафос, тут же стало явным: на парковке, что была аккурат напротив входа, собралась приличная толпа, жаждущая хлеба и зрелищ. А на лавочке в курилке, находящейся в двух шагах от крыльца, то есть одного единственного выхода, спокойно восседал гладиатор всея универа, он же Демьян Исаев собственной персоной.

Для полноты картины не хватало только императора, стоявшего где-нибудь наверху, на балконе пятого этажа, ждущего, чтобы дать знак к началу боя.

— Черт, — тихо ругнулась, опуская край шторки. Стать местным Спартаком мне не улыбалось совершенно, а потому, похоже, придется воспользоваться советом блондина и покидать мое временное и очень ненадежное убежище через окно, да еще и с другой стороны. О, кстати, там же как раз должен быть женский туалет!

Тихо обрадовавшись отсутствию склероза, быстренько помчалась в сторону дамской комнаты. Распахнув дверь, влетела в небольшое помещение и, удостоверившись, что оно

вполне удачно пустует (хотя моя мнительность упрямо шептала — не фортуна в мою сторону скалиться, а Исаев никого вовнутрь не пускает) рванула прямо к окну. Дернув за тонкий шнурок, подняла римскую штору, закрывающую стеклопакеты... и застонала вслух.

Решеток на окне действительно не было. Но и ручки, чтоб открыть его, тоже!

Изнывая от дикого желания повыть вслух и поскрять ногтями кафельную стенку, полезла в карман за мобильником, чтобы посмотреть на время... и едва не вздрогнула, когда она зазвонил. И ведь номер, что странно, среди моих контактов ранее замечен не был. Странно как-то...

Однако, помедлив, я трубку все-таки взяла.

— Долго собираешься прятаться? — раздался в трубке насмешливый голос, уже знакомый до боли. Почти легко узнав его, я хмыкнула, привалившись к косяку спиной:

— А, нехристь... И тебе не хворать, дорогой. Какими судьбами?

— Решил дать тебе последний шанс и выйти самой, — послышался все тот же насмешливый тон.

— Предлагаешь порвать первую попавшуюся шторку, изобразить белый флаг и идти сдаваться на потеху толпе? — иронично вскинула брови и фыркнула в телефон, — Да не дождетесь, любезнейший.

— Если выйдешь сама, так и быть, обещаю — при всех тебя позорить не буду, — хмыкнул парень в ответ. Я только ошарашено посмотрела на свое отражение в мутном оконном стекле и едва сдержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска и недоверчиво поинтересовалась:

— Твое снисхождение не имеет границ. С чего такая подозрительная щедрость?

— Считай, что я сегодня добрый.

После того, как я от всей души прилюдно чихнула тебе в морду? Ты кому сейчас сказки пытаешься рассказывать, лапуль?

— Даже где-то верю, — саркастично произнесла уже вслух, сунув руку в карман темно-синих джинс, — Как найду где — скажу!

— У тебя есть две минуты.

— А чего не три? — деланно удивилась, — Ну там минуту на обдумывание, минуту на решение, да и на дорогу тоже время надо...

— Две минуты, — спокойным, но непробиваемым тоном сказал Исаев, — А потом тебя выведет охрана.

И сбросил вызов.

— Твою ж... — уставилась я на телефон, издающий короткие гудки, — Совсем обалдел?!

Обалдел — не то слово. Охране корпуса действительно ничего не будет стоить выяснить мое точное местоположение по камерам наблюдения, схватить меня в охапку и, едва ли не повязав красивой ленточкой с бантиком, торжественно вручить самодовольно улыбающемуся Исаеву. И дело тут даже не во влиянии его семьи — просто с этой нехристи станется ляпнуть что угодно! В том числе выставить, к примеру, меня воровкой, которая что-то там у него сперла особо ценное, а теперь прячется где-то на территории универа. И ведь найдется с десятков свидетелей, которые это радостно подтвердят!

Стукнув кулаком по стенке, сердито зашипела, потирая ушибленную руку.

Вот же гадкая ситуация... и что мне теперь делать? Идти сдаваться этому альфа-самцу и уповать на его милость? Ой, чет не нравится мне этот вариант. Блин, и кто ж такой умный

додумался убрать ручку с этого чертового окна? Если бы не оно, я бы уже...

Ебушки-воробушки, извините за мой французский... Окно!

С каких пор оно стало-то единственным на весь первый этаж??

Сунув телефон в карман, распекая себя во все корки, чесанула прочь из дамской комнаты, едва удерживаясь от того, чтобы не шлепнуть себя ладошкой по лбу.

Да, сейчас обед. Да, большинство классов просто заперты. Но хоть какие-то из них должны быть открыты! И как я раньше до этого не додумалась?

Вынырнув из туалета, почти не задумываясь, свернула направо и, сделав пару шагов, рванула входную дверь первой попавшейся аудитории.

И, о чудо, она оказалась незапертой!

И, о горе, учебный класс был до отказа забит народом...

— Солнцева? Ну, наконец-то! — раздался недовольный, но без злобных ноток голос, — Я уже и не чаялась тебя увидеть!

— Меня? — округлив глаза, я натурально выпучилась на сидящую за преподавательским столом Краснову, и задала воистину гениальный вопрос, — Зачем?

— Ты мою смс разве не получала? — вскинула брови Лена, откладывая в сторону какие-то бумаги, — Солнцева, собрание старост на большой перемене. В конце месяца посвящение первокурсников. У нас уйма работы.

— Старостат? — тихо выдохнула, машинально обводя взглядом всех присутствующих, сидящих стройными рядами, по уши зарывшись во всевозможные папки и документы.

Вот голова моя садовая... Я ж должна была помнить об этом, Ленка как-то говорила! Или нет?

— Кстати, ты списки принесла? — сев ко мне в пол оборота, спросила Краснова, аккуратно закусив кончик карандаша жемчужными зубками. И вот тут я почувствовала, что пойти и сдать в руки Исаеву будет не очень-то плохой идеей...

— Списки? — переспросила, машинально вжимая голову в плечи и привычно цепляясь за лямки рюкзака, — Какие списки?

— Солнцева... — тихо, но угрожающе прошипела Лена, сверля меня потемневшим взглядом, — Не буди во мне зверя! Списки должников, которые ты мне должна еще с июля и которые клятвенно обещала принести вчера — где они?

— Я забыла... — пониженным голосом выдохнула, опуская голову. Пожалуй, именно за это мне было действительно стыдно! Вот только если подобный грешок не так уж и смертелен и вполне поддается исправлению, а так же может быть ликвидирован с помощью подкупа и компенсации, то как мне прикажете выпрыгнуть в окно при всем честном народе? Такого мне Ленка точно не простит!

Ай, да что я думаю вообще? Можно подумать, что она великодушно заступиться, когда сюда придет охрана и станет насильно вытаскивать меня на свет божий. Мне даже страшно подумать, что там нехристь им наговорит, и какие слухи обо мне потом пойдут! Не то, чтобы они меня как-то волновать будут, просто мне здесь еще учиться как бы...

Выбора нет. Прости, Краснова, я позже тебе все объясню!

Распекала меня Лена недолго, но так красочно — так, что старосты всех курсов, откровенно говоря, заслушались, а новенькие, в количестве пяти штук и вовсе покрылись румянцем, явно испытывая непреодолимое желание спрятаться куда-нибудь под парту. Помню себя на прошлом курсе — поначалу та же реакция была, а потом ничего, привыкла. Хм. Интересно, а к тому, что я выкину сейчас, будет готов хоть один старшекурсник, или все

без исключения в осадок выпадут?

Едва дождавшись, когда речь старосты старост сбавила обороты, а ее гневный взор впился в мое уже наверняка мысленно растерзанное тело, я потупила глазки и тяжело вздохнула:

— Прости. Мне очень и очень стыдно. Нереально стыдно! Стыдно настолько, что я готова даже из окна выброситься.

— Солнцева, ну кому ты лежишь? — устало вздохнула Лена, гневно трянув копной черных волос, — Да тебе в принципе не знакомы стыд и совесть. Из окна выбросится она... Как же!

— А вот возьму и выброшусь! — притворно надулась и, подойдя к крайнему окну, едва не завопила от радости — его ручка таки оказалась на месте! Более того, окно легко поддалось и открылось — в лицо пахнуло свежим воздухом, холодом и сыростью. Таки осень на дворе.

Мысленно улыбнувшись, я легко запрыгнула на подоконник и осторожно выглянула. Что ж, убиться я вряд ли убьюсь, но лететь мне предстояло прилично.

— Солнцева, не дури! — послышалось испуганное сзади, — Там больше двух метров! Слазь с подоконника, хват комедию ломать.

— Увы и ах, — тяжело вздохнув, я присела на корточки и, повернув голову, ответила с печальной улыбкой, — Но жить с этим грузом я больше не смогу. Спасибо за все, Лен. Прости... и прощай!

И примерившись, выпрыгнула.

Ну, что я могу сказать... Вечно вести, как уже выяснилось, мне не может. И подтверждением этому стала мокрая трава, по которой проехали мои ноги в кроссовках — пока я стояла в углу у преподавателя экономической теории, на улице успел пройти неплохой дождь.

Чтобы не стукнуться затылком об землю-матушку, я выставила руки назад и зря, наверное. Левое запястье щелкнуло и зануло, однако не так сильно, как могло быть. И потому, резво вскочив на ноги, я повернулась и, помахав высунувшимся в окно старостам, послала воздушный поцелуй Красновой, а затем резво побежала в сторону своего малыша, благодаря всех гремлинов Голливуда за то, что сегодня мне не досталось места на основной парковке и машину пришлось оставить за углом.

До нее я добралась быстро, почти не обходя обширные лужи. И едва оказалась в салоне, как где-то вдалеке послышались не слишком-то приветственные выкрики и раздавались они отнюдь не со стороны окон кабинета, где заседал студсовет...

Эх, прости, малыш, но сегодня мы уезжаем без прогрева!

Повернув ключ в замке зажигания, закинула рюкзак назад и, заблокировав двери на всякий случай, быстро сдала назад. И сделала это очень своевременно, как оказалось — в трех метрах от моей машины уже возник кто-то из группы Игорька. Кстати, а где его самого черти сегодня носят?

Посмотрев в зеркало заднего вида, я кровожадно усмехнулась... и ударила по газам.

Взвизгнули шины, машина прошифовала на месте и резко тронулась, попутно окатив подбежавших старшекурсников грязной водой, брызнувшей из-под колес...

Сделав музыку погромче я, уже не глядя в зеркала, преспокойно выехала с территории универа, уверенная в том, что преследовать меня никто не будет. Уж слишком гордые в нашем аквариуме рыбки для подобного. Что поделаться, не их это уровень — гоняться за

простой смертной по городу. Даже жаль...

Совсем чуточку, но жаль.

Остановившись на светофоре, вытащила телефон из кармана и, набрав знакомый номер, позвонила Лелику, чтобы назначить встречу в любимой кафешке на набережной — мне необходимо было многое объяснить и в первую очередь ей одной. А вот уже во вторую нужно будет расставить точки над «ё», стыдливо краснея перед разгневанным Липницким. Эльфенок по старой привычке наверняка вновь примется распекать меня, как воспитательница несмышленного трехлетку — чего-чего, а странной заботы у него в мой адрес было не отнять. И не сказать, что нас с ним связывали какие-то особо тесные отношения... Просто почему-то мы действительно стали близки за последние полгода.

— Ну, в общем, вот так как-то, — негромко вздохнула полчаса спустя, грея ладони о чашку кофе, принесенную расторопной официанткой. Маленькое, но уютное кафе, расположенное на борту самого настоящего теплохода, качающегося на волнах, окружало атмосферой тепла, спокойствия и оно как нельзя лучше располагало к душевным разговорам. Прокатив чашку между ладоней, я подняла виноватый взгляд на суровую блондинку, сидящую напротив меня, — Лель, я тут не причем, честно. Понятия не имею, кто монтировал это видео и зачем — ты же знаешь, из какого места у меня руки растут. Я даже с интернетом на «вы» обращаюсь. Почта и соц. сети — моя предел. На остальное даже времени нет, не то, что желания.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пожалуй, — кивнула подруга с непробиваемым выражением лица. И все же, не выдержав, тихо хихикнула, прикрыв лот ладошкой, — Но чихнуть в лицо Исаеву было сильно, Ань.

— Я его предупреждала, — фыркнула в ответ и, взяв чашку с кофе левой рукой, моментально скривилась, чуть не выронив посудину и не расплескав ароматный напиток, — Айщ... Вот козел!

— Что-то еще? — удивленно спросила Аленка, глядя на то, как я аккуратно пристроила чашечку с напитком на блюдце и, отчаянно морщась, попробовала размять болящую кисть. Впрочем, и без шокированного выдоха Лельки стало понятно, что столь незамысловатым образом пострадавшую конечность было не вылечить — она здорово опухла и покраснела.

— Подвернула, когда сиганула с окошка, — нехотя призналась, натягивая рукав куртки, известной в кругах модников как бомбер: то ли куртка, то ли толстовка, похожая не те, что носят команды американских футболистов, баскетболистов, бейсболистов и остальных им подобных. Не то, чтобы я за модой следила, мне просто нравился фасон, теплая ткань и мягкие рукава с вшитой в них резинкой. Это было удобно, что ни говори.

— А если б разбилась? — укоризненно посмотрела на меня подруга.

— А если б Исаев мне голову открутил? — в том же тоне отозвалась я. Переглянувшись со мной, Аленка покачала головой и стала аккуратно размешивать свой чай маленькой ложечкой, ловко избегая прикосновения металла с фарфоровым краем, чтобы не вызвать неприятный стук, строго порицаемый всеми правилами этикета. Не поднимая глаз, она негромко добавила, — В этот раз тебе удалось убежать. Но что будет потом? Ты не сможешь бегать от Демьяна вечно.

— Знаю, — тяжело вздохнула, устремляя взгляд за окно, за которым на спокойной реке бушевала стихия. Крупные капли дождя стеной лились с хмурого, низкого неба, ударяясь о водную гладь с громким шумом и разлетаясь во все стороны тысячью мелких брызг.

Красиво, конечно... но грустно как-то. Серо, уныло и холодно — я себя сейчас чувствовала примерно так же. — А у меня разве выбор есть? Завтра на работу, отдохну от нехристи, а заодно подумаю, что делать дальше и как мне избавиться от навязчивого внимания господина Исаева.

— А заодно и Полонского. — добавила Леля именно в тот момент, когда я попыталась залпом допить оставшийся кофе. Именно попыталась, потому как после слов подруги теплая жидкость едва не брызнула обратно фонтаном. С трудом откашлявшись в салфетку, я недоуменно переспросила:

— Чегой?? А он тут с какого бока?

— Рыж, твоя наивность меня иногда поражает, — подперев щеку ладошкой, блондинка впила в меня спокойный и в чем-то даже умиротворенный взгляд, — Неужели ты думаешь, что он другой?

— Да знаю я, — ворчливо произнесла, водя пальцем по краю опустевшей чашки и думая, не заказать ли мне еще бодрящего напитка. Всем сие заведение было привлекательным, но привычка подавать кофе в крошечной посуде меня убивала, — Они с Исаевым одного поля ягоды, только блондин поумнее будет и, скорее всего, не настолько прямолинеен. И хитер. Но он хоть сразу объяснил причину, по которой решил помочь мне, так что излишних иллюзий я не питаю. Напротив, я очень хорошо понимаю, что от его помощи нужно держаться подальше — нехристь итак зла на меня, а увидев Полонского неподалеку, вообще взбеситься, как наша англичанка во время ПМС.

От подзатыльника пришлось уворачиваться, что на сей раз получилось как-то с трудом. Сморщив нос и чихнув, но на сей раз в вовремя взятую салфетку, извинилась и жестом попросила мелькающую неподалеку официантку повторить заказ. Девушка понятливо кивнула и убежала к бармену, а я, сложив руки на столе, положила на них подбородок и вздохнула:

— От Исаева придется пока побегать. Помощи Полонского нужно будет избегать. Просить Игорька о защите не имеет никакого смысла — не будет же он выбирать, кому из своих друзей помогать. От Красновой придется натурально прятаться... вот везучая же я!

— Я уверена, что Лена тебя поймет, — мягко заметила Аленка, смотрящая с сочувствием на мою поникшую персону, — Но вот остальные пару сотен студентов...

— У-у-у! — тоскливо провыла, легонько стукнувшись лбом о столешницу. Хотелось сделать это посильнее и погромче, но, увы, за такое поведение в общественном месте хрупкая на вид Аленка легко бы меня выкинула за борт. А второй день подряд ехать домой в мокром состоянии не очень-то хотелось.

Заметив боковым зрением подошедшую официантку, повернула голову и, не отрываясь от стола, кивком поблагодарила за принесенный кофе. Девушка ушла, улыбнувшись и ни капли не удивившись моему поведению — как будто она меня в первый раз здесь видела, ага — а я, все так же не поднимаясь, полезла в карман за вибрирующим мобильником.

На сей раз номер оказался более чем знаком. Вздохнув, я приняла вызов:

— Лен, я...

— Я все знаю, — припечатали мне убийственно-спокойным тоном прямо в ухо, — Сразу сказать не могла?

— Как ты себе это представляешь? — хмыкнула и, поднявшись, откинулась на спинку удобного коричневого диванчика. Вытянув ноги, прижала телефон к уху и ответила, равнодушно смотря в окошко, — Мне нужно было влететь в аудиторию, рухнуть на колени и

слезно умолять спрятать меня под партой? Ладно ты, но там староста группы Исаева была. Она бы меня уж точно сдала, как пить дать. Прости за комедию. Ничего более путного я придумать просто не успела.

— Ладно уж, — явно подавив вздох, Краснова произнесла, наверняка хмурясь, но по ее голосу мне стало понятно, что не слишком уж теперь она и злиться, — Ты в порядке? Успела убежать?

— Ага, — кивнула, не став уточнять про поврежденную руку, чтобы староста не волновалась за меня еще больше, — Еще и окатила напоследок грязью из-под колес старшекурсников, которые хотели меня остановить.

— Зло во плоти, — сухо прокомментировала подруга, если ее, конечно, можно было отнести к таковым, — Тебя за это убьют.

— Мне привыкать, что ли? — хмыкнула, вырисовывая с трудом гнущимся пальцем узоры на запотевшем стекле.

— Помощь нужна?

На миг оцепенев, я прикрыла глаза. Признаю, на тот мне хотелось попросить о помощи, даже очень. На данный момент ситуация казалась не совсем еще критической, но почти безвыходной. Однако...

— Не вмешивайся в это, Краснова. Исаев сотрет всех, кто встанет у него на пути.

— Да ср*ть я на него хотела! — раздалось резкое в ответ. Зажмурившись, я расплылась в довольной улыбке и, сказав короткое «спасибо» повесила трубку.

Да уж... Вот от кого бы Леля отбила руку, отвечивая традиционные подзатыльники, так это об красивый затылок нашей главной старосты. Ленюк никогда не скупилась на выражения и ей, как я уже говорила, ничего за это не было. Припечатать так, что будь здоров, она могла каждого, как и с полпинка поставить на место любого зарвавшегося старшекурсника, а то и кого постарше, посильнее и пострашнее. Пожалуй, именно она, как никто другой, стала бы Исаеву не по зубам, и на моем месте каждый с радостью согласился бы на ее предложение о помощи. Зная Леню, она легко бы переключила внимание нехристи, а заодно и других студентов на себя. А я бы спокойно жила и училась в свое удовольствие. Но...

Я не настолько окостенела, чтобы пользоваться такими приемчиками. Сделай я это, чем буду отличаться от того же Полонского и ему подобных? Я не люблю пользоваться людьми, но еще больше я не люблю тех, кто делает сие без малейшего зазрения совести. И пускай Полонский тоже вроде как меня использовал, к нему ненависти я не испытывала — свою выгоду из данной ситуации я получила так или иначе. Находясь в кругах общения, подобным студентам нашего универа, я поневоле почерпнула несколько полезных уроков, добавив их к тем, о которые успела набить шишки намного раньше. И одним из таких стала заповедь, никогда ни на кого не надеяться, но всегда принимать возможную выгоду.

Не стать немного другой, общаясь с сильнейшими мира сего, было невозможно. Однако терять свою человечность я все равно не собиралась — страви я Исаева и Краснову, я крупно подставлю последнюю. А в том, что у наследника GRT-групп хватит денег, связей и власти, чтобы стереть компанию Ленкиного отца с лица земли, я ну ни капли не сомневалась. Такие как нехристь почему-то не умели не переносить свои личные обиды с человека на его род занятий.

Вряд ли я стоила того, чтобы семейный бизнес Красновых рухнул из-за прихоти старшей дочери.

Ленок была неплохим человеком и. кажется, действительно за меня волновалась. Вот только жизнь среди пираний уже научила меня не доверять никому.

Почти никому.

— Ань, — окликнула меня Аленка, видя, что я ненадолго ушла в себя, уже которую минуту бездумно созерцая унылый пейзаж за окном, — Один вопрос можно?

— М? — отозвалась, повернув голову и вскидывая брови.

— А почему ты устроила спектакль с самоубийством из чувства стыда, а не просто сказала Красновой все, как есть? — с любопытством спросила Лелька, легонько постукивая носком туфельки по кафельному полу.

Я же только криво усмехнулась. Снова отвернувшись к окну, прочертила пальцем длинную полосу и негромко объяснила:

— Пускай лучше золотые детки будут считать меня чокнутой, чем увидят мой страх.

Игорь Липницкий вел машину по городу так, что от него шарахались не только встречные, но и рядом проезжающие автомобили.

Двигатель спортивного седана ревел так, что у прохожих закладывало уши, а музыка в салоне наоборот, заглушала все звуки, доносившиеся извне. Пару раз парень почти пролетел на красный свет, на что ему было, откровенно говоря, глубоко наплевать — он слишком торопился.

Торопился самолично придушить это несносное рыжее чудище...

Боком влетев на просторную площадку возле мойки, едва занятую парой-тройкой машин, Игорь резко нажал на педаль так, что взвизгнули несчастные и многострадальные тормоза. Едва заглушив мотор, Липницкий вылез из авто и, хлопнув дверцей, быстрым шагом направился в сторону небольшой двери, виднеющийся между открытыми воротами небольшой автомойки, что стояла практически на другом конце города.

Резко дернув ручку, парень шагнул в небольшое помещение и торопливо огляделся, нервно прокручивая ключи на большом пальце. Однако, как оказалось, на данный момент пролить свой гнев на чью-то рыжую голову было делом невозможным, по причине банального отсутствия оной на своем рабочем месте.

Стойка администратора пустовала. На кожаных диванчиках напротив нее сидела пара мужчин солидного вида: один из них дрейфовал на просторах интернета, лениво листая КПК, а второй со скучным видом щелкал каналы стоящего в углу телевизора, неспешно распивая дешевый, но на удивление вкусный кофе из автомата, находившегося тут же.

Игорь и сам любил этот странный напиток, да и вообще, если честно, именно эту автомойку и ее небольшую, но уютную администраторскую он предпочитал в последнее время всем остальным. И дело было даже не в его несносном чудище.

Приемлемые цены, высокое качество обслуживания, современное оборудование, вежливый персонал и обширный список предоставляемых услуг в сумме являли собой достойное, а главное конкурентоспособное заведение. Так что неудивительно, что данная мойка пользовалась популярностью, хвалебные отзывы гуляли по интернету, и довольная Солнцева каждый раз мурлыкала, получая свою зарплату.

За каждого обслуженного клиента она, как администратор, имела свой процент.

И Липницкий, если признаваться честно, частенько загонял свои машины для помывки именно в ее смену. А если уж совсем честно, то далеко не всегда они были достаточно грязными...

По крайней мере не настолько, чтобы требовалась срочная и полная мойка всего и сразу. И было у Игорька подозрение, что рано или поздно его подруга обязательно поймает его, так сказать, на месте преступления... Однако, о последствиях одного парень старался не думать — так было как-то спокойнее. Пока, во всяком случае.

Кстати, сам же скорый на расплату и безжалостный в гневе администратор нашелся в комнате для персонала. И там, судя по пустующему боксу, залитым пеной автомобилям, сиротливо стоящим без признаков жизни рядом, да работникам, пугливо вжавшихся в диван и стенку, на данный момент всю шел рабочий процесс. Он же воспитательный.

Вдохновенную, хоть и хриловатую речь Солнцовой, сдобренной отборными выражениями и легкими для жизни и здоровья угрозами, Липницкий прервал в самый

неподходящий момент. Хотя для кого, конечно. Судя по взгляду парней и девушек, одетых в рабочие непромокаемые комбинезоны зеленого цвета, он стал для них избавителем, посланным свыше, который спас их от карающей длани старшей по смене. Пожалуй, если бы они знали, что их непосредственная начальница, которую Игорь молча утащил за руку из комнаты работников, сейчас сама получит по шее, они бы стали исполнять злорадные, победные пляски незамедлительно.

И молодой человек их прекрасно понимал — в гневе Солнцева была неуправляема. А вот к своей работе предпочитала относиться ответственно, чего нельзя было сказать о тех людях, что находились под ее постоянным, зорким и неусыпным контролем. Отсюда и вытекало напряжение между ними, а так же периодические скандалы.

Так что когда Анька в очередной раз после рабочей смены буквально приползала в универ, едва переставляя ноги, Игорь не был ничуть не удивлен. Сие стало почти закономерностью...

Но разнос, который собирался устроить этому рыжему чудищу, как-то выбивался из привычного порядка вещей, что ни говори. Пожалуй, Липницкий не помнил, когда он последний раз был настолько зол на подругу. И, кажется, новое для него состояние заметила и она сама.

Едва оказавшись на улице, Солнцева остановилась и, ненавязчиво высвободив свой локоть из его пальцев, вопросительно вскинула брови:

— Эльфенок, ты чего? Какая муха тебя укусила?

— Я чего? — удивился Игорь, резко поворачиваясь и смотря на девушку сверху вниз, — Это я чего?? Анька, ты совсем обалдела?! Ты что устроила?

— Я? — натурально выпучила глаза рыжая, задирая голову, — Чего опять я-то? Я вообще на работе с самого утра, так что не была, не привлекалась, не почувствовала! Если кто-то что-то отмочил и ткнул в мою сторону пальцем, это совсем не значит, что нужно тут же нестись ко мне через весь город, пылая праведным гневом и страстно желая снести мою голову с плеч!

— Ты издеваешься, — обреченно застонал Липницкий и, тряхнув хвостом светлых волос, взял себя в руки титаническим усилием воли. Положив ладони на плечи рыжей, он слегка их сжал и, наклонившись, заглянул ей в глаза, говоря как можно серьезней, — Ань, это уже не шутки! Ладно, вы с Демом решили устроить внеочередной заплыв на территории универа. Ладно, ты его шмотки развесила на дереве. Ладно, он вполне предсказуемо решил тебе за это отомстить... Но зачем было его позорить на весь универ?!

— Эй, да кто его позорил?! — еще больше округлила глаза, в которых было неподдельное недоумение, — Или что, бегство от его благородства через окно уже считается несмыслаемым позором, достойным кровной мести?

— Да не про окно я! — едва не застонал Игорь, поражаясь непробиваемости своей подруги, — Я про то видео, на котором в красках запечатлен твой чих ему в лицо и все последующие твои действия! Зачем, Ань? Красоваться перед толпой не в твоём стиле!

— А кто сказал, что это я? — спокойно выгнула одну бровь Солнцева, — Эльфенок, как я умею обращаться с фотошопом?

— Никак, — мотнул головой Липницкий, машинально нахмурившись. Только сейчас до него, хоть и с трудом, начало доходить, что что-то в этой ситуации было не так.

— Ас другими программами? — ненавязчиво продолжила допрос рыжая.

— Вообще никак, — еще больше нахмурился Игорь, отпуская ее плечи. Кому, как не

ему, регулярно ремонтирующему и настраивающему Анькину технику, было знать, что в подобных вещах она была дуб дубом?

— А доступ к охране и записям с камер у меня есть? — вкрадчиво поинтересовалась девушка, с любопытством смотря на его озадаченную физиономию.

— Нет, — протянул парень, уже понимая, каким на самом деле дураком он выглядел, пылая праведным гневом и мчась на всех парах, нарушая скоростной режим и фактически все правила дорожного движения.

— Так что там у нас в сумме выходит-то, а? — ехидно осведомилась Анька, доставая из кармана черной толстовки на молнии пачку тонких сигарет и зажигалку.

— Что ты ту не причем, — выдохнул Липницкий, покаянно повесив голову. Рыжая в ответ на это молча покрутила руками в воздухе, состроив забавную и многозначительную физиономию, а Игорь, сунув руки в карманы камуфляжных штанов, хмыкнул, — Я идиот.

— Ну есть немного, — прищурилась Солнцева, выпустив тонкую струйку табачного дыма, — Так что там, говоришь, кто-то, кому черепная коробка явно жмет, новое видео про меня и Исаева наклепал? М-да... Развелось фетишистов кругом, прям прохода не дают!

— Фетишисты подобным не занимаются, — отозвался парень и, заметив выглядывающий из рукава Анькиной кофты край эластичного бинта, ухватил ее за руку. Одернув рукав, он с негодованием оглядел перемотанное запястье подруги и уставился на нее, — Это еще что?

— А чего, на кадрах не видно было? — ехидно протянула рыжая, отвоевывая назад свою конечность, — С окошка неудачно брякнулась. Не беспокойся, ничего твой Демьян мне сделать не успел. Сам же видел, когда чхать я на его гнев изволила, у меня неплохой шанс смыться появился... апчхи!

— Ну, хоть на меня и то спасибо, — усмехнулся Игорек, глядя, как Анька, чихнув в сторону, потерла покрасневший нос. Отправив ему укоризненный взгляд, девушка чихнула еще пару раз и, достав платок, вытерла им лицо, хрипло произнеся:

— Та не ма за що, кушайте с маслом!

— Заболела? — вновь нахмурился Липницкий, и тут до него неожиданно дошло, — А блин! Так это после душа тебя угораздило? А я-то думал...

— Думал, что у меня аллергия на нехристь началась? — хмыкнула девушка, туша окурок об стенку, чтобы затем выкинуть его в урну, — Много чести. Реально в носу засвербело, вот и не сдержалась. А отпускать Исаев меня не пожелал. Так что увы и ах, но твой лондонский дружок пал жертвой обстоятельств. Нет, я конечно, сарказмом поплевалась, не без этого. Но больше ни-ни!

— Вот только ему всего не объяснишь, — помассировал переносицу парень и, не выдержав, сунул пятерню в шевелюру, растрепав и без того небрежный хвост светло-русых волос, — Черт!

— Так, погоди, — подозрительно прищурилась рыжая и, обойдя отвернувшегося молодого человека, заглянула ему в лицо, — Так ты чего, примчался потому, что волновался за меня?

— Нет, блин, — саркастично отозвался Игорь, привычно смотря на подругу с высоты своего роста, — Приехал мстить за поруганную честь Исаева!

— Эльфенок... — расчувствовалась девушка и, шмыгнув носом, полезла обниматься. Парень возвел глаза к небу, на котором сегодня не было ни облачка, а Анька, обняв его за талию, крепко-крепко сжала руки и даже попробовала приподнять его над землей и

покрутить его из стороны в сторону.

Что естественно, у нее не получилось — весьма предсказуемо не позволили разные весовые категории. И потому, отпустив Игорька, она щелкуна пальцами, явно что-то вспомнив:

— О! Погодь две минуты, я сейчас!

И умчалась куда-то в сторону комнаты для персонала. Оттуда донесся хлопок двери, короткий рык, а затем все стихло... Кажется, рабочий день Солнцевой шел своим обычным, бурным чередом.

Прислонившись спиной к стенке между воротами и входом в администраторскую, Игорь сунув в карман резинку для волос, закурил, хмуро рассматривая припаркованные перед ним автомобили, в том числе и свой.

Зря он подумал на Аньку — ясно же, что к смонтированному видео она не относилась ни каким боком. Но что поделать, перенервничал он знатно, начиная со вчерашнего дня.

Он как бешеный утром несся в универ, понимая, что Демьян наверняка будет караулить это несносное рыжее чудище у входа в учебный корпус, и хотел опередить друга. За что и поплатился забытым дома телефоном, а потом долгим разнесом у ректора за то, что едва не наехал одному из уважаемых преподавателей на ногу. Как бы сказала Аня: «А нечего было свои конечности разбрасывать, где попало!», но увы, столь потрясающей наглостью Липницкий, к сожалению, не обладал, а потому просто молча выслушивал все, что было произнесено в его адрес.

И в итоге, когда он оказался, наконец, на свободе, универ уже полностью пустовал. По дороге ему пришлось заехать по делам отца, которые отлагательств не требовали, а потом случайно натолкнулся на старого знакомого, разговор с которым отнял еще кучу времени. Так что в родные пенаты он вернулся только поздним вечером — естественного, на его звонки Солнцева уже не отвечала, наверняка досматривая пятый сон.

Правда если б Игорек знал, что произошло на учебе в его отсутствие, он бы и посреди ночи к подруге заявился...

Но о случившемся он узнал только на утро, явившись пораньше на занятия. Универ гудел в прямом смысле этого слова — поймав одного из сокурсников, Липницкий лично полчаса таранился на экран его мобильного, не в силах поверить собственным глазам. Честно говоря, даже у него, у того, кто знал Аньку, как облупленную, сложилось впечатление, что все пакости с минералкой, душем и деревом она спланировала заранее, а потом нахально воплотила в жизнь, едва ли ни позируя на камеру! И если бы он лично не присутствовал на всех событиях, быть может, он бы даже и сам поверил в ее злые помыслы...

Две первые пары Игорь отсидел с трудом. Демьян на его вопросы отвечать отказался, никак не комментирую произошедшее, общаясь исключительно лишь на отвлеченные темы, а все намеки друга на невинность одной рыжей особы он попросту пропускал мимо ушей. Едва только прозвучал звонок, возвещающий о начале перерыва, Игорек сбежал по лестнице одним из первых, решив во чтобы то ни стало разыскать Енотика и вытрясти из нее всю имеющуюся информацию... и натурально офигел, лично узрев на большом экране в холле события, которыми закончился просмотр вчерашнего видео.

Естественно, как и накануне, новый сюжет увидели все студенты, в том числе и сам Исаев. По лицу последнего натурально заходили желваки и он, ничего не сказав, молча покинул здание универа. Именно в тот момент Липницкий забыл про доводы разума —

резко сорвавшись с места, он бросился на стоянку, опасаясь, как никогда, за жизнь и здоровье своей подруги. Конечно, нрав Аньки он знал достаточно хорошо, чтобы хоть отдаленно, но все-таки понимать ее неучастие в данном видеомонтаже, но еще лучше он знал Демьяна.

Он будет мстить и остановить его не будет никакой возможности — разве только взять Солнцеву под круглосуточную охрану. На что она сама, конечно же, вряд ли согласится и покрутит пальцем у виска, попутно набирая номер врача психиатрической лечебницы.

Кстати!

И минуты не прошло, как сияющая девушка вновь явилась под очи обожаемого ей «эльфенка».

— На, возвращаю, — сияя, как новенькая монетка и пряча в глубине глаз легкое чувство стыда вкупе с неловкостью, она протянула ему прозрачный пакет, в содержимом которого Игорь, к своему удивлению, узнал собственную футболку и полотенце, наверняка тщательно выстиранные и даже выглаженные. И не успел он удивиться и забрать свои вещи, как поверх них лег объемистый мешочек, перевязанный кокетливой зеленой ленточкой. Скосив глаза, он хмыкнул, глядя на невинный и в какой-то степени застенчивый взгляд смотрящей на него Солнцевой:

— Взятка?

— Печеньки, — девушка поковыряла носком кеды асфальт под ногами, чем прочно поселила в мозгу Липницкого ассоциации с рыжей нашкодившей лисой — для полноты картины не хватало виновато махающего хвостика у девушки за спиной. Прищурившись, Аня хитро протянула, — С фисташковым кремом!

— Засранка, — добродушно фыркнул Игорь, пряча столь желаемое, но частенько недостижимое лакомство в карман.

Признаться честно, воспитанный в семье состоятельных людей, которые были постоянно заняты чем угодно, но только не его воспитанием, он, как и многие его друзья, был оставлен на произвол многочисленных няnek и прислуги. Вниманием и игрушками он был не обделен, но того самого, столь желанного семейного тепла и уюта ему всегда недоставало. Для него становились райскими те недели, когда его отправляли в далекую деревню к его старенькой прабабушке — как сейчас парень помнил ее сухие руки, теплые взгляд, морщинки на лице, старые сказки в темноте и тот самый неповторимый аромат ее свежей выпечки.

К сожалению, прабабушка была очень старой, и умерла, когда Липницкий учился еще в школе. Со временем воспоминания о далекой деревеньке и маленьком домике в ней стали тускнеть в памяти, гораздо более интересные и яркие события его взрослой жизни вышли на первый план. Ее сказки он уже почти не помнил, но что осталось неизменным, так это тоска по непревзойденным, неповторимым, но скромным и простым кулинарным шедеврам.

Только встретив Солнцеву, он снова вкусил всю прелесть домашней выпечки и еды. Без преувеличений и лукавства — она дарила ему воспоминания из детства, а пицца, изготовленная руками его рыжего чудища, была ему куда желанней той, что готовили мастера из самой Италии в самых дорогуших ресторанах мира.

Но естественно, признаваться во всем этом он не стал бы даже под страхом смерти.

Впрочем, даже не зная подробностей, Анька о его ненасытной любви к своей еде была прекрасно осведомлена и порой ловко этим пользовалась. Как сейчас, например.

— Не, — девушка подковырнула ногой выбоинку в асфальте, спрятав руки за спину, —

Это откупные за доставленное беспокойство. Мир?

— Мир, — добродушно хохотнул Липницкий, но тут же оставил веселье, заметив, как Аня пытается скрыть от него пострадавшую руку — каждое движение кистью явно давалось ей с трудом, причиняя сильную боль, — Вывих? Ты хоть мажешь чем-нибудь?

— Ага, — кивнула рыжая так, что Игорек сразу сообразил — врет. Но черта с два в этом признается, конечно же. А учинить допрос ему не дали громкие выкрики, раздавшиеся откуда-то из глубины бокса, а следом за этим и обреченный стон самой Солнцевой, — Гадство...

— Издержки производства? — насмешливо фыркнул парень, легко отталкиваясь от стены и позвякивая ключами от машины в кармане.

— Ага, как же, — отозвалась Анька, мрачно сунув сигарету в зубы, — Скорее кретинизм отдельно взятых личностей, портящих бесперебойную работу этого самого производства. Они за сегодня три шланга умудрились порвать. Три, прикинь? Нет, сегодня они точно останутся без зарплаты. Ну или без рук — на выбор!

— Ладно, иди уже, — добродушно хмыкнул Липницкий, кивая в сторону открытых ворот, — Я попробую сам поговорить с Демьяном. А ты завтра не смей без меня в универе показываться!

— Так точно! — оставив сигарету во рту, козырнула рыжая и, снова зажав ее между пальцев, подпрыгнула и, чмокнув парня в щеку, улыбнулась, — Спасибо за заботу, эльфенок. Завтра созвонимся!

И убежала, как иногда сама выражалась «вершить правосудие на вверенной ей территории». Направляясь к своей машине, Игорь едва заметно усмехнулся — уж что-что, а в совершении этого самого правосудия он ни капли не сомневался. Как и в прокуроре, высшем суде, палаче, и все это в одном единственном и неповторимом рыжем лице. Уж чего, а здоровья и нервов у нее хватит на всех ее работников вместе взятых.

Кстати, о здоровье...

Заняв водительское место и повернув ключ в замке зажигания, парень положил на соседнее сидение пакет с вещами и, вытащив из кармана мешочек с печеньем, взвесил его в руке и покачал головой, скривив губы в улыбке.

В этом была вся Анька — колючая и ехидная для других, но добрая и заботливая для тех, кто был ей дорог.

По странному стечению обстоятельств в их немногочисленные ряды входил и сам Игорек... И он знал, что в отличие от него, о самой Солнцевой заботиться было некому — родителей, родственников и близких друзей у нее просто не было. Да, конечно, с ней почти всегда был его Енотик, да и он сам старался держаться как можно ближе, но все равно, по какой-то неизвестной никому причине Аня слишком близко никого к себе не подпускала. То ли боялась предательства, как Аленка, то ли еще чего...

В любом случае держаться от нее подальше только по этой причине Липницкий не собирался. Он и сам, помнится, не слишком-то был в восторге, когда кто-то с ним пытался сблизиться вот так легко и просто. Парень считал, что доверие нужно заслужить и, хотя сам уже давно и безоговорочно доверял рыжику, сама она открыться в ответ пока не сильно-то и желала.

Ну да ладно, это были лишь временные трудности.

Отъезжая от автомойки, Игорь машинально взглянул в зеркало и, увидев где-то в глубине бокса злую, как черт Аньку, машинально фыркнул и, приняв окончательное

решение, свернул на первую же улицу, в конце которой, как он помнил, находился небольшой аптечный пункт.

Конечно, он рискует попасть под горячую руку своего рыжего чудища, но не мог же он, в самом деле, оставить ее поступок без внимания? Она ж наверняка брала отданное ему печенье себе на перекус — из-за напряженной работы она почти всегда ходила без полноценного обеда, обычно жуя на ходу что попало, да употребляя чай и кофе литрами. А теперь и вовсе останется голодной, не имея возможности вырваться с работы хотя бы на пять минут, чтобы банально добраться до соседнего магазина.

Нет, допустить подобное Липницкий просто не мог!

А потому, полчаса спустя, когда злая и мокрая Солнцева вернулась в администраторскую, рассчитала и отпустила клиентов, за стойкой ее ждал небольшой сюрприз. Смерив подозрительным взглядом большой бумажный пакет, девушка потыкала его пальцем и, нахмурившись, полезла проверять, что ж за интересную фигню ей на этот раз подсунули.

Зная способность работников подложить ей любую свинью, от забавной шутки до откровенно злого розыгрыша и крупной гадости, она осторожно развернула верхнюю часть... и удивленно вскинула брови, невольно сглотнув слюну, когда по комнате поплыл потрясающий аромат ее любимого куриного филе в хрустящей панировке. Кроме коробочки с оным, внутри оказалась картошка фри, кисло-сладкий соус и сладкий пирожок — в общем, все то, что она просто обожала, но редко ела из-за вреда, что они наносили желудку. Вдобавок ко всему в пакете нашлась еще и небольшая бутылочка энергетического напитка, да маленький сверток с красным крестом на нем. В нем Аня, к своему удивлению обнаружила лечебную мазь, да пакетик с растворимым в воде лекарством от простуды...

— К нам Дед Мороз заглядывал, что ль? — озадаченно произнесла рыжая вслух, хмуря брови и запуская руку в карман джинс за вибрирующим мобильником. Открыв пришедшее сообщение, она опустила в свое кресло, углубившись в чтение. А после него не знала, то ли ей смеяться, то ли плакать, то ли звонить с криками и матами одной небезызвестной личности.

Ибо смс гласило сведущее:

«Поешь как следует, а после выпей лекарство. Руку намажь и забинтуй хорошенько сразу, потом еще раз на ночь и утром. Энергетик, кстати, тоже на утро оставь, а то по дороге все машины и столбы собирать будешь, знаю я тебя, чудище рыжее. И да, я излишне заботливый гад, беспардонный козел и вообще пакость эльфийская. Хотя это всего лишь это моя благодарность и компенсация за вкусные печенки, и чхать я хотел на твой больной и голодный желудок, да-да! Приятного аппетита».

— Засранец... — только и произнесла Солнцева, сжимая телефон в руке и пряча от чего-то заблестевшие глаза.

Больше ей и сказать было нечего.

А вот Игорь, сидевший в своей машине всего в двух кварталах от автомойки, только улыбнулся, прочитав пришедшее в ответ одно-единственное слово.

Кто б сомневался, в принципе...

Это ж его рыжее чудище. С ней нельзя было по-другому.

Липницкий вздохнул, рассматривая фото на дисплее своего телефона. Если б с Анькиной подругой все было вот так же просто и понятно.

Его Енотик... Его маленький, хрупкий Енотик, когда же ты прекратишь избегать встреч

с по уши влюбленным в тебя эльфом и начнешь хотя бы смотреть в его сторону? Наверное, пройдет целая вечность, пока Игорь дождется такой малости. Конечно, ему хотелось большего, а то и всего и сразу, что увы, априори было сейчас несбыточной мечтой.

Или же?

Хитро улыбнувшись, Липницкий свернул изображение и, открыв браузер на телефоне, полез на просторы интернета. И где-то в нескольких километрах от него, сидя у себя дома, неловко покраснев, улынулась Аленка, снова получив сообщение от своего тайного поклонника, известного в сети под ником «Безнадежный романтик»...

Пускай Игорь так сразу заполучить столь желанную девушку не мог, сдаваться он отнюдь не собирался.

И в данной ситуации, как говорится, интернет ему был в помощь...

— Сейчас сдохну, — честно предупредила Лелика и, отпустив руки, развалилась на парте, уткнувшись в прохладное дерево пылающим лбом. Возмущенно фыркнув под ухом, Аленка принялась меня слегка трясти, уговаривая подняться, пока мою позу медузы не заметил преподаватель. Если честно, на потуги любимой подруги в данном конкретном случае мне было банально лень реагировать. Не просто ж я медузой прикидывалась — я себя реально так чувствовала!

Мне было плохо. Лекарство, что мне подкинул Дедушка Мороз в эльфийском обличив, совершенно не помогло. Точнее, оно бы наверняка подействовало, если бы парочка весьма любопытных случаев, что изволили свалиться на мою невезучую голову и повлекли за собой ухудшение здоровья, состояния и самочувствия. То была уже классика жанра — мои любимые и незаменимые работнички снова мне знатно подгадили.

Мало того, что эти упыри в комбинезонах за день умудрились испоганить три шланга, бросив их на пол, прямо под колеса машины, вследствие чего, при дальнейшем движении авто, оказались натянуты и вырваны из моечного аппарата высокого давления. Причем не просто вырваны, а что называется с мясом! И починке, естественно, не поддавались. Благо запасные в камерке валялись, нашлось чем заменить, так что остаться без работы на тот момент нам не грозило.

Однако...

Один юный гений, не буду называть его имя, во время заливки воды в омыватель одной из машин из короткого шланга, что притулился в углу и служил для набора холодной водицы в различные емкости для тех или иных рабочих надобностей, умудрился устроить... потоп! Этот, мать его, самородок, увидел на двигателе авто прикипевшее к нему насекомое и решил его смыть. Насекомое, блин! Этот несчастный таракан (и это я не про мертвое существо под капотом говорю!) пальцем зажал отверстие шланга, чтобы увеличить напор, чего бедный и несчастный, фактически протертый до дыр агрегат не выдержал. От повысившегося давления прорвалась огромная дыра посередине, а вдобавок к ней, порвалась горловина, натянутая на трубу с водой!

Фонтан стоял — закачаешься! И угадайте, кому пришлось лезть в его центр, чтобы перекрыть кран на трубе? Правильно, не таракану же!

Короче, когда я мрачным взглядом осмотрела окружающую обстановку, порванные шланги, мокрые машины, смахнула с лица капли воды вместе с косметикой, мои милые работнички все, как один, нарвались на штраф. Приличный. А чуть позже еще остались и без зарплаты, но это уже после уточняющего звонка вышестоящему руководству. Я, конечно же, позлорадствовала, не без этого.

На что в отместку мои обидчивые мальчики посреди ночи... отключили мне отопление в администраторской!

В итоге, когда в ворота застучали первые ранние клиенты, к кожаному дивану я фактически примерзла. А так как с сухой одеждой вчера возникли некоторые проблемы, спать я легла в одной влажноватой футболке и сырых кедах, и поутру вполне закономерно кашляла, шмыгала и хрипела. В общем, получила полный набор простудившегося организма.

Надо ли говорить, что в универ я едва приползла, безнадежно опоздав на первую пару? Благо по телефону кое-как отвязалась от Липницкого, что горел желанием встретить меня

разнесчастную на парковке возле корпуса. Не хватало еще, чтобы он из-за меня лекции пропускал!

Хотя самой, признаюсь честно, очень хотелось свалить, что называется, до дому, до хаты...

— Солнцева, это как называется?! — раздался над головой звонкий, гневный голос преподавательницы по основам бухгалтерского учета, Елены Николаевны Беликовой, — А ну встать, немедленно!

— Простите, — хрипло и гнусаво отозвалась, кое-как садясь на своем стуле. Оторвать голову от парты было делом практически невозможным — слишком она тяжелой оказалась, — Мне чуток плохо. Можно я еще тут поваляюсь? Ну хоть совсем немножко? Пожалуйста!

— Солнцева, — пораженно ахнула женщина, стоящая передо мной и всплеснула руками, — Да на тебе же лица нет! Живо в медпункт! Почему не сказала, что ты больна?

— Да кому вы верите, Елена Николаевна? — раздалось скептическое откуда-то с последней парты, — Наша рыжуха наверняка притворяется, что б ее отпустили домой. Все же знают, кто и что ее ждет после занятий.

— Колмацкий, захлопни варежку, — бросила за спину, не имея сил даже на то, чтобы просто повернуться, — И без тебя голова раскалывается. Что происходит между мной и Исаевым — не твоего ума дело. Андестенд?

— А если нет? — послышался смешок уже кого-то другого, — Мы же тоже хотим посмотреть, что он с тобой сделает!

— А гланды повидлом не намазать, Личаева? — хрипло каркнула, резко поворачиваясь. Настроения язвить не было вовсе, да и желания убивать, если честно, тоже. К выпадам своих одноклассников я уже давно привыкла и сейчас, если бы не мое воистину ужасающее самочувствие, знатно бы развлеклась, глядя, как они плюются ядом. Но, как говорится, сегодня у меня по гороскопу деревня «Пролетаево», город «Несудьбинск»...

— Замолчали все! — хлопнула ладонями по столу Елена Николаевна и, обратилась ко мне, указывая на дверь, — Марш к врачу. Без ее заключения не смей даже показываться мне на глаза! Вещи оставь здесь.

— Ладно, — тяжело вздохнув, поднялась на ноги и, покинув кабинет, понуро поплелась в сторону лестницы, ведущей на первый этаж. К моему счастью, в каждом учебном корпусе имелся свой медик, бегать по территории универа не было нужды, но даже до скромной обители санитаря нашего потока я, увы, добрести не смогла.

Меня скрутило от кашля всего в пяти метрах от двери с красным крестиком на ней.

Согнувшись пополам, я пыталась откашляться, чувствуя, что легкие просто раздирает, а по горлу изнутри словно кто-то хорошенько прошелся наждачной бумагой — ощущения были непередаваемые. Вдобавок к этому, когда я, наконец, перестала изображать астматика и задыхалась ртом, а не насквозь заложенным носом, сильно закружилась и без того гудящая голова. Пришлось прислониться к стене возле подоконника, чтобы не чебурахнуться на пол прямо посреди пустующего коридора.

Чувствовала я себя на удивление паршивенько.

Повернувшись, уперлась руками в подоконник, стараясь дышать глубоко и редко, что удавалось с трудом, если честно. Стало нестерпимо жарко, но как только я собралась стянуть с себя теплую толстовку, на плечо легла чья-то ладонь, а хмурый голос ненавязчиво поинтересовался:

— Совсем хреново?

— Бывало и лучше, — отозвалась, машинально прищуриваясь, чтобы посмотреть на невольного свидетеля моих мучений. И им, как ни странно, оказался уже знакомый мне Богдан Полонский...

Ну, хоть не Демьян Исаев, и слава богу! На равную, да что там — хоть на какую-то борьбу с нехристью меня бы сейчас просто не хватило.

— В медпункте была? — приложив тыльную сторону ладони к моему лбу, слегка нахмурился блондин, чем раньше бы ввел меня в состояние легко ступора. Однако сейчас на подобный выверт я не обратила никакого внимания, только усмехнулась через силу:

— Как раз пыталась доползти.

— Оу, так я помешал? — вскинул брови Богдан без тени иронии на лице, однако голос его звучал слегка насмешливо, — В таком случае, ползи дальше. Это выглядит... забавно.

— Ну и чувство вкуса у вас, господин Полонский, — кашлянула и, не выдержав, стянула-таки толстовку с вспотевших плеч. Стало ненамного, но легче и я даже ляпнула что-то, отдаленно похожее на насмешку, — За больными барышнями подглядывать извольте!

— Занятное зрелище, — невозмутимо ответил блондин и взглядом указал на дверь медицинского кабинета. — Помочь дойти?

— Пойдем лучше покурим, — пораскинув остатками тех мозгов, что еще не расклеились от жара, ляпнула, сжимая толстовку в руке. И хоть меня слегка пошатывало, улыбнуться все-таки получилось.

Окинув меня внимательным и пронизательным взглядом с ног до головы, Богдан вскинул брови и, усмехнувшись, направился в сторону входной двери, сунув ладони в карманы узких черных джинс:

— Сумасшедшая.

— Есть немного, — поспешно согласилась, топая по коридору и чувствуя, как духота сильно давит на плечи, мешая нормально дышать. Уши стало закладывать, в голове образовывался вакуум, а перед глазами появились разноцветные пятна — предвестники скорого обморока, так что последние шаги по коридору я сделала из последних сил, но невероятно быстро. Даже Полонского обогнала, что блондин никак не прокомментировал, только лишь хмыкнув, помог открыть дверь, на которую я легла чуть ли ни грудью, но сдвинуть с места так и не смогла.

На улицу я почти вывалилась, чувствуя, как ледяной ветер моментально охладил пылающее тело, забравшись в разрезы на футболке сзади, пройдясь по голым рукам и груди в вырезе. Перекинув волосы на грудь, с облегчением вздохнула, когда влажную от пота кожу лизнул осенний ветерок. Вытерев соленые капли с висков и лба, привалилась к столбу, один из которых подпирал крышу крыльца, с наслаждением вдохнула полной грудью освежающий, влажный воздух. Сразу стало так хорошо...

— Заболеешь, — насмешливо прокомментировали мои действия со стороны. Я только фыркнула и, приоткрыв один глаз:

— Да собственно, уже. Терять все равно нечего. Так хоть немного получше стало.

— Не перестарайся с охлаждением, — выпустив струйку дыма, насмешливо отозвался Богдан, стоящий возле такого же столба в двух шагах от меня. Фыркнув в ответ на его заботу, почесала нос и полезла в карман толстовки за сигаретами. Щелкнув зажигалкой, с удовольствием закурила... и почувствовала себя совсем хорошо.

— Ментол, — подняла руку с зажатой в ней тонкой сигаретой, правильно расшифровав

вопросительный взгляд Полонского, который словно бы интересовался, чего ж мне вдруг так похорошело-то, — Раньше никогда не любила, но как оказалось, при насморке само то. Хорошо пробивает, да и горлу легче.

— То есть курение не убивает, а лечит? — насмешливо прокомментировал блондин, затягиваясь вполне обычной сигаретой, — Не знал.

— Тыц, — коротко хмыкнула, — Со мной поведешься, еще и не то узнаешь!

— А оно того стоит? — насмешливо вскинул брови Полонский, окидывая меня пристальным взглядом. Я б даже сказала неприятным, оценивающим. Но возмутиться этим фактом не успела — в голубых глазах блондина уже снова плясали смешинки и он, зажав сигарету губами, снял с себя кожаную куртку. Оставшись в одной кофте с капюшоном, парень шагнул и, накинув свою куртку на мои плечи, усмехнулся, — Я подумаю.

— Не, — мотнула я головой, хитро прищуриваясь, почему-то передумав обижаться. Показался мне это взгляд, что ли? — Не смей. И думать про это забудь! Если попробуешь подумать — ты труп!

Рассмеявшись, блондин затушил окурок и, забрав у меня из рук толстовку, полез в ее карман. Достав оттуда мой мобильник, он преспокойно вернул кофту, снял с экрана блокировку и принялся там что-то делать. От такой вопиющей наглости я прям обалдела — Полонский проделал сей трюк настолько быстро, ловко и спокойно, словно нечто подобное между нами происходило далеко не в первый раз и давно уже стало в порядке вещей. Как между двумя близкими и старыми друзьями...

И возразить ничего на это я как-то сразу не смогла! А потом даже стало интересно, что именно парень там вытворяет, и потому, выкинув окурок, придерживая спадающую кожанку руками, подошла и заглянула к Богдану через плечо. Оказалось, что он просто-напросто вбивает свой номер в память моего телефона.

Интересно девки пляшут...

— Если что — звони. — так, словно ничего не произошло, протянул мне мобильник Полонский и, взглянув на спортивные часы у себя на запястье, добавил, — Мне пора.

— Угу, — машинально кивнула, забирая телефон и отстраненно смотря, как Богдан, обутый в высокие ботинки, легко спрыгнул с крыльца, напрочь проигнорировав лестницу. И только тогда, когда он уже шагнул на тропинку между деревьев, по левую сторону от курилки, спохватилась и крикнула, — Эй! А куртку?

Остановившись на секунду, он повернул голову и усмехнулся:

— Потом вернешь.

И ушел. Вот так просто взял и свалил, никак не объясняя своего странного поведения, оставив меня в полном недоумении.

Пожалуй, любопытней личности, чем Богдан Полонский, я на своем пути еще не встречала...

Пожав плечами, решив пока не особо париться по данному поводу, шмыгнула носом и, чихнув, натянула великоватую мне куртку как следует, засучив рукава, что б они не мешались. Толстовку же оставила в руках — в ней было слишком жарко, а без нее наоборот, холодно. В футболке и кожаной куртке же было самое оно, Богдан словно предчувствовал это.

Странный тип, что ни говори.

Чихнув пару раз, громко и от всей души, пошкрябала саднившее горло и вздохнув, поплелась в начальный пункт своего назначения, то есть в обитель медиков. Оные, кстати,

едва ли не прибить меня изволили, узрев на предложенном мне градуснике, по его возвращению обратно, веселые цифры, означающие наличие у меня высокой температуры.

Всего-то 38,8 а крику было столько, словно я прямо у них в кабинете белые тапочки примерять собралась.

В общем, освобождение на мое имя выписали, рецепты и справку, он же больничный лист, тоже выдали (да-да, квалифицированные медики элитного универа и такими вещами занимались) и, взяв с меня честное слово, что я немедленно отправлюсь домой, выпнули из своего кабинета, явно собираясь проводить после меня сопливой грандиозную дезинфекцию. На что я ни капли не возражала.

Естественно, увидев заключение врачей, Елена Николаевна мигом заткнула рты всем недовольным и отправила меня домой. Виновато шмыгнув носом перед Аленкой, я собрала вещи и, пообещав с ней связаться вечером, покинула учебную аудиторию, невесело волоча ноги по чистому, свежевывытому уборщицами полу.

После временной передышки на свежем воздухе мне поплохело опять.

И хоть сейчас в обморок мой организм отправляться вроде бы не собирался, к уже ставшему родным кашлю, соплям и больному горлу добавились слезящиеся глаза, которые стали почему-то закрываться, да дикая ломота в костях всего тела. Вопрос о том, каким макаром мне в таком состоянии добраться до дома, как-то временно и ненавязчиво повис в воздухе...

— Извиняюсь, — гнусаво буркнула, неудачно вписавшись в кого-то на первом этаже, когда спустилась с лестницы и вышла из-за угла. Вперед я не особо смотрела, не до того как-то было. Мной владела одна мысль — доехать до дома и лечь спать, на остальном я как-то не заикливалась.

И зря, как оказалось.

Когда я поняла, что не могу сдвинуться с места, по причине того, что чья-то фигура передо мной упрямо шагает в ту же сторону, что и я, специально не давая пройти, было уже поздно что-то менять.

С трудом подняв чугунную голову, я прищурилась, разглядывая, кто ж такой любопытный захотел от меня заразиться... и проглотила язык, узнав стоящего передо мной Демьяна.

Вот это поворот событий... И как всегда не вовремя!

Тяжело вздохнув, я привычно уцепилась за лямки рюкзака и, шмыгнув носом, на удивление спокойно и вежливо попросила:

— Нехристь, дай пройти ради всего святого, а? Будь человеком...

Судя по его ответной улыбке, мои просьбы и мольбы на сей раз останутся без ответа.

И почему я не удивляюсь?

Демьян был даже не удивлен, услышав подобные слова в свой адрес. Он уже знал о том, как любовно за глаза называет его рыжая и, признаться честно, данное прозвище слегка забавляло. Настолько, что он даже не собирался за него мстить как всегда острой на язычок оторве.

За кличку не собирался, а вот за все остальное...

Если честно, последние пару дней, после выхода в свет второго видео, в голове Демьяна зародились некоторые сомнения по поводу причастности подружки Липницкого к происходящему. Безусловно, он был зол на нее, но не настолько, чтобы лететь сломя голову на ее поиски — для начала ему требовалось хотя бы чуть-чуть остыть, дыба не оторвать ее

хорошенькую головку к чертовой матери.

Прогулка по давно забытому городу стала хорошим охлаждающим средством, что ни говори. А заодно и средством для прозрения: только после того, как он попал под дождь, промок, а после поездки во влажной одежде расчихался, до него дошло, что некоторые события, произошедшие между ним и рыжей действительно стали случайностью. В конце концов, она ведь пыталась его предупредить, но в тот момент прислушиваться к словам Солнцевой он был не очень-то настроен, а после так вообще откровенно разозлился до состояния плохо контролируемой ярости.

Сопоставив ее случайный чих и предыдущие события, а так же перечитав характеристики девушки от преподавателей, прочитав доставленное по его заказу у службы безопасности досье, Исаев понял, что не Солнцева представляла угрозу для его репутации.

Нет, прикрываясь девушкой, за видеомонтажом стоял кто-то посерьезнее и явно поопаснее...

Демьян всегда хорошо чувствовал подвох и будущие неприятности. И сейчас, коли его индикатор опасности его не подводил, в университете имелся кто-то, кто откровенно точил на него зуб. А размах и подлость уже им сделанная говорила о том, что все это только начало — дальше все будет только круче и веселее, так, что все столкновения с рыжей неприятностью покажутся ему легким флиртом. Солнцева, конечно, за излишнюю дерзость и острый язык еще свое получит, но в остальном...

Демьяну очень бы хотелось знать когда, а главное кому он успел перейти дорогу. Один вариант, конечно, имел место быть, но доказать причастность Полонского к происходящему было невозможно.

Пока, во всяком случае.

Исаев собирался непременно этим заняться, но пока стоило вспомнить еще кое о ком. И этот кто-то смотрел сейчас на него усталым, равнодушным и каким-то даже умоляющим взглядом.

— Будь человеком? — насмешливо переспросил Демьян, складывая руки на груди и всем своим видом давая понять девушке, что сбежать ей вряд ли удастся на этот раз, — И кто ж я тогда сейчас, если не человек, а, оторва моя рыжая?

— Нехристь она и в африке нехристь, — пожала плечами Солнцева и, закрыв рот ладонью, оглушительно чихнула так, что парень машинально отшатнулся. Заметив его движение, рыжая шмыгнула носом и гнусаво хихикнула, — Да не бойсь, я больше так не буду!

— А кто сказал, что я боюсь? — иронично вскинул брови Исаев, делая шаг вперед, — По-моему, сейчас стоит опасаться кому-то другому.

— Нехристь, слушай, — почесав затылок, рыжая, ни капли не испугавшись, подняла на него измученный взгляд покрасневших глаз, — Давай перенесем наши баталии на другой раз, а? К тому моменту я составлю список оправданий, напишу длинную покаянную речь и сама явлюсь в твое логово. Только не сейчас, лады?

— С чего такая внезапная смена позиции? — изумленно посмотрел на нее Демьян, испытывающей неподдельное удивление. Памятуя о том, что обучается она бесплатно, имеет наглый и непробиваемый характер, огромный запас ехидства и иронии, парень думал, что признавать свою вину рыжая не станет даже под угрозой пыток. Но сейчас же, не смотря на некоторую неправдоподобность, прозвучавших в ее словах, Исаев понял, что говорила она почти серьезно.

Что же вдруг случилось?

— Отстань, нечистый, плохо мне, — хрипло вздохнула девушка, склонив голову. И тут же подняв ее, она улыбнулась и попыталась прошмыгнуть мимо него к выходу, — Ладно, пока! Разберемся в следующий ра... ауч!

— Я тебя разве отпускал? — насмешливо поинтересовался Демьян, успевший перехватить рыжую за запястье до того, как она смогла отдалиться хотя бы на шаг,

— Наш разговор не закончен.

— Закончен, — как-то внезапно глухо произнесла Солнцева и, не поворачиваясь, почти прошептала, — Нехристь, отпус...

Девушка не договорила. Исаев и глазом не успел моргнуть, как она оказалась лежащей на полу, причем без его непосредственного участия в этом действии.

Тряхнув рукой, которой до недавних пор он удерживал рыжую, Исаев страдальчески поморщился. Только театральных обмороков ему сейчас и не хватало для полного счастья! Впрочем...

Усмехнувшись, парень сел на корточки возле Солнцевой и, переплетя пальцы, устроил на них подбородок, рассматривая валяющуюся прямо посреди холла хрупкую фигурку. В том, что Аня притворяется, чтобы избежать законной расплаты за свои грехи, он ни капли не сомневался.

— Девушки всегда падали к моим ногам, — вслух усмехнулся Демьян, насмешливо глядя на неподвижный объект будущей мести, — Но не столь показательно. Признаю, ты меня почти растрогала. Смелый ход.

В ответ ему не было произнесено не звука. Выждав для верности несколько секунд, шатен мученически вздохнул и, оперевшись одним коленом в пол, протянул руку и хорошенько потрянул рыжую за плечо. В ответ на его движение девушка перевернулась, да...

Но от увиденного зрелища у Исаева сперло дыхание — по виску девушки на щеку стекал ручеек крови из рассеченной при ударе о бетонный мозаичный пол брови!

— Да ладно, — мотнув головой, с сомнением выдохнул парень и, все-таки дотронувшись до лба Солнцевой, негромко выругался, — Черт!

Просунув ладонь под лямки рюкзака, поднял довольно-таки легкую девушку на руки и, еще раз ругнувшись, но уже мысленно, поспешил в сторону медпункта, чувствуя себя героем третьесортной телевизионной мелодрамы.

Ведь нужно же ему было догадаться, что с этой оторвой было что-то не так, уж слишком странно себя она вела и выглядела, но нет же! Он не обратил внимания на ее излишнюю бледность, лихорадочно блестящие глаза, капельки пота на лбу и пылающие щеки и, как итог, теперь вынужден лично тащить ее бессознательное тело к врачам.

Благо, что в этот час все коридоры пустовали — вольных и невольных свидетелей произошедшего рядом не оказалось.

Впрочем, самого Демьяна мало утешал данный факт: за разбитую голову рыжей ему хотелось отвечать меньше всего.

И угораздило же его так вляпаться! Все с этой сумасшедшей не слава богу...

Поддев ногой приоткрытую дверь медпункта, Исаев распахнул ее и, быстро войдя в кабинет, положил аккуратно девушку на кушетку, стоящую вдоль стены, не обращая внимания на шокированные взгляды местных молоденьких врачей. Впрочем, удивление на их лицах мгновенно сменилось взволнованными возгласами, как только они разглядели, кто же, а главное, с чем к ним пожаловали:

— Господи, Демьян, что случилось?

— Опять Солнцева?! Мы же ее полчаса назад домой отправили!

— Видимо не дошла, — машинально усаживаясь на стул, ответил Исаев, — Упала в обморок в коридоре. Кажется, головой об пол ударилась.

— Не удивительно, с такой-то температурой! — всплеснула руками блондинка в белом халате, кучерявые волосы которой забавно топорщились в разные стороны. Осторожно ощупав опухшую бровь Солнцевой вокруг рассечения, повернулась к своей напарнице и с укором произнесла, — Ударилась сильно, но сотрясения быть не должно. Я тебе говорила, что «скорую» вызывать надо было сразу!

— Да брось ты, — передернула плечами вторая, доставая из шкафчика вату и пузырек с нашатырным спиртом, — Я думала, что она самостоятельно до дому доберется.

Склонив голову так, чтобы выражение его лица не было видно, Демьян потер пальцами лоб, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться вслух. Вот же две... идиотки!

Даже ему, человеку весьма далекому от медицины, хватило бы мозгов, чтобы убедиться в безопасности передвижения девчонки, которая от высокой температуры на ногах не стояла! И ему уж точно не пришло бы в голову отпускать ее домой в одиночестве. Но этим двум, кажется, до больной рыжей было тогда, как говорится, до лампочки. Да и сейчас, если посмотреть, не особо они за ее состояние и волновались-то...

— Думала она, — сердито цыкнула светленькая, сердито забирая щедро смоченную в нашатыре ватку, — А если бы она в аварию по дороге попала, отвечать кому бы пришлось? Нам!

— Да ладно, — фыркнула ее напарница, склоняясь над кушеткой и легонько похлопывая девушку по щекам, пока вторая водила кусочком ватки перед носом рыжей, — За стенами универа мы ответственности за студентов не несем. Так, не морщись! Давай, давай, открывай глаза, чего ты размякла, как кисейная барышня?

— Скорее как таракан, которого плющит под морилкой, — хрипло отозвалась Солнцева и, не выдержав, отпихнула от себя руки обеих медсестер, — Да уберите вы эту гадость, воняет же!

Услышав это, Исаев тихо хмыкнул, закрывая лицо ладонью и невольно покачав головой. Да уж... Кажется, эта рыжая неприятность даже не пороге смерти язвить не перестанет!

Впрочем, очухалась и слава богу. Осталось только удостовериться, что свою драгоценную голову она действительно не разбила и можно отсюда убираться. На сегодня с него приключений хватит.

— Как ты себя чувствуешь? — практически с неподдельным волнением в голосе спросила блондинка, глядя, как девушка, отчаянно морщась, пытается сесть на кушетке, — В жар не бросает? Голова не кружится, в глазах не двоится, не тошнит?

— Нет, — скупно ответила Солнцева и, неожиданно закашлявшись, хриплым до невозможности голосом кое-как выдавила из себя, — Пить...

— Ой, сейчас! — всплеснула руками светленькая, торопливо оглядываясь по сторонам. Не найдя ничего подходящего, она растерянно обратилась к напарнице, — Блин, мы всю воду на чай извели, а кран так до сих пор не починили... Ася, у тебя минералки нет?

— Нет, — отозвалась вторая медсестра и, подойдя ближе, потрогала лоб пациентки, а затем протянула градусник, который Солнцева, приняв-таки сидячее положение, покорно засунула себе под футболку, — Демьян, будь другом, сбегай за водой до кафетерия, а я пока «скорую» вызову.

— На кой черт? — удивилась рыжая, возмущенно сопя заложенным носом, — Я что, в инвалиды записалась? Сама до дому доеду, не сахарная, не развалюсь!

— Не развалишься, — хмыкнул в ответ на это Демьян, поднимаясь со стула, — Скорее всего, просто снова стечешь лужицей где-нибудь посреди коридора. Второй раз я тебя никуда не понесу, учти.

— Нехристь спасала мне жизнь... — растерянно, но с сарказмом выдавила из себя девушка, глядя на Исаева, смотрящего на нее сверху вниз, — Кому рассказать, хрен поверят!

— А ты молчи, — усмехнулся шатен, направляясь к двери, — Целее будешь.

— Как это мило... — донеслось ему ехидное вслед.

Покачав головой, наследник GRT-групп покинул кабинет медицинского персонала. Ничего другого он в свой адрес услышать и не ожидал, как, собственно, и не сомневался в отсутствии хоть какой-то благодарности с ее стороны. И по-хорошему, стоило бы сейчас проигнорировать просьбу медсестры и не стоять из себя мальчика на побегушках...

Но Демьян Исаев был из тех людей, что привык доводить начатое до конца. И теперь, пока он лично не удостоверится в том, что эту рыжую неприятность забрала карета скорой медицинской помощи он, увы, нормально себя чувствовать не будет. И не столько из-за болезни Солнцевой или ее обморока, сколько из-за ее разбитого лобешника.

Мало ли что с ее мозгами случилось на самом деле, а камеры наблюдения, что безусловно, засняли все произошедшее, вряд ли смогут кому-то и что-то доказать, реши рыжая подать на него в суд за нанесение ей телесных повреждений. Конечно, подобное вряд ли случится, но рисковать все-таки не стоило.

Да и оправдываться перед Липницким за его пострадавшую подружку Демьяну хотелось меньше всего.

Однако, когда шатен, успокоив себя таким образом, вернулся в медпункт с бутылкой негазированной минералки, он понял, что во избежание каких-либо последствий, ему изначально не стоило затевать всю эту кутерьму с работниками системы здравоохранения. А лучше вообще не стоило подходить к этой маленькой, наглой, хамоватой рыжей неприятности.

Ибо эта сумасшедшая девчонка, пока он ходил за водой, а медсестры отлучились одна за жаропонижающим в соседнюю комнату, вторая в соседний кабинет за телефоном, попросту сбежала из медпункта и универа вообще!

Нет, ну и как ее после этого называть?

— Оторва ненормальная, — только и выдохнул Исаев, падая на ранее занимаемый им же стул.

Больше добавить было нечего.

— Ща сдохну. — честно предупредила саму себя вслух, глядя в зеркало заднего вида. Что, в принципе, было само по себе делом глупым и бесполезным, ибо отражение мое было... краше в гроб кладут!

Конечно, с температурой в тридцать девять и два пока откинуть тапки мне не грозило, но и добраться живой до дома было делом весьма проблематичным. Ладно, боль в горле и жуткий насморк. Фиг с ним, с дикой головной болью при малейшем движении и раздражающим легкие кашле. Да черт бы с ней, с ломотой в теле, но вот что мне делать с закрывающимися глазами?

Я ж так до первого столба только доеду, и не факт, что дальше!

Собственно, потому эти две насадки и хотели карету скорой помощи вызвать для моей сопливой персоны. В чем-то они были правы, конечно... Но! Во-первых, к врачам мне нельзя обращаться по определенным причинам. А во-вторых, я лучше впишусь на скорости во встречный «Камаз», чем позволю медикам увезти меня в больницу на глазах всего универа!

Так что да, пришлось спешно делать ноги, удачно пользуясь всеобщим отсутствием.

И если с этим, что называется, мне прокатило, то вопрос о том, что делать дальше, встал ребром. Хотя, кажется, уже не встал... В трех кварталах отсюда есть платная стоянка — до туда я уж как-нибудь докачусь. А уже там вызову такси до дома... гениально, черт побери! Главное, собрать сейчас глаза в кучу...

Вздыхнув, потеряла переносицу и, мельком взглянув на приборную панель, открыла настежь дверь и достала из бардачка сигареты с зажигалкой. Машине требовалось еще пара минут на прогрев, так что подымить я еще вполне успею, главное только не отключится в процессе потребления никотина. А это будет непросто... очень непросто!

И видимо, я все-таки не рассчитала своих сил — в себя я пришла резко, едва не подскочив на месте. Спустя долгую секунду, до меня дошло, что я просто заснула, сидя в машине, а еще спустя две, что я заснула с сигаретой в руках! Блин!

Резко повернула голову, которая тут же отозвалась парочкой гвоздей, забивающих кем-то в мой череп, и поняла, что, кажется, температура стала еще выше. Иначе как мне объяснить галлюцинации в виде Богдана Полонского, что сидел на корточках, опираясь локтем на открытую дверь моей машины, и спокойно докуривая мою же сигарету?

— Так и знал, что не стоит оставлять тебя одну, — на удивление спокойно произнес парень, смотря на меня снизу вверх из-под длинных, тонких прядей челки. Выглядел он просто невероятно невозмутимо... В то время как я пребывала в состоянии полноценного ступора. Однако сил на ответ все-таки наскребла, хотя и с трудом разлепила пересохшие губы, оторвав, кажется, от одной приличный кусок кожи:

— Да я вроде, в порядке...

— Да я вроде вижу, — невозмутимо хмыкнул Богдан и, затушив окурок об асфальт, поднялся на ноги, бросив мне все таким же спокойным тоном, — Двигайся.

И я подвинулась. Скрипя суставами и морщась при каждом движении, я все-таки перебралась на пассажирское место, а мое тут же занял Полонский, причем с такой уверенностью, словно он тут же не раз бывал. Отрегулировал сидение, проверил и поправил зеркала, примерился к педалям...

— Куда? — только и спросил, аккуратно выезжая задним ходом с парковки. И только лишь спустя несколько минут, уже на выезде с территории студенческого городка, убедившись, что водит Полонский вполне спокойно и с немалым опытом (не за себя я волновалась, а за малыша!), выдохнула, устало откидываясь на сидение:

— Жилой комплекс «Серебряные росы».

Ответом мне стал короткий взгляд, брошенный искоса. Я только хмыкнула, с трудом пристегнув ремень и пристроив макушку на подголовнике:

— Не спрашивай. Знаешь, где это?

— Конечно, — последовал лаконичный ответ. И все — вопросов Богдан больше не задавал.

Ну и слава всем, кого обычно благодарят в подобных случаях: объяснять, что такая как я, забыла в таком месте, как то, у меня не было ни сил, ни желания. В том, что Полонский уже давно пребывает в курсе моего истинного статуса и принадлежности к среднему классу, я не сомневалась ни на йоту. И он не мог не заинтересоваться, как же бюджетница типа меня, оплачивает аренду элитного жилья, типа «Серебряные росы».

История, кстати, забавная и интересная... но не для подобных обстоятельств. Тишина, царившая в салоне, не давила на уши, ее разбавляла ненавязчивая музыка, лившаяся из динамиков, вмонтированных в двери. Музыкальная подборка какой-то радиостанции, выбранной парнем наугад, погружала меня в состояние долгожданной полудремы, но окончательно меня добила неспешная, плавная и размеренная манера езды Богдана. Не дотерпев даже до середины маршрута, я банально вырубилась.

Вот так просто и чуть-чуть банально.

М-да...

Мельком взглянув на заснувшую девушку, Богдан усмехнулся и, бросив взгляд в боковое зеркало, перестроил машину в другой ряд, прибавив скорость — машина послушалась беспрекословно.

Ему понравилось это авто. Достаточно мощное, в идеальном состоянии, с уютным ухоженным салоном... а еще, в нем чувствовалась сила. Тяжесть настоящего металла, не малая длина кузова, мощность хорошего старого мотора — это была полноценная машина, и все это ощущалось каждой клеточкой его тела. Именно машина, а не новомодная легкая игрушка, которые сейчас стоили много, но по сути, ничего хорошего из себя не представляли. Легкое развлечение, не более того.

На ум почему-то пришло сравнение с девушками...

Посмотрев еще раз на спящую Солнцева, Полонский хмыкнул еще раз и прибавил газу, не нарушая, впрочем, правила дорожного движения, которые накладывали определенные ограничения на скорость передвижения по городу. Не столько из соображения безопасности, сколько из уважения к понравившемуся ему автомобилю и его хозяйке. Хотя, по-честному, именно из-за нее стоило как раз поторопиться.

Не заметить, как ей было плохо, мог бы только слепой.

Крупные капли пота, ненормальная бледность, лихорадочный румянец, а уж про то, что она выключалась на ходу, и вовсе говорить не стоило. Для Богдана оставалась загадкой, как в таком состоянии ее вообще выпустили из медпункта — по-хорошему, девушку сейчас нужно было доставить в больницу, но каким-то внутренним чутьем молодой человек понимал, что делать этого не стоит. По крайней мере, без ее на то разрешения.

Она попросила отвезти ее домой, значит, на то была веская причина.

В том, что она назвала домашний адрес, Полонский не сомневался — он уже успел разузнать об этой нахальной девчонке гораздо больше, чем смог бы то сделать кто-то другой. Однако найденная им информации была только верхушкой айсберга, и останавливаться на достигнутом, парень не собирался. Во всяком случае, пока.

Уж слишком... любопытной оказалось личность Солнцевой.

Прибыв в место назначения, Полонский остановился на пару минут у шлагбаума, закрывающего въезд в жилой комплекс, но только лишь для того, чтобы отыскать в машине документы рыжей, да чип-ключ. Последний оказался на связке ключей в замке зажигания, а вот в маленьком специальном портмоне обнаружился еще и ее паспорт. К счастью, прописка ее, хоть временная, совпадала с местом проживания, а вот адрес старого места жительства Богдан на всякий случай запомнил. Посмотрев номер дома, поднял шлагбаум с помощью ключа и, уже не медля, направил машину на поиски нужного дома, не особо разглядывая новостройки и дворы вокруг.

Въехав на подземную парковку, молодой человек без проблем отыскал нужное место, с нарисованным на бетоне белой краской номерным знаком управляемой им машины, заглушил мотор и, откинувшись на сидении, повернулся к по-прежнему спящей девушке.

Даже сейчас, не кашляя, как больной туберкулезом, не говоря в нос, и не хрипя, как курильщик со стажем, она все равно выглядела очень больной и измученной. Будить ее почему-то не хотелось, да и если честно, Солнцевой сейчас было просто необходимо спать как можно больше. И поэтому, уже практически не сомневаясь, Полонский переложил рюкзак девушки ей на колени, заранее спрятав связку ключей от ее квартиры к себе в карман, покинул авто, обошел его и, распахнув дверцу, поднял девушку на руки.

Ее вес не оказался для него большой проблемой — совсем наоборот, кто бы подкормил немного это немощное рыжее создание, чтобы кости так сильно не выпирали...

Остановился Богдан только около будки сторожа. Он не успел произнести ни слова, как сухонький старичок лет семидесяти, одетый в характерную форму охраны, сам поднялся и всплеснул руками:

— Анечка, да что же это! Что случилось?

— Спит она. Заболела, — ответил парень, уже чувствуя, что может получить немного хоть и неожиданной, но нужной ему информации, — В универе температура поднялась, вот и предложил подвезти. По дороге заснула.

— Вот же, — покачал головой пенсионер, неодобрительно хмурясь, — А все работа ее окаянная! Говорил же ей, нельзя не спать сутками, так нет же!

— Она работает? — удивленно вкинул брови Богдан, аккуратно прижимая к себе свою ношу. Конечно, он знал, что Солнцева работает, но где именно, история умалчивала — по проверенным данным, официально трудоустроена она нигде не была.

— Так конечно! — еще раз покачал головой охранник, с неподдельным беспокойством глядя на девушку, — Сутки через трое, не глядя на учебу, самочувствие или еще какой катаклизм. Прямо до слез ее жаль становиться, когда после работы этой проклятущей, да университета вашего аккурат раз в три дня домой приползает. Бледная, худющая, круги под глазами, но все хихикает, да улыбается, о самочувствие моем справляется... Хорошая Аня девочка. Отзывчивая. О других печется больше, чем о себе.

— А когда она на работу уезжала последний раз вы не знаете? — задумчиво прищурился парень, начиная улавливать какую-то важную мысль. Ту, что никак не желала оставить его в покое...

— А то как же! — почти оскорбился старичок, — Вчера, как обычно, в семь утра отбыла. На занятия-то она куда как позже выезжает, я ее машину всегда загодя прогреваю, у меня и график ее расписанный есть...

— Вот оно, что... — негромко произнес Полонский, как-то по-новому посмотрев на спящую рыжую и, поудобнее перехватив девушку, кивнул, — Спасибо за беспокойство. Куда мне идти?

— А вон там лифт, тут рядышком, — охранник высунулся в окошко и указал рукой на дверь, — Пятый этаж, последний, слева квартира ее, она у Серафимы Карловны снимает уже полтора года как. Ты уж позаботься о ней, ладно? Анечка мне как внучка уже стала, сердце разрывается, глядя на нее такую!

— Конечно. Еще раз благодарю, — кивнул парень и направился в указанную сторону, но уже планируя на обратном пути как следует поболтать со словоохотливым пенсионером. И хотя лучше бы это было сделать сейчас, пока мужчина был куда более расположен к беседе, говоря на эмоциях все, что думал и о чем знал, тяжесть тела Солнцевой давала о себе знать. Да, девушка казалась легкой, но и невесомой пушинкой все-таки не была.

До нужной квартиры молодой человек добрался легко, как открывал дверь — вообще отдельная история, благо возле двери оказались относительно невысокие перила, на которые он и поставил ногу, придерживая тело рыжей на весу, освобождая себе одну руку, чтобы отпереть дверной замок.

Попав вовнутрь, он скинул обувь и прошел в квартиру, почти сразу же поняв, кому она принадлежала ранее... Он был здесь когда-то, еще учась в выпускном классе школы, и хорошо знал ее бывшего владельца. Оставалось только удивляться и гадать, как именно Солнцеву свела судьба с представителем нетрадиционных сексуальных меньшинств, умершим не далее, как пару-тройку лет назад...

Где была спальня, Богдан знал и уже немедля направился туда, не оглядываясь по сторонам. Впрочем, он и так заметил, что с тех пор интерьер, так нравившийся Станиславу Зырянову, а для остальных их общих одноклассников просто Стасику, ничуть не изменился за прошедшее время.

Что странно. Впрочем, сейчас это был вопрос далеко не первостепенной важности.

Уложив Солнцеву на кровать, Богдан забрал рюкзак и, переложив его на стоящую рядом тумбочку, развернул стоящий неподалеку стул. И только собирался было на него сесть, как рыжая, видимо, почувствовав смену обстановки, отчаянно морщась, открыла глаза. Приподнявшись на локтях, мутным взглядом оглядев потолок, затем комнату, она с явным трудом сфокусировала взгляд на самом Полонском и только тогда хрипло усмехнулась:

— Вот это я понимаю, служба доставки... Только не говори, что ты меня сюда на руках пер!

Полонский улыбнулся в ответ. Как он и ожидал, это рыжее забавное создание даже при таком состоянии было как всегда в своем стиле. И реагировать на ее прелюбопытнейший репертуар, полный ехидства и сарказма на любой вкус и выбор, для самой различной аудитории и разнообразного контингента, он предпочитал по-своему. То есть почти никак.

— Чего не разбудил-то? — спокойно восприняв тот факт, что блондин ей не ответил, Анька села и, потирая покрасневшие глаза, вполне спокойно и мирно произнесла, — До дома я бы уж и сама доползла как-нибудь.

— В этот раз я решил лишиться удовольствия поглядывать за больными барышнями,

— хмыкнул Богдан, усаживаясь на пододвинутый стул, — Как себя чувствуешь?

— Извращенец, — мрачно парировала рыжая и, подтянув колени к груди, помассировала лицо ладонями, — Хреново чувствую. Бывало и лучше.

— После суток без сна и с высокой температурой? — с ироничными нотками заметил Полонский, поднимаясь, — Вряд ли. Тебе нужно жаропонижающее и длительный сон.

— Спасибо за информацию, кэп, — мрачно отозвалась Солнцева.

— Лекарства есть? — только и спросил Богдан, снова проигнорировав привычный для нее сарказм и уже зная, каким будет ее ответ.

— Откуда бы? — глухо ответила девушка и, с явным трудом подавив приступ кашля, хрипло вздохнула, — Сейчас немножко приду в себя, да позвоню в аптеку, закажу. Благо она тут за углом, принесут быстро.

— Ясно, — прервал ее молодой человек, не дав продолжить мысль, направился в сторону двери, — Ложись, я скоро вернусь.

— А? — изумленно выдавила из себя рыжая, явно не ожидавшая такого поворота событий.

— Ага, — отозвался Богдан и, подавив усмешку, вышел, плотно затворив за собой дверь. В том, что Солнцева, вопреки всему, его на этот раз послушается, он почти не сомневался.

Почти.

И именно поэтому, проверив запасы продовольствия на кухне, вышел из квартиры и ключами запер за собой дверь. На всякий случай.

Но когда Богдан вернулся, Аня действительно оказалась дома. Более того, она снова спала, но на этот раз уже в кровати, переодевшись и забравшись под одеяло. И снова, глядя на ее бледное лицо, молодому человеку не хотелось ее будить, но смерить температуру и принять лекарства ей было просто необходимо.

И даже более чем — только что купленный градусник показал уже тридцать девять и шесть.

— Скорую? — предложил Богдан, понимая, что дело, в принципе, принимает уже куда серьезный оборот, чем ему казалось ранее, — Так просто мы температуру не собьем.

— Мы? — закашлявшись, переспросила рыжая, садясь и забирая протянутую ей бутылку с негазированной минералкой, — Я думала, что ты уже домой собирался.

— Непременно, — спокойно кивнул Полонский и, поставив возвращенную ему бутылку на прикроватную тумбочку, сложил руки на спинке стула, на котором сидел, — Как только буду убежден в том, что ты не соришь от высокой температуры после моего ухода или что о тебе есть, кому позаботиться.

— О, так это не проблема, — наигранно радостно и в тоже время хрипло до невозможности отозвалась Солнцева, — Можешь не беспокоиться. Я позвоню, и ко мне приедут. Все будет в порядке.

— Звони, — пожал плечами блондин, внутренне усмехаясь. То ли ее актерские способности оставляли желать лучшего, то ли болезнь не давала Ане управлять своими эмоциями, то ли он сам был чересчур проницателен... но сейчас Богдан отчетливо понимал — Солнцева врет. Ей некому звонить.

— Телефон, — сообразив, что ее наглая и практически неприкрытая ложь не прокатит, девушка поморщилась, — Он остался в медпункте универа вместе с толстовкой.

Невозмутимо пожал плечами еще раз, парень вытащил из кармана свой мобильник и, протянул его рыжей... но она его не взяла, только лишь хмуро и мрачно посмотрела на него исподлобья. Они оба понимали, к чему вел Полонский.

Ей действительно некому было звонить.

— Как я и думал, — хмыкнул Богдан, убирая аппарат обратно в карман, и неожиданно произнес нечто совсем неожиданное для Ани, — В таком состоянии ты не один номер не вспомнишь. Ложись.

— Тебя просто прикалывает наблюдать за больными девушками, признай это, — проворчала Солнцева, укладываясь обратно и накрываясь толстым одеялом, — Ты в глубине души тот еще извращенец...

— Спасибо за диагноз, кэп — тихо хмыкнул блондин, возвращая ранее произнесенную ей колкость и, протянув таблетки и бутылку с водой, уверенно забрал толстое одеяло, заменив его на тонкий плед. Заметив удивленный взгляд, пояснил, попутно разбирая пакет с купленными лекарствами, — Пропотеть при температуре — самая распространенная ошибка. Телу нужно избавиться от жара, а не пытаться сохранить его. Больше влаги, больше жидкости... Увлажнитель есть?

— Да, на подоконнике стоял, — как-то заторможено ответила Аня и с заметным трудом негромко проговорила, — Нам, обычно, на такие мелочи плевать... Неужели корейцы настолько заботятся о своем здоровье, что знают все нюансы своих возможных болезней?

— Не представляешь, насколько, — хмыкнул Богдан, устанавливая на столе небольшую черную вазу, из которой, после включения пошел холодный пар, — У них есть, чему поучиться. Это вышей сейчас. И это. И это. И еще вот это. Остальное через час.

— Гадость, — поморщилась Солнцева, проглотив вязкий на вид сироп от кашля, но, послушно приняв остальные лекарства, сползла обратно на подушку, прикрыв глаза тыльной стороны ладони, — Что ж меня так вырубает-то...

— Из-за температуры, — пояснил молодой человек, вновь занимая место возле кровати верхом на стуле, — И из-за бессонных суток. Твоя работа хорошо подорвала твое же здоровье.

— Ложь и провокация, — тихо парировала девушка, уже откровенно засыпая, — Я уже почти как два года не болела...

— Зато сейчас получаешь по полной программе, — хмыкнул Богдан и, взглянув на часы на своем запястье, засекая время, добавил, — Спи уже.

Но последние слова его не потребовались — наверняка даже не расслышав его пояснения, Аня просто выключилась, к его удивлению. Как она держалась все это время для него, если честно, это вообще оставалось загадкой...

Как и то, зачем он вообще ввязался во все это.

Обычное человеческое сочувствие, банальная жалость, желание позлить Исаева, настойчивое любопытство, а может и просто интерес к этой странной девушке... кто знает?

Ответить на этот вопрос Полонский и самому бы себе не смог.

Наверняка он знал только одно — оставлять Солнцеву сейчас одну явно не стоило.

И, как оказалось в последующем времени, волновался он не напрасно: с большим трудом сбитая температура к ночи поднялась вновь. И снова от помощи квалифицированных медиков Аня отказалась наотрез.

И Богдану пришлось, засучив рукава, взяться за необходимое ей сейчас лечение самолично. И его это, если признаться честно, ни капли не покорило. Да и уйти так просто, оставив рыжую одну в таком состоянии он не мог, как бы не пытался убедить себя в обратном. Слишком слабой, слишком беззащитной она сейчас была.

Уехал он только утром, проспав всего пару часов на краю той же кровати, когда

убедился, что высокая температура действительно спала, хоть и не до конца. И удостоверившись, что девушке не стало хуже, отбыл в универ. Не то, чтобы он слишком жаждал сидеть на скучных парах, но именно сегодня, по закону подлости, были те семинары, которые пропускать не стоило. Год обещал быть бурным и насыщенным на события — такие вещи Полонский чувствовал на раз, а потому обзаводиться лишними проблемами уже сейчас было абсолютно ни к чему.

Но нашлось в этой ситуации и кое-что положительное.

И им стал Липницкий, сидевший в аудитории на соседнем от блондина ряду. Он выглядел взволнованным, не участвовал в дискуссиях, пропускал мимо ушей вопросы друзей, нетерпеливо постукивал пальцами по парте, и постоянно крутил в руках телефон, то и дело набирая смс и время от времени пытаясь кому-то дозвониться. Безуспешно, конечно же. Но попыток он не оставлял, за что под конец семинара схлопотал «пару», а потом и еще одну — за неподготовленность.

Игоря данный факт не особо расстроил. Тихо ругнувшись, он занял свое место с хмурым, на удивление Исаевым, который, к слову, выглядел не очень-то прилично. Мрачновато даже как-то. А еще, к немалой иронии Полонского, он крайне часто чихал и подносил платок к носу.

Похоже, что герой нашел свою награду.

Едва раздался звонок, возвещающий об окончании последнего на сегодня семинара, как Липницкий сорвался с места, сжав мобильник в руке. Демьян недовольно хмыкнул, но торопливо последовал за ним, а Богдан же, усмехнувшись, наоборот, без спешки собрал свои вещи. Если он правильно рассчитал их дальнейшее поведение, то ему совершенно не было куда торопиться.

И действительно, не успел он дойти до парковки, как обнаружил чудную картину — Игорь, никогда не отличавшийся развязным поведением, просто-таки вопиющим образом приставал к девушке. И к какой девушке! Не просто старой знакомой или старой подружке, а к племяннице самого ректора.

— Лель, ну подожди же ты! — почти взмолился Липницкий, догнав миниатюрную блондинку и хватая ее за плечо. Но только лишь одного взгляда девушки хватило, чтобы Игорь отступил, торопливо пряча руки за спину, но не отрывая от нее настойчивого взгляда, — Прости, я не хотел.

— Что тебе нужно? — дернув хрупким плечиком, словно пытаясь стряхнуть с него даже воспоминания о неприятном ей прикосновении, недобро спросила блондинка, не глядя в сторону блондина и стоящего за его спиной Исаева.

— Анька где? — сжав зубы, явно пытаясь скрыть реакцию на ее поступок, практически процедил Липницкий, но, заметив очередной неласковый взгляд, вздохнул и поспешил исправиться, — Прости, не хотел на тебя давить. Ты не знаешь, где рыжее чудище? Знаю, что после работы ей звонить бесполезно, она до вечера спит, как сурок. Но ночью-то она всегда в интернет выходит! А сейчас от нее со вчерашнего дня нет ни ответа, ни привета, мобильник не берет...

— Так ты не слышал? — несколько удивленно ответила Алена, немного помолчав, рассматривая при этом Липницкого задумчивым взглядом, словно размышляя, ставить его в известность или нет.

— О чем? — мгновенно похолодел Игорь, сжимая ладонями лямки рюкзака. Взгляд его из растерянного стал настороженным, — Что ты хочешь сказать?

— Какая страсть, какая экспрессия, — не удержался Богдан от сухих аплодисментов, подходя ближе, — Кого-то потеряли, господин Липницкий?

— Ты-то что тут делаешь? — резко обернулся к нему Игорек, зло сузив глаза, — Грей уши в другом месте!

За его спиной, прижимая мобильник к уху, открывал дверцу своего кроссовера Демьян Исаев. И он бы непременно вставил пару ласковых слов, желая дополнить полную негодования речь друга, да только собеседник на другом конце провода отчаянно требовал к себе внимания. Поморщившись, Исаев вынужден был отойти подальше.

Богдан, скрыв усмешку, так и норовившую заползти на лицо, невозмутимо пожал плечами и щелкнул брелком сигнализации. Стоящий рядом серебристый джип приветственно минул фарами.

— Садись и проваливай, — поморщился Липницкий не имеющий никакого желания вступать в конфронтацию именно сейчас. Нервным жестом, поправив лямки рюкзака на плечах, парень снова обернулся к Алене, попутно пытаясь стереть хмурое выражение. Судя по скептическому выражению лица блондинки, ему сей маневр дался не в полной мере.

Получив наивысшее благословение, Богдан забросил в салон вещи и, опираясь на полированный бок своего авто, закурил, рассеяно проведя свободной рукой по волосам, не обратив должного внимания на командный тон. Больше всего ему хотелось бросить все дела, срочные и не очень, уехать домой и банально отоспаться. Но если некоторые рабочие моменты вполне могли подождать, то чутье упорно твердило совершенно о другом пункте назначения.

Разумом Полонский понимал, что у рыжей ему больше делать нечего, но внутренний голос шептал о необходимости заехать к ней и проверить самочувствие. Что-то упорно тянуло его в уютный жилищный комплекс с проживающей в нем ходячей неприятностью.

В поле его зрения внезапно попала одна вещь, разом разрешившая все сомнения. По губам платинового блондина скользнула легкая усмешка. Убедившись в безопасности своих действий, то есть в отсутствии любопытных глаз, Богдан наклонился и подхватил знакомую серую толстовку, лежащую на переднем сидении вишневого внедорожника, принадлежащего Демьяну Исаеву.

Его ладонь машинально нащупала твердый прямоугольник в одном из карманов, по всей видимости тот самый мобильник, забытый Солнцевой в медпункте. Любопытно, как он очутился именно в этом авто?

Решив оставить все вопросы на потом, парень завел свою машину и скрылся с территории универа, прокладывая путь уже по знакомой дороге. Пропажу столь ценной вещи Демьян, конечно, обнаружил, но намного позже, когда закончил телефонные разговоры. Конечно же, он сразу догадался, чьих это рук дело... Но только не мог никак взять в толк, какая в этом выгода Полонскому?

Сам же Богдан, остановившись неподалеку от нужного адресата, откинулся на спинку сидения, барабанил пальцами по рулю, внимательно просматривая на дорогу. Предчувствие его не обмануло — и пяти минут не прошло, как по асфальту пролетела знакомая белая спортивная иномарка. Припарковав машину у шлагбаума, Игорь Липницкий скрылся в доме Солнцевой, а Богдан же, заглушив двигатель, достал из кармана мобильник в ярко-белом корпусе. Увидев запрос пароля, парень усмехнулся и, подкурив очередную сигарету, достал с заднего сидения сумку с ноутбуком.

Взломать защиту за те полчаса, что Игорь находился в квартире девушки, Полонский не

успел, но их вполне хватило на копирование всех системных файлов. Увы и ах, недорогие смартфоны хорошей защитой информации никогда не обладали.

Увидев, как отъехала машина Липницкого, Богдан отложил ноутбук и, прихватив толстовку, телефон и ключи, спокойно направился в сторону приметной пятиэтажки под зеленой черепицей. Угрызения совести за вторжение в личное пространство его не мучили от слова совсем.

Поднявшись на последний этаж, парень отпер дверь заимствованными утром ключами и даже не удивился, войдя в темную прихожую. Сидевшая возле стенки девушка здорово походила на приведение.

— Совсем плохо? — невозмутимо поинтересовался Полонский, пристраивая кофту на вешалке и освобождаясь от ботинок. Рыжая, не заметившая его вторжения, вздрогнула и отняла руку от лица. Узнав очередного неожиданного посетителя, она выдавила из себя слабое подобие улыбки и даже с трудом встала, опираясь на стенку:

— У меня сегодня день открытых дверей?

— Что-то вроде того, — хмыкнул парень. Заметив лихорадочно блестящие глаза Солнцевой и нездоровый румянец, он оперся плечом на стенку, складывая руки на груди, насмешливо замечая, — Больные девушки — мой личный фетиш, если ты не забыла.

— Я уже говорила, что ты извращенец? — тихо фыркнула Анна, пытаясь встать ровно. Но ее ладонь соскользнула с гладких обоев и девушка, пошатнувшись, едва не сползла на пол.

— Как я понимаю, скорая помощь в лице Липницкого тебя не устроила? — проигнорировав справедливое, в общем-то обвинение, иронично вскинул брови Богдан, легко подхватив девушку на руки.

— Ты привычнее, — тихо и виновато шмыгнули носом ему в ответ.

Полонский даже сразу не нашелся, как сие действие прокомментировать. Промолчав, он покачал головой и понес пылающую жаром, и отнюдь не в романтическом смысле, Аню в спальню. Долгая процедура лечения им обоим была действительно знакома.

Не зря внутренний голос ему шептал, что с ней не все в порядке, ох, как не зря. Своей интуиции Полонский привык доверять и она его еще ни разу не подводила.

— Итак, тост! — радостно объявило мое наконец-то переставшее гнусавить величество, поднимая стакан с вишневым соком. Не вино, конечно, но на безрыбье и речной рак за камчатского краба сойдет. — За то, что я все-таки не сдохла! Ауч...

— И когда ты научишься выражаться, как человек? — тихо вздохнула отвесившая мне привычный подзатыльник Аленка. Но все-таки свой стакан подняла и легонько дзынькнула им об мою тару, — И все-таки поддерживаю. За твое выздоровление.

Молча выпили. Переглянулись, улыбнулись и принялись за нехитрую закуску... в смысле, стали с азартом колупать ложечками кремовые бока разномастных пирожных. Что поделать — в университетском кафетерии ничем таким особым не разживешься, а отметить мое благополучное выздоровление все-таки хотелось. Полторы недели провести в кровати, тоннами глотая антибиотики и прочую невкусную гадость — это ж какие нервы надо иметь?

Слава мне, однозначно!

— Ань, — сквозь мерный гул тихо позвала Аленка, отвлекая меня от облизывания крохотной ложечки. — Прости, что не приехала.

— Та лан, — махнула рукой, азартно выбирая следующую жертву дегустации, — Не бери в голову. Не без мозгов же, понимаю, чем все могло для тебя обернуться.

Лёля только вздохнула, по всей видимости чувствуя себя виноватой, а я вовремя прикусила не в меру длинный язык. Подруге явно лучше не знать, что и без ее вмешательства мне обеспечили хороший уход. И присмотр. И лечение. И даже чтение нотаций, щедро разбавленное энным количеством колких замечаний

Правда, последние произносились сугубо по делу.

Богдан, конечно, зверь странный и неопознанный, со своей извращенной логикой, но если он брался за что-то, то доводил начатое до конца. На себе убедилась — блондин, так и не объяснивший причину своего благородного порыва, пока не удовлетворился общим состоянием моего здоровья, частые визиты в мои скромные пенаты так и не прекратил.

Только вот Аленке, чует мое сердечко, знать о столь необычном докторе совсем необязательно. У нее, кстати, сей внутренний орган послабее моего будет. Девушке не повезло родиться альбиносом, увы.

Светлая кожа, белые волосы, былые ресницы, светлые бровки, очень светлые голубые глаза... и никакую иммунная система. Это я больше недели провалялась, мотая сопли на кулак, Аленку же столь нетривиальный вирус выбил бы из строя месяцев так на несколько. И благо, если бы без осложнений обошлось.

— На работе проблем не было? — поинтересовалась Лёлик, осматривая обеденный зал кафетерия, битком забитый вечно голодающими студиями.

— Как сказа-а-ать... — протянула я и, не удержавшись, хрюкнула. Заметив удивленный взгляд подруги, качнула головой, — Не обращай внимания. Так, любимое начальство вспомнила.

Аленка пожала плечами, принимаясь за воздушный эклер, а я торопливо спрятала шальную улыбку за стаканом с соком. Вот ей-богу, знала бы девушка, что под началом я имела ввиду одного конкретного блондина, она меня прямо здесь и прибила... ну, скажем, утопив в ближайшей тарелке с супом кого-нибудь из сокурсников.

А если серьезно, ну не приучены мы, рабочий класс, проводить время в праздности и

лени, а уж всякие там болячки и вовсе причиной прогула никогда не являлись. Вот и я, как только спала температура, попыталась наострить лыжи по протоптанному маршруту, дабы наполнить на трудовом поле кошелек, имеющий гадкую привычку пустеть не вовремя. Утром встала (кое-как, но это не суть!), собралась, оделась. Даже из квартиры вышла!

И качественно так прифигела, узрев на лестничной площадке невозмутимо подпирающего стену Полонского. Как он предугадал мои маневры, до сих пор понять не могу.

Но так стыдно мне еще никогда не было...

А ведь он даже не ругался!

Сей воспитатель расчудесный просто отнял у меня рюкзак, ключи и мобильник. Последний сунул себе в карман, а остальные вещи аккуратно разместил на тумбочке к прихожей. Затем закрыл дверь изнутри, разулся, повесил куртку на вешалку. И все это молча, неспешно, неторопливо. Угрожающе даже как-то. Честное пионерское, я даже шажочек назад сделала, нервно сглотнув и пытаюсь слиться со стеночкой. А Полонский...

Этот гад просто закинул меня на плечо, отнес в спальню, да там и запер!

А потом еще по телефону с моим непосредственным начальством изъяснялся, сухим, деловым, официальным тоном. Таким, что у родненького директора потом по данному вопросу ни единого вопроса не возникло! И больничный лист мне охотно оплатили, кстати.

Талант, мать его, предмет не пропиваемый.

После тех событий, кстати, можно сказать, что Богдан ко мне переехал. Ей-богу, блондина я видела за те дни чаще, чем собственное отражение в зеркале. Уж не знаю, чем руководствовался господин Полонский, но исправно поил меня гадкими лекарствами, заставлял есть противный куриный бульон, пересекал любые мои попытки выйти на балкон и забирал пульт от телевизора, вынуждая меня от безысходности лечь спать.

Перекур мне разрешили только раз, после окончательного падения температуры. И моя хрупкая, ранимая психика теперь никогда не забудет милейшую картинку. Я, вся такая лохматая и бледная, закутанная в одеяло по самые ушки, с сигаретой в зубах, и невозмутимый блондин в тапочках-зайчиках, спортивных бриджах и толстовке с закатанными рукавами. В шесть утра. На балконе. В сентябре!

Особо ранним соседям сей шедевр точно снится будет.

— Ань, слушай, а... — собиралась было поинтересоваться подруга, но как-то резко замолчала, оборвав себя на полуслове. Даже напряглась как-то вся, глядя в сторону открытой двери. Я, наслаждавшаяся мягчайшим слоеным наполеоном, не сразу обратила внимания на ее странную реакцию, а когда сориентировалась, на соседний со мной стул уже уселся неожиданный гость. Вообще никак, блин, не ожидаемый!

— Ну, здравствуй, — насмешливо поздоровался... Демьян Исаев собственной персоной.

— И тебе не хворать, — хмыкнула, машинально отодвигаясь назад вместе со стулом. Сердце испуганно ухнуло где-то в груди и трусливо свалилось в пятки, оставив меня горемычную наедине с жестокой реальностью. Каюсь, со всей этой кутерьмой я как-то подзабыла об успешно приобретенном накануне кровном враге, а вот нехристь, как оказалось, злопамятностью все-таки отличалась.

Я успела только встать и развернуться. На этом мои поползновения благополучно закончились, ибо передо мной возвышалась гора...

Внушительный рост, широченные плечи и литые мышцы Вадима Хотарского были приобретены отнюдь не в результате злоупотребления бабушкиными плюшками. Не, может

гены дальних родственников где-то и примелькались, проявив себя во всей красе полных губ, ярко-синих глаз и слегка черных вьющихся волос, но аппетитная во всех смыслах фигура являлась исключительно заслугой самого Вадима, любящего тесное общение с железом в тренажерном зале. Женская половина универа честно пускала слюни, едва красавец-четверокурсник с юрфака появлялся на горизонте, а вот я, как правило, спешила прикинуться какой-нибудь не шибко отсвечивающей деталью интерьера.

Хотарского никогда не волновало установленное в рамках нашего гадюшника разделение на классы. Эта деточка если находила себе новую жертву, то усё, дамы и господа, пиши пропало. Барин крепостную захотел и всё тут!

Как я ему под руку подвернулась, до сих пор ума не приложу. Весь первый курс я честно от него бегала по всему студенческому городку, а он, скотина такая, грязно зажимал меня по углам. И ведь количество свидетелей его нифига так не смущало! Подкараулить, прижать к стенке, облапать, и, не смотря на сопротивление, поцеловать бледнеющую от испуга жертву предынфарктного состояния ему как два пальца об асфальт.

А мне потом полдня рот дезинфицируй!

Нервно сглотив при виде многозначительной улыбке Вадима, я развернулась на пятках и покорно плюхнулась обратно на стул, скромно пристраивая на коленях рюкзак. Замечая, как занятый нами столик постепенно заполняется четверокурсниками, а в кафетерии наоборот, становится очень тихо, я подперла щеку кулаком и уныло поинтересовалась:

— Ну, и чего нам надо?..

Вадим Хуторский, Демьян Исаев, Леонид Зараев, Максим Катц, Владислав Киреев, Олег Галатин...

Чет мне кажется, что сия звездная компашка к нам подседа отнюдь не плюшками баловаться! А судя по хмурому лицу Игорька, вставшего позади испуганной Аленки, мне тут не поздравления по поводу быстрого выздоровления решили преподнести! Скорее уж соболезнование по поводу мое безвременной и скорой кончины.

Очень скорой.

— Неужели не рада? — иронично вскинул Исаев, вольготно откинувшись на высокую полукруглую спинку стула. Судя по всему, нехристь пребывала в исключительном расположении духа, сулившем неприятности исключительно моей скромной персоне.

— Ща окочурюсь от восторга, — подтвердила, глядя на его руки, лежащие на краю стола. Пальцами шатен покручивал блюдце с кремовым десертом, не сводя с меня насмешливого взгляда, вызывая толпу мурашек, отбивающих чечетку в ритме похоронного марша на позвоночнике, — Заметно?

— Я смотрю, вместе со здоровьем к тебе вернулась способность язвить, — усмехнулся Исаев, кивая кому-то за моей спиной. Хотя почему кому-то? На мои плечи моментально пустились тяжелые ладони Хуторского, надежно пригвоздив к мягкому сиденью. — Но не инстинкт самосохранения.

Лелик протестующе дернулась, но ее придержал Липницкий, наклонившись и что-то шепнув ей на ухо. Не знаю, что там вешал эльфенок, но Аленка замерла, переводя хмурый взгляд с него на меня, и вконец оборзевшую нехристь.

— Подозрительная забота о моем здоровье, — покосилась на шатена, едва не передернувшись от отвращения, когда пальцы Вадима заправили мне прядь волос за ухо.

— Видишь ли, оторва моя рыжая, — макнув палец в пирожное, Демьян насмешливо протянул, разглядывая белоснежный крем на своей конечности, — Так получилось, что твое

здоровье оказалось тесно связано с моим.

— Чего? — вылупилась я на бредившую нехристь, как похмельный ученый на внезапно заработавший сам по себе андронный коллайдер.

— Того! — передразнил Исаев и его палец с частью моего десерта застыл в опасной близости от моего же лиц. — Помнится, кто-то недавно решил начхать на меня в прямом смысле этого слова.

— Это не я, — тихо пискнула, машинально пытаюсь встать, но ладони Хуторского сильнее вжали меня в стул.

— Это я уже слышал, — откровенно усмехнулся шатен и, протянув руку, медленно провел пальцем по моему носу, размазывая по нему белоснежный крем с запахом абрикоса, — Не убедительно.

В столовой воцарилась тишина...

Честное слово, попробует заржать хоть кто-нибудь, прибью к чертовой бабушке!!

— Видишь ли, оторва моя ненаглядная, — с наигранной грустью Исаев продолжил ковырять пирожное, — У меня хороший иммунитет. Но на получение соплей от какой-то бюджетницы он явно не рассчитан.

И вторая порция жирного крема расчерчивает дорожку на моей щеке под тихие, но отчетливые смешки из дальних углов кафетерия. Я дернулась. В ключицы тут же впились пальцы Вадима, предупреждая, что рыпаться не стоит.

Шипеть от ярости получилось только мысленно. А нехристь тем временем, кажется вошла в раж, не глядя на меня, увлеченно колупая пальцем несчастную пироженку:

— Видишь ли, я ненавижу болеть.

Я упрямо сжала зубы. Мой излишне болтливый язык никогда меня до добра не доводил, а сейчас не самое удачное время дать ему волю. Ляпну гадость, сделаю только хуже. И так вляпалась... и уже в самом что ни на есть прямом смысле!

Исаев оставляет отметину на моей второй щеке, и смешки становятся уже куда громче. А я чувствую, как меня начинает потихоньку потряхивать.

— И, благодаря тебе, мне пришлось испытать все неприятные симптомы, — откровенно издеваясь, нехристь подцепил остатки крема и неспешно перечислил, рисуя волнистую линию на моем лбу, — Кашель, больное горло, температура...

Смешки переросли в откровенный хохот, в зале стал нарастать гул, а я с силой стиснула несчастный рюкзак. Больше года я успешно отбивалась от нападков местных пираний. Больше года успешно уходила от местами заслуженной расплаты. Долгое время я безнаказанно доводила окружающих до нервного тика. И только этой фигне в брендовых кедах благополучно удалось меня не только поймать, но еще и прилюдно унизить!

— И что ты хочешь от меня услышать? — огрызнулась, передергивая плечами. Стоящей за моей спиной Вадим хмыкнул, но узрев кивок своего шефа, изволил- таки меня отпустить. Вытянув ноги под столом, Исаев с презрительной улыбкой оглядел творение рук своих и выдал, якобы задумчиво:

— Извинения?

— Да пошел ты! — не выдержав, я резко поднялась и, отпихнув Хуторского, поспешила на выход под громовой хохот окружающих, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Лицо пылало от стыда, глаза жгли слезы, а в душе клокотала ярость пополам с обидой и унижением.

Ну Исаев, ну и...

— Сука! — с силой треснула кулаком о стену, глядя на красные щеки собственного отражения в огромном зеркале. Отмыв кое-как лицо от останков десерта теплой, а затем умывшись ледяной водой, пытаюсь хоть как-то прийти в себя, я не знала, чего сейчас хотелось: разбить чертову стекляшку или расколотить об голову нехристи одну из расписных глиняных чаш, служивших в туалетной комнате раковинами!

— Пид***с!

— Некультурно, — неожиданный послышался насмешливый комментарий позади меня, — Но емко.

— Это женский туалет, — попыталась огрызнуться, но разглядев в отражении привалившего спиной к закрытой двери Богдана, резко выдохнула. Достав из кармана камуфляжных штанов резинку, стянула влажные волосы в небрежный пучок, снова потянулась к крану с холодной водой, — Извини. Ты слегка не вовремя.

— Это я заметил, — ровно отозвался блондин, наблюдая, как я пытаюсь остудить пылающее лицо.

— Ты все видел, — уловив слишком ясный намек, я тихо хмыкнула, упираясь ладонями в кованную ажурную подставку, на которой стояли раковины, — Занятное зрелище?

— Не соглашусь, — невозмутимо пожал плечами Полонский и оттолкнулся от двери. Выдернув мимоходом из хромированного аппарата парочку бумажных полотенец, парень остановился возле меня.

— Извини, — я тихо выдохнула, забирая протянутые мне средства гигиены, — Ты опять появился как нельзя вовремя.

— Собиралась реветь? — губы блондина дрогнули в едва заметной, понимающей улыбке.

— Не без этого, — тихо хмыкнула, вытирая лицо. Выбросив в узкую урну ставшие ненужными бумажки, я привычно подцепила лямки рюкзака и, развернувшись, прислонилась пятой точкой к подставке, — Я же говорю: ты вовремя.

— Опять запишешь меня в извращенцы? — с легкой насмешкой поинтересовался Богдан, пристраиваясь рядом, копируя мою же позу. Я уже заметила, что когда становлюсь невыносимой язвой, парень наоборот, очень уж немногословен и непробиваемо невозмутим. По-моему, он единственный, кого мой нескончаемый запас язвительных замечаний вообще никак не трогал.

— То есть ты подглядываешь не только за больными, но и за девушками, попавшими в беду? Фиговый из тебя рыцарь на белом коне.

— Запру, — с абсолютной серьезностью пообещал блондин, но улыбка и прыгающие в ясных голубых глазах чертики выдали его сразу же.

— Только не в туалете! — поспешила я откреститься от сомнительной участи. Машинально глядев черный кафель на стенах и кремовый на полу и потолке, протянула, — Я люблю необычные дизайнерские решения, но любоваться ими часами как-то не готова.

— Могу предоставить широкий выбор помещений, от классики до модерна, — щедро предложил Богдан, уже откровенно улыбаясь.

— Вы опасный человек, мсье Полонский, — с восхищением протянула я и цокнула языком, — Даже не знаю, радоваться мне или бояться.

— По крайней мере, краснеть как пятиклассница на первом свидании ты перестала, — заметил блондин.

— Спасибо, — тихо вздохнув, я склонила голову на бок, пристроив ее на предплечье

парня, и заметила, — Смотри, спасти меня скоро войдет в привычку.

— После того, что было между нами у тебя дома, я вообще по всем канонам должен давно на тебе жениться, — подколот меня приятель. Именно приятель — после его стараний выхаживать мою болезненную тушку, называть Полонского просто знакомым у меня язык не поворачивался.

— Ты все никак пижаму мою забыть не можешь? — тихо прыснула, вспоминая многозначительный взгляд блондина, проснувшегося поутру и обнаружившего за своей спиной сладко посапывающую меня. Ночью мне стало жарко и плед ушел на пол. Весьма предсказуемо замерзнув в скором времени в очень коротких шортах и тонкой маечке, я машинально подкатилась под бок задремавшего под утра Богдана. Никто из нас тогда ничего не заметил, а вот когда проснулись...

С тех пор парень спал исключительно на диване в зале, а моя недоверчивость к нему пропала совсем. За полторы недели непрекращающейся заботы, ухода и реального беспокойства о моем самочувствии — какие к лесным ежикам сомнения? И пускай мотивы данной личности мне до сих пор не совсем ясны, доверие к нему возникло как-то само собой.

— А, так это была пижама? — якобы удивленно протянул блондин с таким выражением лица, что я не выдержала и рассмеялась.

— Так, не позорь мою девичью честь, она мне еще пригодится! — но тут же оборвав смех, невольно поморщилась, — Мне на ближайшее время итак позора хватит.

— Отвезти тебя домой? — тут же предложил Полонский. Тактичный он, зараза.

— Не, — отказалась я, расплываясь в многозначительной, коварной улыбке, — Есть предложения получше!

Кажется, одна из моих одногруппниц предпочитала на обед исключительно сливочный крем-суп с морепродуктами...

— Ань, когда ты так улыбаешься, мне становится страшно, — с усмешкой заметил Богдан.

— Бойся меня, — согласно кивнула, подходя к двери, — Ибо я сама себя боюсь!

Даже не доходя до кафетерия, я услышала доносившийся оттуда радостный гогот и бурное обсуждение произошедшего, включая красочные описания выражения лица меня любимой. Хмыкнув, я осторожно выглянула из-за распахнутых дверей и, убедившись, что Отольская сидела на прежнем месте, аккуратно возле памятного столика, резко выдохнула. Встала на цыпочки, встряхнула кистями руку, мотнула головой... и вошла уже абсолютно не скрываясь.

По мере моего приближения, студенты замолкали один за одним, но комментировать мое внезапное появление не стали, то ли от удивления, то ли от восхищения моей наглостью. Как бы то ни было, свой план я успела провернуть до того, как кто-нибудь из золотой молодежи решил съязвить, а гоп-компания за «моим» столиком узрела меня во всей красе.

Мимоходом подцепив со стола одногруппников традиционную тарелку для горячих блюд, плоскую по краям, глубокую в центре, я сделала последние три шага. Сидевшая на прежнем месте Аленка, как и стоящий за ее спиной Эльфенок мое приближение видели, но говорить ничего не стали, наоборот, от их взглядов уверенности в своем решении только прибавилось!

И я, в полнейшей тишине, под десятки взглядов ошарашенных сокурсников... медленно и с наслаждением вылила на голову радостного Исаева целую тарелку супа.

Хохот оборвался тут же! Стало тихо-тихо, прям как в могиле. С оглушительно громким звоном на пол упала чья-то вилка, а я, положив ладони на относительно чистые участки плеч шатена, наклонилась и громко шепнула ему на ухо:

— А я ведь предупреждала, нехристь. Не тебе одному меня манерам учить!

И сочувственно хлопнув по чистому предплечью, невозмутимо улыбаясь, гордо прошествовала на выход, пока достопочтимая публика не соизволила очнуться от состояния искреннего охренения. Толком смыться, правда, не успела — я только за дверь нос сунула, как Хотарский резко сорвался со своего места. Но, увы, парень сразу же споткнулся о вытянутую ногу Липницкого. Весь вид последнего просто-таки кричал о полнейшей случайности произошедшего. Следующим рванул за мной Зараев, но и тот добежать успел только до порога, где на полном ходу столкнулся с Полонским, а точнее его выставленным локтем, угодившим в грудь. Совершенно случайно! Богдан просто сумку на плече поправлял. Кн+иг+ол+юб.+нет+

От нервного хрюканья чуть не сбилась дыхание. Пришлось заставить себя заткнуться и уже куда интенсивнее драпать вниз по лестнице, на ходу доставая из кармана ключи от машины.

Я мстя, летящая на крыльях ночи... Бугагагагашеньки!

— Солнцева! — резкий окрик, настигший меня в холле, был подобен грому, раздавшемуся над моей буйной головушкой. И услышав оный, я резко застопорилась, едва не вписавшись в дверной косяк. Остановилась, зажмурила глаза, задержала дыхание и медленно, очень медленно повернулась, тихо лепеча.

— Привет, Лена, — заикание удалось сдержать с трудом, глядя на приближающуюся с неумолимой решительностью и всей мощью ледокола «Арктика» старосту всея универа.

В ответ меня припечатали. Непечатно!

Сверху раздалось гроханье тяжелых ботинок, и в холл с лестницы спрыгнул Влад Киреев с громким криком:

— Стой!

— Свалил отсюда! — не оборачиваясь, рыкнула Краснова, вставая напротив меня и складывая наманикюренные ручки под пышным бюстом, обтянутым короткой голубой водолазкой.

Владика обратно как-то сразу снесло... Звуковой волной, что ли?

— Эм... — промычала, вцепившись в спасительные лямки рюкзака, машинально втягивая голову в плечи, пытаюсь припомнить, а где я, собственно, нагрешить-то успела? А главное когда.

— Очухалась? — окинув меня взглядом с ног до головы, неожиданно мирно поинтересовалась Краснова и, дождавшись моего испуганно кивка, неожиданно рывкнула так, что я присела. — В деканат, живо!!

Меня сдуло. Быстро так. Качественно. Четверокурсников в лице Максимки Катца и Олега Гараева, пытающих выглянуть из-за угла — тоже.

Остановилась я только возле корпуса администрации, куда, собственно, меня отправили. Оглядела трехэтажную махину во всем своем великолепии серых колонн и флагом Российской Федерации, почесала в затылке... плюнула и свернула в курилку.

Одуревший от забега и выброса адреналина организм срочно требовал ударную дозу никотинчика. Спротивляться я не стала, покорно плюхнувшись на лавочку в еловых зарослях. И уже там, раскурив полюбившуюся за время болезни сигарету с ментолом, решила

задуматься о всех грехах своих насущных. А конкретнее о том, как теперь моя невыносимая дерзость будет улепетывать от нехристи и его звездану... звездной, конечно же, компании.

— Сидишь, да? — раздалось грозное над ухом. Клянусь, я никогда не знала, что в сидячем положении можно подпрыгнуть! — Да не рефлексуй, я уже в порядке.

— Лен, смена твоих настроений меня пугает, — невольно покосилась я на невозмутимую брюнетку, изображающую подкравшегося незаметно маленького беленького пушистого зверька. И речь идет отнюдь не о котятках!

— Бывает, — пожалала та точеными плечиками, усаживаясь на край лавочки и раскуривая тоненькую, но дико вонючую сигарету. Я внезапно заностальгировала по родимому насморку.

— Так это, — неуверенно помялась, глядя на умиротворенную старосту. — На кой мне в деканат-то?

— Возьмешь приказ и разрешение ректора, бланк-заявку, получишь деньги в бухгалтерии и поедешь в клуб, — огорошили меня ответом.

— Гулянка за счет заведения? — мои брови уверенно пошуршали вверх по лбу. — За что ж такая благодать?

— Посвящение в студенты, бестолочь, — Лена возвела глаза к безоблачному небу, — Мы уже все запланировали и распределили. С тебя арендовать клуб.

— А сама чего? — осторожно поинтересовалась, вполне обоснованно нарываясь схлопотать в лоб за излишнее любопытство.

— «Максимус», — как-то зло усмехнулась Краснова, выпуская струйку дыма.

— А-а-а, — многозначительно протянула, сообразив, откуда ветер дует и почему сию почетную обязанность свалили именно на меня. Обычно я старалась обходить бочком подобные сборища, но староста старост всегда втягивала меня в столь сомнительные авантюры. Правда, мы соблюдали честный бартер: всякую ересь по подготовке они берут на себя, а на мои плечи ложиться такая серьезная ответственность, как договор аренды с директором одного конкретного клуба. Ну вот не ладили они с Ленкой почему-то!

А я, как говорится, чё? А я ничё! Другие вон чё! А мне любимому соседке позвонить не сложно.

Вынув мобилку из кармана, набрала знакомый номер, и пока шли гудки, успела три раза состариться. И только после повторного набора трубку, наконец, взяли.

— Михась, привет!

— А? — послышался сонный хриплый голос. А потом мрачный вопрос. — Аньк, ты чего?

— Михась, спасай, ты мне капец, как нужен! — ласково проворковала, косясь на Краснову, которая внимательно прислушивалась к разговору, но была как бы совсем не при делах. В динамике неожиданно послышался звонок, затем шум, грохот и уже невероятно серьезно спросили:

— Ты где?

— Э-э-э. В универе. Ты...

На том конце провода послышались короткие гудки, а потом мне доложили механическим женским голосом, что разговаривать со мной больше не хотят.

— Абонент не абонент. Странно, — задумчиво протянула ничего не понимающая я. Пожав плечами, поправила рюкзак и поднялась со скамейки. — Потом дозвонюсь. Ну или по приезду домой загляну на огонек и попинаю его вечно спящую моську. Я пойду?

— Иди, — махнула на меня рукой Краснова, продолжая думать о чем-то своем. А я же, последний раз грустно осмотрев убежище административного аппарата нашего ВУЗа, печально потопала в мир вечных проволочек, бумажной волокиты и бюрократии.

Выплыла оттуда быстро, надежно спрятав нужные бумажки вместе с энной суммой денег в недрах рюкзака и матами отпугнув неуверенно мнующихся на крыльце первокурсников. Вот гений наш ректор, не дать ни взять! Безналом обойтись не судьба? Я как с собой эту пачку купюр таскать должна, я же инкассатором на полставки не подрабатываю! Тем более, покушаются тут на меня всякие, голову бы свою непутевую уберечь, не то, что бюджетные средства, пожертвованные на гулянку бедных студюзов...

Быстро сва-а-а... тактично отступить мне не дали. Едва я добралась до парковки и припрятала в машине под сидением родной рюкзак, как на месте «преступления» меня застигнул преподаватель. Сам только явился, но туда же «Как вам не стыдно, Солнцева, прогуливать не хорошо, Солнцева, пойдемте в аудиторию, Солнцева»!

Пришлось с самым мрачным видом топать следом за Геннадием Викторовичем. Однако преподаватель по статистике невероятно быстро перешел из разряда особо нудных в почетный ранг нежно любимых.

У входа в корпус меня ждали. Хотарский и Зараев собственными незаменимым персонами. А обрадовались-то как, обрадовались...

И тут же огорчились, когда я, соорудив самую невинную мордашку из всех возможных, нагло прикрылась преподавателем. Даже язык мимоходом показала, радуясь, что не сама нехристь на охоту вышла. Его-то рядовой препод вряд ли бы остановил! А эти два лба на замену, меня, конечно, нервировали, но шанс добраться сегодня до дому живой и со всеми конечностями оставляли. Хотя, Зараев, как капитан секции легкой атлетики бегают быстро, особо расслабляться не стоит.

Всю пару я сидела, как на иголках, почти не вникая в суть лекции, активно переписываясь с Леликом по средствам выданного мне листочка и ручки. Моя канцелярия-то в машине осталась.

С одной стороны драпать легче будет, но с другой... Ситуёвина выходила неутешительной. И потому, так и не придумав ничего путного, едва прозвенел звонок, я неохотно поднялась. Но аудиторию покинула самой последней, настороженно косясь по сторонам. Однако меня никто не ждал ни у дверей, ни в коридоре, ни на опустевшей лестнице. И эта тишина вкупе со спокойствием нервировала еще больше. Переглянувшись с подругой, мы преодолели последний лестничный пролет...

И я тут же оказалась вжата в стенку.

Аленка возмущенно вскрикнула, но мигом оказавшийся позади нее Зараев сжал согнутым локтем ее шею, а свободной рукой закрыл рот ладонью, погано так усмехаясь. Мне же быстро скрутили за спиной руки и невежливо ткнули носом в свежую штукатурку. Я поморщилась. Не от боли, держали меня крепко, но аккуратно.

От запаха одеколона — приторно-сладкий парфюм Хотарского узнаю из тысячи!

— Допрыгалась, рыжая? — послышался смешок над ухом и с моих волос не очень-то вежливо сдернули резинку. Я зашипела от боли и машинально дернулась, когда лапища Вадима скользнула под майку на моем животе. Дергалась, конечно, зря, руки еще сильнее выкрутили. Еще и волосы на кулак намотали, заставляя запрокинуть голову. Громкий шепот обжег ухо, — Отдать тебя или себе оставить, как думаешь?

— В Африку пойти, — машинально огрызнулась, заметив краев глаза испуганный

донельзя взгляд Аленки Впрочем, он почти сразу же сменился на удивленный, а затем в них промелькнуло что-то похожее на... облегчение?

Причина стала ясна, когда на пятак за лестницей материализовалась долговязая фигура Липницкого. Я прекрасно знала, что в наши контры с нехристью Эльфенок встречать собирался лишь в самом крайнем случае. Он не хотел становиться между двух друзей, оставляя нам право разбираться самим, о чем и нашептал на ушко Лелику еще в столовой. И я его понимала.

Как понимала, что за своего ненаглядного Енотика он сейчас Зараева просто на ленточки порвет.

— Отпустил, — холодно, даже как-то равнодушно бросил Игорь, останавливаясь аккуратно напротив сокурсника. Тот ответил удивленным взглядом, но предупреждению внял, и через секунду перепуганная Аленка находилась уже в его руках. И ведь сама спасителю на грудь бросилась, поганка эдакая!

— Ты тоже девушку отпусти, Вадим, — послышалось такое знакомое ленивое где-то позади меня, с толикой насмешки. Все внутренние органы сразу как-то заныли, предчувствуя будущие неприятности.

Усмехнувшись, четверокурсник напоследок больно сжал мою грудь, но все-таки отпустил. Передернув плечами, я повернулась, сжимая зубы и, естественно, тут же узрела нехристь во всей его дьявольской красе. Я не заметила, как машинально потерла грудь рукой, поморщившись, а Исаев неожиданно произнес, не отрывая от меня внимательного взгляда:

— Вадим.

Парень остановился возле нехристи, возвышаясь над ним почти на голову. Однако Исаеву разница в габаритах не помешала отвести от меня какой-то странный взгляд, мельком посмотреть в лицо ожидающему Вадику... и с силой врезать ему кулаком в живот.

Хотарский согнулся пополам!

— За что, понял? — вскинул брови Демьян, равнодушно глядя, как гора мышц пытается откашляться. Я в это время пыталась подобрать челюсть, Зараев тихо отступил на лестницу, а Аленка машинально вжалась спиной в Липницкого. Эмоции на лице Эльфенка вообще никак расшифровке не предавались, но блондинку он приобнял. Вот честно, не было бы для меня все так печально, я бы уже на розовые сопли извелась, радуясь за этих двоих!

— Да, — прохрипел Вадим и поспешил покинуть поле боя, однако успев повернуться и бросить многозначительный, предупреждающий и какой-то тяжелый взгляд... мне?

А я тут, собственно, каким боком?! Я откуда могу знать, где данный шкаф успел накосячить?!

А непреодолимый и неотвратимый писец в лице одного антихриста, свалившегося почему-то именно на мою голову, тем временем шагнул в мою сторону... И вот тут я почему-то испугалась по-настоящему!

— В обморок только не падай, — неожиданно ухмыльнулся шатен. Расплывшись в поистине дьявольской улыбке, парень внезапно наклонился и, подхватив под коленки, взвалил себе на плечо!

Какого ж броненосца египетского эта сволочь вытворяет?!

— Отпусти! — задергалась, пытаясь освободиться, но Исаев спокойно перехватил мои ноги, коими я пыталась ему съездить если не по наглой физиономии, то хоть куда-нибудь и звучно приложил ладонью по моей пятой точке. Шлепок вышел звучный, мой визг ничуть не

хуже. И ведь даже не обидно было, а банально больно!

Меня проигнорировали и с непрошибаемой уверенностью поволокли на улицу. Я дергалась, пытаюсь освободиться, даже ущипнуть нехристь попыталась, но мне шлепнули еще раз. И куда больнее!

Пришлось покорно прекратить опротивление, выражая на родимом трехэтажном все, что я думаю о ситуации в целом и конкретно об одном студенте в частности. Меня еще раз приложили, снова молча и намного слабее.

Я понятливо заткнулась и обвисла — ягодица уже горела огнем.

Честно говоря, я думала, что нас на улице встретят громким смехом, гоготом и бурными аплодисментами. Ни фиги. На парковке, куда меня целенаправленно пёр шатен, царило странное оживление, грохотала музыка, слышался чей-то басовитый конкретный такой ржач, но кажется мне, сия пирушка не в честь нашего эпического появления. Да и потом, когда наши элитные студентики «Сектор газа» слушать стали?

В душе шевельнулось еще более нехорошее предчувствие и тут...

— Заюшечка моя, я тут не понял, а какого хрена ты на чужом плече висишь?

Всё. Писец, как говорится. Приехали!

— Харлей, — из груди вырвался обреченный стон. Обернувшись, я тихо шепнула остановившемуся шатену, — Нехристь, а давай ты меня в другую сторону унесешь, а?

Стоило ли говорить, что мою просьбу выполнили с точностью, да наоборот?

Тащили меня, судя по всему, в машину, только не в мою собственную.

Не дотащили. Музыка стала громче, а вот крики и гогот как-то резко прекратились. Потом даже музыка и та стихла, слышалось только шуршание резиновой подошвы кед Исаева по асфальту, а потом раздался такой знакомый, зычный бас, хмуро выдавший:

— Не понял...

— Да все ты понял, харя бородатая! — у меня первой сдали нервы и я дрыгнула ногами, «тонко» напоминая кое-кому, что висеть вверх тормашками уже порядком надоело. На сей просьбе вняли и на ноги поставили. Встала, одернула задравшуюся майку, пригладила волосы и, одарив невозмутимую нехристь ненавистным взглядом, повернулась... и застонала снова. — Мих, ну какого хрена?..

Итак, университетская парковка возле корпуса экономистов. Огромное квадратное пространство, покрытое асфальтом, огороженное бордюриком, окруженное зеленой травкой с одной единственной березкой. Той самой, что ранее на себя шмотки Исаева примеряла. По периметру куча дорогущих машин местных студюзов, не спешащих покинуть гостеприимные стены любимого ВУЗа, а в центре всего этого...

Тут я подсчитала количество прибывших авто и уважительно присвистнула. И это все для меня любимой? Прия-я-ятно...

Главной «бибикой», вставший по центру, стал огромный чёрный «Хаммер» с аэрографией улыбающегося Джокера на боку и мощными прожекторами на крыше. По бокам пристроилась пара-тройка агрессивных крупногабаритных БМВ, парочка «Ленд Роверов» и аж целых четыре новеньких «Лексуса». Ну и энное количество агрессивно настроенных, еще недавно ржущих во всю глотку рокеров. Суровые рожи, широкие плечи, драные штаны, куртки-косухи, банданы, цепи, все дела...

— Что? — от колоритной компании отделился невысокий светловолосый парень в голубых мятых джинсах, просторной футболке с волками и вечно хмурой моськой, — Ты сама мне позвонила!

— Алехин? — начавшийся разбор полетов вдруг прервал Исаев, губы которого дрогнули и разошлись в улыбке, а левая бровь медленно взлетела вверх.

— Исаев? — ответил ему не менее удивленным голосом мой соседка и перевел взгляд куда-то за нашу спину, — Липницкий, Полонский... Фигассе встреча!

— Вы знакомы? — упавшим голосом осведомилась я, не обрадованная даже появлением Эльфенка и невесть откуда взявшегося Богдана.

— Рыжая, шутишь? — пожав руку нехристи, Мишка дружески хлопнул его по плечу и перевел взгляд на меня, — Мы учились в школе вместе. А вот вы где познакомились?

— Судьба свела, — мрачно буркнула под ироничным взглядом Исаева, пока Михаил соизволил здороваться с бывшими одноклассниками. Они, конечно, удивились, но встрече обрадовались. И, к моему громаднейшему сожалению, не только они одни.

— Здравова, Дем! — прогрохотало над ухом и нехристь стиснули в крепких дружеских объятиях. Исаев не возражал, а вот я смотрела на сию картину с тайной надеждой, что кое-

кому переломают ребра своей медвежьей хваткой. Ни фиги. Звезду всея универа габариты очередного верзилы ни разу не смутили. Наоборот, он вполне прилично ответил, звучно хлопнув по плечу ту гору мышц и бездну дурачности, что по непонятной для меня причине причисляли к роду человеческому.

— Какая встреча, Харлей, — усмехнулся Исаев, закончив суровые мужские обнимашки с моей постоянной головной болью, — Какими судьбами?

— Да говорят, ты зайнку мою тут обижаешь, — низким таким басом заявил шкаф с рыжей антресолькой и усмехнулся, поворачиваясь, — Да, моя?

— В гробу я твоя, — мрачно отозвалась, тоскливо созерцая возвышающегося надо мной рокера. Лет под тридцать, внешность устрашающая — при виде данной громадины хочется немедленно сползти в спасительный обморок. Пудовые кулачищи с татуировками, внушительные бицепсы, бычья шея, непробиваемая грудная клетка и внушительный пресс под тонкой черной футболкой. Кожаная жилетка, кожаные штаны, почти обтягивающие шикарный зад. На ногах остроносые ботинки-казаки с цепями. Еще одна цепь с крестом на шее, на роже пятидневная колочая рыжая щетина, полные губы, орлиный нос, высокий лоб, прищуренные темно-карие глаза с обалденно густыми ресницами. Ну и грива растрепанных медных волос до плеч длиной, примятых на макушке черно-красной банданой.

Знакомьтесь, сиё и есть Харлей...

— Дем, так что у вас случилось? — вмешался мой соседущка, покручивая на пальце ключи от машины, пока его банда внимательно прислушивалась к разговору, размерено выпуская кольца дыма в воздух. Толпившиеся у своих авто студенты пытались нетактично греть свои уши, но слышали мало из-за значительного расстояния, а понимали из происходящего еще меньше.

— А что у нас случилось? — насмешливо поддел меня Исаев, расплываясь в улыбке и явно намекая, чтобы я отвечала на поставленный вопрос. Склонившись к моему уху, он неожиданно шепнул. — Ябеда.

Прозвучало по-детски, но я обиделась!

— Да никому я не жаловалась! — возмутилась всей душой. — Со всякими нехристями я и сама справлюсь! Мих, ты мне нужен был совершенно по-другому поводу.

— Но твой звонок и просьба приехать... — потер лоб Мишка, явно ничего не понимая,

— Ты меня из кровати выдернула, мне показалось, что ты напугана...

— Не делай такую довольную рожу, нехристь, мне Краснова в ухо дышала, — язвительно прокомментировала насмешливо-ироничную лыбу стоящего рядом Исаева и снова обратилась к соседу. — Михась, ты когда начнешь сначала просыпаться, а потом слушать, что тебе говорят? У меня дело к тебе есть, фактически поручение свыше, а ты... ты... ты этого притащил!

— Моя зайнка гневается? — басовито хмыкнул ни капли не уязвленный моим поведением Харлей. Дружки его обменялись понимающими ухмылками.

«Зайнку» перекосило.

— Харле-е-ей, — тихо протянула, медленно закипая от злости, — А напомни-ка мне, дорогой... когда ж ты успел приобрести няшное существо с длинными ушками, куцым хвостиком, белым мехом и все это в моем единственном и неповторимом лице?!

— Заюшка, заюшка, — покачала головой рыжая детина и, с неожиданной скоростью метнувшись, легко закинул взвизгнувшую меня к себе на плечо. Сделав пару шагов мимо соседущки, не очень-то спешившего встать на мою защиту, рокер остановился... и легко

усадила меня прямо на крышу огромного «Хаммера».

— Скотина-а-а, — обиженно протянула, глядя на рыжего сверху вниз. Сидеть на огромном джипе было высоко, а прыгать страшно. — Спустишь — руки вырву, спички вставлю!

— Для тебя дорогая, все, что угодно, — тут же раскланялся Харлей. Народ поржал. Плюнув, я скрестила ноги по-турецки и закурила, оглядывая со своего убежища всю честную компанию. Как-то вдруг народ разговорился, кто-то снова врубил музыку и бывшие одноклассники принялись обмениваться новостями и воспоминаниями. В дебатах не участвовали только студентки, ни как не сообразившие, что за балаган тут вообще происходит и почему я, собственно, вообще до сих пор жива, да Аленка, невесть как затесавшаяся в столь расчудесную компанию.

Лелика явно страшил рыжий рокер, кажущийся рядом с миниатюрной блондинкой просто огромным, а потому девушка предпочла единственно верную тактику. То бишь спряталась за спиной Игорька. Липницкий не возражал, грудью прикрыл предмет своих воздыханий, свободно общался с рокерами и, как мне оказалось, старательно прятал улыбку, то и дело касаясь ладошек Аленки на своей талии.

Даже не знаю, поблагодарить сейчас своих друзей и недругов или поубивать к чертовой матери...

— Охренеть, — почесав затылок, выдал вдруг Харлей, — Один в Лондоне год пылился, второй в Корее! Вас чё, по сторонам развели, чтобы вы друг друга не поубивали?

— Вроде того, — усмехнулся Исаев, с откровенным льдом во взгляде при виде стоящего напротив Богдана. А тому, как обычно, было все фиолетово. Он лишь иронично улыбнулся. И всё. Вот только взгляд такой... У меня даже холодок по коже прошелся!

А ведь все серьезней, чем думалось собственными сомнительными мозгами. Чуется мне, если встану между этими двумя, стану эдаким катализатором, который обычную ненависть вмиг обернет кровопролитной войной. И первой жертвой, павшей смертью храбрых будет, угадайте, кто? Правильно! Самый рыжий! И зовут его ни разу не Харлей.

— Слушайте, может, в другом месте поговорим? — внезапно предложил Мишка, хумрясь все больше и больше. Я понятливо ухмыльнулась — вечно не высыпающегося соседушку явно ломало без привычной дозы кофеина.

— Точняк! — пробасил Харлей, — Айда в клуб! Дем, Богдан, давайте к нам в тачилу, Игореха, ты... — тут он наконец-то заметил Лельку, трусливо юркнувшую за спину своего спасителя. Понятливо, но молча поржал, подмигнул улыбающемуся Эльфенку и грозным басом пролаял, — Блондинку свою в машину и за нами. Остальной народ — по коням! Кто хочет с нами, поехали, кто нет, валите по домам, встретимся вечером. Вопросы есть?

— Меня снимешь или мне тут дальше куковать? — мрачно поинтересовалась с крыши, складывая руки на груди, едва сдерживаясь, чтобы не запустить окурком в лоб рыжего создания с его гениальными предложениями. Я, конечно, наивная, но такими местами, о которых сама не подозреваю, а потому спорю на зарплату, что на встречу бывших однокашников потащат и меня тоже!

Я у этой бородатой пакости вечно вместо мягкой плюшевой игрушки, и хоть башкой об стенку бейся, фиг докажешь обратное. Окружающим. Самому Харлею проще лоботомию оформить, чем объяснить, что я ни разу ни его «маленькая зайнышка».

Почему именно зайнышка (заечка, заюшка, зайка, зайчонок, зайчулечка и даже зайчушечка) — не спрашивайте, понятия не имею. Как и то, с какого ж перепоя я его- то

стать успела, а главное, когда!

Не, когда именно — я в курсе, после того как на первой пьянке с этим дебило... индивидом расколотила об его голову флакон дорогущего вискаря. Но в остальном...

— Зайчучулик, как я могу про тебя забыть? — бородатый поганец сначала снял меня с Хаммера, а уже потом выдал сию гениальную фразу, улыбаясь во все свои белые зубы, вызывающие заветную мечту их проредить. Меня он держал за талию в воздухе, так что дотянуться до пакостливой небритой физиономии при всем желании не могла. Ногами только побултыхала, возмущенно шипя. Надо мной поржали и, размахнувшись, закинули на заднее сидение. Полет был недолог, красочен, а приземление так вообще, шикарней не бывает.

— Оторва моя рыжая, я на бедные кости не ведусь, — пройдясь в нелестной форме по моему статусу, а заодно и фигуре, усмехнулся Исаев, на котором я и распласталась. Замерла. Вблизи нехристь оказался вполне даже ничего. Пресс крепкий, плечи широкие, а глаза не карие, как я думала, а темно-синие.

Выколупать бы их!

— А я на придурков, — огрызнулась и слезла с шатена, специально ткнув локтями в живот и едва не наступив кое на что. Промахнулась, а жаль. В этот же момент на переднее сиденье плюхнулся Харлей, машину здорово качнуло и я, не успев пристроить пятую точку, отлетела назад, потеряв равновесие. В открытую дверь не выпала, но в кого-то врезалась, больно приложившись макушкой обо что-то твердое и острое.

— Ауч, — обиженно выдала, все-таки сев на кожаное сиденье, потирая ноющую черепушку, — Да что ж меня все сегодня швыряют??

— Извини, — покаялся Богдан, об ключицу которого я и стукнулась. Захлопнув дверь, приятель привстал, дотянулся, коснулся губами моей макушки и невозмутимо поинтересовался, глядя на меня сверху:

— Полегчало?

— Да, но диплом врача тебе не светит, — хмыкнула я. И тут заметила этот взгляд... Слегка вздернутая бровь, странная полуулыбка и непередаваемый взгляд мимо меня. Я машинально обернулась.

Глаза Исаева заледенели.

— Чудесно. Просто чудесно, — едва слышно проворчала и куда громче попросила усаживающегося за руль соседку, — Мих, музыку, плиз, включи... погромче!

Пожав плечами, парень повернул ключ, мощный мотор радостно заурчал, а по ушам ударила музыка, на мгновение оглушив:

«Вспыхнут цифры: шесть,
Нас настигнет адская месть,
Мертвые восстанут против живых,

Под предводительством ангелов злых.
Девятиголовый зверь восстанет из моря,
Вся Земля тотчас же превратится в крематорий,
Дьявол опять изрыгает проклятья,
В бой, за Веру, Христианские Братья!

Роковой год, можете мне не верить —
Тысяча девятьсот девяносто девять,
Демон повернет золотыми рогами,
Три девятки кверху ногами!»

Ну прям офигеть, как символично...

В клуб мы завалились приличной толпой. Да-да, в тот самый обалденный, знаменитый, шикарный, дорогуший, престижный и бла-бла-бла. «Максимум», короче. Этим все сказано.

Бизнес-ланч уже закончился, да и не удивительно, мы из универа только в пять вывалились. Народу в огромном зале пока не было, но работники усиленно готовились к открытию. Длинную хромированную стойку старательно полировал бармен; на полукруглой сцене, забравшись под пульт, в проводах ковырялся диджей; девочки-официантки протирали прикрепленные к стене квадратные, серебристые столики без ножек; неоновые росчерки светильников на полу и стенах еще не включили, зато слабо мерцали, нагреваясь светодиодные круги на танцполе и мини-подиумах танцовщиц. За тонкими светящимися прутьями ограждения, специально обученные девочки уже проводили небольшую репетицию, но в целом особого оживления пока не наблюдалось. До открытия оставалось примерно часа два.

Нас провели в отдельный закрытый кабинет на втором этаже, фактически изолированном от остальных комнат, отдельных кабинок для парочек, бильярдных и просторных залов для больших компаний. Мы забурились в средненький, с двумя длинными угловыми диванами. Все те же изгибы неоновых ламп на потолке, приятного, насыщенно голубого цвета, слабая подцветка на полу вдоль темных стен, два огромных плазменных телевизора, белоснежные воздушные шторы на входе. И аквариум. Огромный, светящийся изнутри аквариум с сытыми и довольными жизнью рыбами.

Он стоял в одном углу, в другом находился выход. Всё. Остальное пространство занимали диванчики, перетянутые белоснежной кожей, без подлокотников и подушечек. Возле каждого дивана стояло по три столика, сдвинутых воедино, с плоской, матовой столешницей белого цвета, а вот так называемые ножки в виде перевернутой трапеции, по одной на каждый стол, слабо светились изнутри. Подсветка была расположена наверху, ближе к столешнице, а черный полированный пол не принимался за огромную дыру только благодаря светодиодным лентам по низу диванов.

С непривычки резало глаза, но мне нравилось.

Однако, по закону подлости, насладиться атмосферой не дали — каким-то чудным образом, после рассадки банды Харлея, одноклассников и Ко, я вдруг оказалась зажатой между... Исаевым и Полонским! Как будто мало мне машины, где царила могильная тишина, а от редких взглядов этих двоих и ощутимого напряжения между ними лично мне хотелось заныкаться в пепельницу.

Рыжий рокер, отдав распоряжения официантке, плюхнулся поближе к углу, слева от него уселся мрачный Михаил. И, хотя место еще оставалось, никто больше подсесть к гению архитектурной мысли не посмел. Закадычные друзья моего соседки, видя его дурное расположение духа, поспешно открестились от предложения Харлея подвинуться и заняли второй диван, тактично сославшись на то, что бывшим одноклассникам есть, о чем поговорить.

Ну-ну. Где рокеры и где тактичность?

Угол остался свободен. Ну, почти, рыжая харя всегда много места занимала. После него уселась нехристь, потом я, следом Богдан, а потом уже Игорек с Аленкой. С подругой мне не удалось перекинуться хоть парой слов, дабы убедить, что местное население совсем не

страшное, не буйное, а еже ли чего не так, им всегда можно по тыкве съездить. Ну или просто домой уехать. Лёлька не любила подобные места и уж тем более подобные сборища. Как мне казалось, по большей части сейчас ее одолевало беспокойство за меня, затесавшуюся в сомнительную компанию, ну и любопытство, немного. Правда, если бы не сопровождающий ее на каждом шагу Эльфенок, черта с два бы Аленка сюда полезла.

А Игорек, гад такой, кажется, весьма умело пользовался сложившейся ситуацией. И опять я не знаю, то ли похвалить его за находчивость, то ли по лбу дать, чтобы впредь думал, что творит...

— Михаил Александрович, — в проходе нарисовалась сияющий администратор клуба. Она пыталась не семенить, ступать плавно и походкой от бедра, но в итоге получалось... забавно. Девушка явно торопилась, высокие каблуки скользили по гладкому полу, каштановые кудряшки скакали по дергающимся плечикам, а нетерпение светилось в ярко накрашенных глазах и выпрыгивало из декольте.

Я честно прыснула в кулак.

Не, я ее понимаю. Михась у нас парень видный. Невысокий, но фигурой не обделенный. Не Аполлон, конечно, но когда-то боксом занимался, так что тело у него, что надо. Гордый профиль, резкие скулы, прямой нос, чувственный рот, плавная линия подбородка, золотистая шевелюра и вечно сведенные вместе брови. Глаза зеленые-зеленые, внешние уголки чуть приподняты. Он как ими посмотрит, как улыбнется... Девки штабелями укладываются.

Вот только не ходил бы с вечно угрюмой рожей, цены б ему не было!

Вот и сейчас Михей сложил руки на столе, медленно поднял голову и одарил администратора тяжелым взглядом. Та побледнела, посерела и едва не отшатнулась. Даже заикание подавила с трудом.

— П-поняла, сейчас все будет!

И шась назад, только шторы всколыхнулись!

— У-у-у, как все запущено, — протянула себе под нос, откидываясь на мягкую спинку. Переглянулась с Харлеем, тот выразительно чирикнул ребром ладони по горлу. Я постучала ладонью себе по лбу, рыжий пожал плечами. Краткий обмен информацией состоялся.

Появились официанты. Что странно, парни обычно в основном зале работали, наверху девушки бегали. Впрочем, оно и понятно — кто же женского полу по собственной воле, да к гневающемуся начальству пойдет?

Застучали приборы, стаканы, рюмки. Нам сноровисто сервировали столы для нехилой гулянки. Когда появились первые бутылки, примерный размах будущей пьянки я прикинула. Впечатлилась. Хотела тактично смыться, но тут нарисовалась администратор с чашкой кофе. Сама.

М-м-м, ясенько. Больше желающих попасть под раздачу не нашлось.

Я выразительно посмотрела на Харлея, выгнув брови. Тот только отмахнулся и плечами пожал. Мол, ее не жалко. Ну-у-у-у, коль сам небритый совладелец клуба так решил, я, пожалуй, помолчу в тряпочку.

Чем ближе подходила шатенка, тем сильнее ее трясло, а каблуки скользили по полу. Но она добралась, наклонилась и даже поставила блюдце с крохотной кофейной чашечкой перед своим шефом. Однако в последний момент наманикюренная ручка дрогнула, несколько хороших коричневых капель испачкали белую столешницу.

Мишка снова нахмурился, медленно поднял голову...

Чашка слетела со столика и разбилась вдребезги. Повисла гнетущая тишина.

— Уволена, — процедило сквозь зубы недовольное начальство. Администратор вздрогнула, губы ее задрожали, а лицо стало блее собственной полупрозрачной блузочки.

— Но Михаил Александрович, я...

— Вон! — как рывкнул, так все подпрыгнули. Работница сбежала, официанты торопливо отхлынули к соседнему столику, жалобно звякнула посуда. И тихо-тихо так опять стало. Еще не начавшаяся пьянка уже стала напоминать поминки.

— Пойду-ка я прогуляюсь, — негромко хмыкнула, поднимаясь и, проигнорировав взгляды как нехристи, так и Богдана, протиснулась мимо них. Попутно подмигнула Лелику, погрозила Игорю пальцем и смылась из приват-комнаты. Олег, сидящий на втором диване с краю облегченно вздохнул, разгадав мой маневр и шепотом ободрил остальных. Парни заметно расслабились, Харлей вдогонку показал оттопыренный большой палец.

А я прям гордости преисполнилась.

Допархала до барной стойки второго этажа, сочувственно похлопала рыдающую Аллочу по плечу и привычно перемахнула через стойку. Конкретно эту стерву было не жалко от слова совсем.

— Свиристует? — поинтересовался Алик, сегодняшней бармен, протирая стакан и не без злорадства поглядывая на админа, жалующуюся окружившем ее девочкам на несправедливого шефа. И только одна из них стояла в стороне, явно не понимая, что происходит. Кивнув в ответ Алику, её-то я и подманила:

— Ты новенькая?

— А? Ну да, — на меня посмотрели огромные синие глазищи на хорошеньком кукольном личике. Да и вообще, сама девочка оказалась такая маленькой и миленькой, что мне на полном серьезе захотелось потискать ее за щечки. И я ее раньше не видела: тоненькую фигурку, упакованную в форменную серебристую блузку с тонкими голубыми полосочками и черную юбочку, я бы точно запомнила. Особенно копну шикарных черных волос, стянутых в аккуратную косу.

— Будь другом, сбегай в кабинет вашего шефа, там у него в баре припрятан высокий кофейный стакан с резиновой крышкой. Не перепутаешь, на нем британский флаг намалеван и понизу надпись «Старбакс».

— Но, — испуганно посмотрела на меня девушка, — В кабинет, он же...

— Да открыт он пожизненно, босс ваш раздолбай редкостный, — фыркнула я, открывая небольшой хромированный холодильник. — Давай быстро, одна нога здесь, другая там. Ты ж не хочешь, что б ваше мрачное начальство еще кому-нибудь по шее настучало?

Девочка оказалась понятливой. Слиняла. Я даже кофе до конца приготовить не успела, как официантка уже вернулась.

— Вот, — она поставила высокий стакан на стойку и любопытствовала, — А почему именно он?

— Да потому что порция маленьких традиционных чашечек вашему Александровичу как пластиковые пульки окаменелому мамонту, — хмыкнула я, заканчивая нехилые манипуляции с кофемашиной и молоком. На секунду задумалась, прикинула в уме и, кивнув своим мыслям, решила посвятить смекалистую официантку в страшную тайну. — Запомни, шеф ваш пьет только капучино. Вот в таком объеме. Как готовить знаешь? Умница. Добавь туда два сахара, корицу и грушевый сироп... да не выпячивай ты так глаза, у каждого свои тараканы!

— Поняла, — кивнула девушка. И решительно спросила. — Есть еще какие-то секреты?

— Ну, в общем, — задумалась я, натягивая бежевую крышку на широкое горлышко, — Есть парочка. Смотри, когда ваше начальство приходит, сразу прячься. Он, когда не выпится, всегда рвет и мечет. Так что ты его сразу пропускаешь мимо и бежишь готовить именно такой кофе. После подходишь, ставишь перед ним стакан... И тут внимание! Он может начать орать и ругаться матом. Ты lupишь его по затылку и в приказном порядке велишь пить. На крайний случай можешь треснуть кулаком по столу.

— Да вы что? — отшатнулась от меня девочка, глядя со священным ужасом, — Он же меня сразу уволит!

Я фыркнула. М-да, кто-то здесь просто плохо знает Михаила...

— Пойдем, покажу, — поманила ее за собой, выходя из-за барной стойки. И знаете, она согласилась! Проследовала за мной на второй этаж, но входить не стала, притаилась за полупрозрачными шторами.

В комнате такой гнетущей тишины уже не было, народ потихоньку переговаривался, но голоса повышать не спешил. Мишка, мрачнее грозовой тучи так и сидел с самого краю, тупо рассматривая стол.

Встретила одобрителный взгляд Харлея, подошла, поставила перед соседушкой стакан и сложила руки на груди. Местное начальство сначала тупо созерцало новоявленную вещь. Затем нахмурилось еще больше. Затем выпрямилось. Поморщилось и выдало:

— Что за хрень?..

И попыталось смахнуть стакан со стола. Не вышло — подзатыльник Лександрыч огреб знатный! Харлей, развалившийся в углу, кашлянул в кулак, но сдержался.

— Пей! — буквально приказала директору клуба, едва не ткнувшемуся моськой в стакан. Соседушка замер. Свел брови на переносице. Повел носом. Протянул руку... и присосался к стакану.

Рыжий все-таки заржал.

Парни сразу заулыбались, загоготали, принялись разговаривать уже нормальным тоном. Прибавили звук на плазмах, дзынькнули стаканами... Я с наслаждением смотрела, как вытягиваются лица Лельки и остальных.

Убедилась, что соседушка весь ушел в наслаждение любимым напитком, и отошла в коридор, где поймала недавнюю официантку, огромные глаза которой теперь стали квадратными глазами.

— Сейчас он выпьет и закурит, — кивнула я в сторону кабинки, — Минут через двадцать, когда он соберется дымить второй раз, рысью несись на кухню. Приготовь чай с барбарисом, большую белую кружку, у вас есть такие, пузатые, там по-моему пол литра входит.

— Так они же для бульона...

— Тараканы, — напомнила я ей. — У каждого имеют право быть! Чай горячий, но не обжигающий, в меру крепкий, но сахара уже три. К нему горячий бутерброд из двух кусков белого тостового хлеба, сырный соус, ветчина, пластик сыра, маринованные огурчики и никакого лука. Не перегрей. Все запомнила?

— Откуда вы все это знаете? — понятливо кивнув, официантка покосилась на меня с любопытством.

— Дык второй год сожительствую с этой мрачатиной, — хмыкнула я. — Все, следи, я пошла. Главное ничего не перепутай, каждый день так делай и будет у вас самый добрый и

пушистый начальник в мире. Лады?

— Лады, — отозвалась синеглазка, — Спасибо вам большое.

— Да не за что, — отмахнулась я и вспомнила кое-что еще. — Ты, видать, здешним красоткам не очень глянулась, раз не знаешь всю серьезность поганого настроения шефа. Подставят, как делать нефиг. Принесешь Лександрычу еду, и беги сразу. А если увидишь, что у рыжего директора сигарета в зубах — сверкай пятками на другой этаж! Поверь, я знаю, о чем говорю.

Девушка кивнула, не сводя с меня какого-то задумчивого взгляда. Я только плечами пожала и отправилась наверх. Коль мозги есть, моих советов она послушает. Коль нет... ну что ж, сама виновата! Безмозглым в этом мире живется, конечно, проще, но иногда очень уж тяжело.

Вернулась я вовремя. Вполне себе такой бодрый Мишанька уже сидел, откинувшись на спинку дивана и курил с довольной моськой. Лелька и Игорь тихо шептались, нехристь общалась с радостно ржущим Харлеем, парни во втором углу тоже вполне себе неплохо проводили время. Официанты уже заставили столы бутербродами-канапе, присутствующим дамам досталось по салату «Цезарь». Овощная нарезка, мясная нарезка, фруктовая, сырное фондю в виде фонтанчика... а он, извиняюсь, нахрена?

Плюхнувшись на диван рядом с Полонским, стянула кожанку и потянулась за стеклянной пепельницей. Сначала хотелось перекурить, а уж потом подкрепиться.

— Ань, что ты сотворила с Алехиным? — поинтересовался Богдан, косясь на довольного жизнью Михаила.

— Да ду... — протянула я, но наткнувшись на ироничный взгляд ярких голубых глаз, фыркнула и пояснила, — Да кофеман он. У него недосып на постоянной основе, под утро домой приходит, пару часов спит и в универ уезжает. Когда в клуб вечером возвращается, под руку ему лучше не попадаться. Харлей знает его состояние, парни тоже, потому и не вмешиваются. Под раздачу обычно персонал попадает и, с подачи рыжего, как правило, особо не угодный вышестоящему руководству. Ну или самый стрессоустойчивый.

— Ему специально подали не тот кофе? — понимающе усмехнулся Полонский, явно не знающий о некоторых привычках своего одноклассника. — Он еще в школе от кофейного автомата не отходил.

— Да тут никто не знает, какой напиток ему нужен, — усмехнулась знающая я, протягивая руку и стряхивая пепел. — Миха вредный. Пока не взбодрится, будет ходить и рычать. И ведь знает же, что в таком состоянии невыносим, но не-е-ет! Мы ж, директора клубные, народ гордый! Как можем признаться, что просыпаемся исключительно с капучино авторского рецепта, да еще и с лошадиной дозы? А топтать своими ножками к кофемашине вообще не комильфо...

— А ты откуда знаешь? — поинтересовался Полонский, тоже закуривая. Мимо пронесся упоительный аромат крепкого табака с привкусом вишни. Я заинтересованно повела носом. Поймав усмешку блондина, фыркнула:

— Вообще-то он мой горячо любимый соседка. Частенько на одной кухне после работы кофейком отпаиваемся. За полтора года я уже все его привычки изучила.

— Также предпочитаешь авторский кофе? — поинтересовался Полонский, мельком взглянув мне за спину, и усмехнулся краешком губ. Кого он там конкретно увидел, можно не спрашивать — по моей спине прошелся чей-то неприятный взгляд. И спорю на машину шефа, пялился на мою тушку явно не Харлей.

— Сейчас ты будешь ржать, — тихо предупредила, загнув сигарету. Придвинулась к спинке, вытянула ноги и поманила парня пальцем. Богдан, вытянув руку на спинке, чуть выше моих плеч, с интересом наклонился, а я начала вещать. — Мы на работе моей познакомились. Не знаю, какие там у кого карты сошлись, но приезжал данный кадр раз в неделю. Сначала один. Весь такой хмурый-хмурый, резкий, а недовольны-ы-ый... Сидел в углу, клиентов пугал, на работников моих рычал, к качеству работы придирался. У меня бригада вполне закономерно шугаться начала, стоило только его «Хаммеру» на парковке засветиться. Ну, я однажды не выдержала. Смотрю, сидит такой злой, по телефону кого-то посылает в пеший эротический тур. Послал, жажнул телефон об стену, особо впечатлительные клиенты нервно покурить вышли. И чет мне как-то вдруг его так жалко стало... Видно же, не досыпает человек, руки трясутся, веки закрываются, мешки под глазами и стойкое желание убивать — ну совсем как я после суток! Ну я ему кофе и предложила. Тот смерил меня неласковым взглядом и махнул рукой, типа делай, что хочешь.

Я замолчала, пытаюсь перестать лыбиться, вспоминая тот день. Надо признать, наше знакомство с Михой вышло поистине незабываемым.

— Тот самый авторский? — любопытствовал Полонский, бросив на Лександрыча любопытный взгляд. Он, кстати, почти ожил и уже потихоньку влезал в беседу Харлея и нехристи. Исаев время от времени не забывал сверлить мне спину, явно недовольный моим общением с давним врагом. Нет, причем тут я, сие отдельный вопрос. Мне больше интересно, что они вообще с ним не поделили?

— Ну, как сказать, — тихо хрюкнула я, — У нас автомат кофейный стоит, но Алехин его принципиально игнорировал. Я по утрам иногда заезжаю в автокофейню, она на соседней улице стоит. Беру капучино с корицей, два сахара. Ну, я ему свой и подсунула...

— Так почему авторский? — так и не понял Богдан.

— Да потому что, — прыснула я, — Мне он уже приелся, и я стала баловаться, добавляя туда сиропы, дома уже коллекция бутылок стоит. Кто ж знал, что Лександрыч западет на вкус, который с кофе и смешивать-то не полагается?

— Это который? — со смешком спросил Богдан.

— Пф-ф-ф. Не скажу! У меня к соседке еще дело государственной важности есть. Мне накладно его сдавать. И вообще, я теперь тебя должна убрать, как свидетеля!

Полонский расхохотался, а я, узрев знакомую синеглазку, приветливо ей улыбнулась. Официантка выставила передо мной огромный набор горячих роллов, идентичный появился перед Аленкой. Добавив к передоложенному палочки, салфетки и высокий стакан с темной жидкостью, девушка отошла к двери... И замерла возле занавески, прижимая круглый блестящий поднос к животу, зорко поглядывая на свое начальство. Сообразительная девочка...

Я с радостью потерла лапки при виде любимого блюда. Взялась за палочки, пощелкала ими, подцепила действительно горячий, только что приготовленный ролл, с наслаждением прожевала, блаженно шурясь. Потянулась к стакану, хлебнула... и завизжала от восторга:

— Харлей, я тебя люблю!!

— Все, что угодно, зайныка, — отсалютовал мне рыжебород из своего угла, улыбаясь во все зубы так, что официантка, меняющая пепельницу неподалеку, дрогнула, взглянула на совладельца клуба и поспешила спрятать пылающее лицо. Вот я поражаюсь — что в этом громиле девушки находят? Не, занятный персонаж, колоритный. С дамами обходительный, местами даже умный... Но в целом же просто питекантроп социально не адаптированный!

Но хорошо изучивший мои вкусы.

— Он из поставщика всю душу вытряс, — усмехнулся Михась, запуская руку в карман джинс. Швырнув на стол пачку сигарет, соседка потянулся за зажигалкой, — Зато у нас в винной карте теперь есть ирландский эль и сидр нескольких видов. Шапмань, вишневым, яблочный и со вкусом виски-кола.

Я скосила глаза — как только большой босс выпустил первое колечко дыма, синеглазки и след простыл.

— За последний отдельное спасибо, — мурлыкнула я под смеющимся взглядом Полонского и многозначительной ухмылкой Исаева. Последний от комментариев воздержался, по всей видимости, не желая портить отношения с Харлеем и Мишкой. И отнюдь не из какого-то там мифического чувства страха перед бандой рокеров или уважения к бывшим одноклассникам. Скорее из нежелания заранее разрывать будущие выгодные деловые отношения. Бизнес есть бизнес.

Мстить мне Исаев будет, печнкой чую. Но исключительно за пределами элитного клуба «Максимус».

Ох, не знала я тогда, о чем говорю...

Появилась девушка, окрещенная мной как синеглазка, а перед добродушно настроенным Мишкой появился красивый высокий, многослойный бутерброд. Парень замер. Глянул на бутер. Потом оглянулся в поисках уже убежавшей официантки... и, нахмутив брови, перевел внимательный взгляд на меня. Тыщ. Напугал ежика карманом брюк!

— Благодарность за мой любимый сидр, — невозмутимо фыркнула я и присосалась к стакану с вышеупомянутым напитком, совсем как недавно Миха к любимому капучино. Уточнить, что кофе и еду он получил, в общем-то, авансом, я не стала.

А дальше было нечто... Я подкрепилась. Выпила. В голове от легкого сидра, да на голодный желудок, стало приятно шуметь. Отодвинув пустой стакан, емкостью, как чашка соседа, откинулась на спинку дивана и с наслаждением закурила. Тем временем Лександрыч, он же Михаил Александрович Алехин, дожевывая бутерброд, прикончил чай, с наслаждением и блаженной моськой покурив. Окинул свежим взглядом Харлея и Ко, вяло жующих, лениво переговаривающихся и почти не пьющих... и неожиданно удивленно выдал:

— Не понял, а что мы сидим? Давайте выпьем!

Не выдержав, я банально заржала, уткнувшись лбом в плечо слегка опарашенного Полонского.

— С добрым утром, Михась! — радостно загоготал полулежащий в любимом углу Харлей.

У нехристи, по-моему, вообще глаза выпали.

Эх... понеслась, как говорится, душа в рай, а печень в поисках Боржоми на утро!

Через полчаса обстановка изменилась до неузнаваемости. Радостный гогот, громкая музыка, звучные выкрики, звон стаканов, дружеские подколки... короче, из приватной комнаты доносилось все то, что положено давно не выдавшимся однокашникам, во главе которых стоит выдавший виды рокер. Да-да, и пофиг на его многомиллионное состояние, золотая молодежь тоже не брезгует личными заскоками.

Как оказалось, и мой нелюбимый Харлеюшка учился с моими друзьями-врагами, а потому влился в компанию, как родной. На мою саркастичную реплику, сколько ж раз рыжая харя оставалась на второй год, парни поржали, но отвечать не стали.

Народ гулял. Народ отдыхал. Народ веселился.

А я зорко следила, сколько же в себя уже опрокинул хомо почти сапиенс юрского периода. И не я одна. Принесшая мне очередной бокал с сидром синеглазка покосилась на радостно смеющееся басом начальство и с нервозностью глянула на меня. Я как бы подперла щеку, приложив четыре пальца вместо пяти.

До часа «икс» оставалось всего ничего.

И потому, глотнув для храбрости, я мельком отметила, что Лёля уже покраснелась от выпитого, хоть и разбавленного мартини, а Липницкий наоборот, к алкоголю фактически не притронулся, взглядом указала синеглазке на дверь. Девочка понятливо убежала, а я с тоской наблюдала, как Харлей разливает по пятой стопке коньяка.

Всё. Туши свет, бросай гранату. Сейчас начнется!

— Зайчулечка! — прогремело в помещении, и я едва не застонала вслух, уронив руки на стол и голову на них.

Парни за соседним столом прыснули, долговязый брюнет по имени Олег стукнул себя по лбу. Забыл о своей прямой обязанности, зараза. Обычно он отвлекал своего негласного лидера в переломный момент, чтобы я успела тактично и ненадолго отступить, пережидая в незаметном уголке вечную блажь рыжеволосого детины. А тут Олежек то ли отвлекся, то ли со счета сбился...

А впухать придется мне!

— Харлей, нет, — скрипнула зубами, поднимая голову и глядя на радостно скалившегося рыжебородатого австралопитека. У Игоря от удивления брови на лоб подскочили — он-то хоть меня уже знал, но в данной компании видел впервые. А у этих идио... индивидов такие заскоки порой выпадали, что владелец клуба, мечтающий втайне ото всех о кофе с грушевым сиропом, невинным агнцем казался!

— Зайчушечка, — уже гораздо менее радостно протянул рокер, хмуря кустистые брови.

— Я сказала нет, — мрачно процедила, с остервенением гася окурки.

— Зая! — грозный рык сопровождался мощным ударом кулака по столу. Столик подпрыгнул, приборы жалобно звякнули, пара стаканов опрокинулась, парни в углу заткнулись. Звучащая из колонок музыка показалась какой-то слишком бодрой, а я только сильнее сжала зубы:

— Нет!

— Зайчучулик, — медленно протянул Харлей, расплываясь в угрожающей улыбке, и многозначительно похлопал лапищами по собственным коленям, — Не заставай меня вставать!

— Харл... — начала было я, но увидев, как моя ходячая головная боль начинает привставать с дивана, торопливо выставила вперед ладони. — Всё-всё, сиди на попе ровно. Иду, скотина ты рыжая.

Харя радостно заулыбалась, остальные вздохнули с облегчением. Ну, то есть те, кто хоть что-то понимал в происходящем. Я с самой грустной миной прихватила свои сигареты и встала, понимая, что дебильной во всех смыслах повинности мне не избежать, и остаток вечера я проведу в тесной близости с рыжим ящером мезозойского периода.

Но вдруг меня ухватили за запястье и дернули. Я шмякнулась. И с обалдением поняла, что оказалась сидящей на коленях у Богдана.

— Занято, — спокойно встретив нелестный взгляд Харлея, насмешливо пояснил Полонский, разворачивая мои ноги в его сторону и обнимая за талию, — Или ты против?

Хмурящийся все больше рокер одарил блондина тяжелым взглядом... и, неожиданно

запрокинув голову, расхохотался!

— Наш человек! — одобрительно пробасила рыжий хариус, отсалютовал рюмкой и опрокинул в луженную глотку очередную порцию коньяка. Народ одобрительно посмеялся, выпил и снова принялся за разговоры. Миха одарил меня вскинутой бровью, но промолчал, а я же, тайком вздохнув, расслабилась.

Ровно до тех пор, пока не наткнулась взглядом на лицо Исаева.

Демьян не пил. Он просто посмотрел на меня, на ладони Богдана, уверенно лежащие на моей талии, перевел взгляд на мое лицо...

Темные глаза не сулили мне ничего хорошего в ближайшем обозримом будущем! Так, стопе, а причем тут я?!

Схватив ближайшую рюмку, только что наполненную официанткой, я выпила содержимое и закономерно скривилась. Крепкий алкоголь, увы, не мое. Торопливо зажевала лимончиком, вытерла пальцы салфеткой и, зацепила пальцем витую цепочку на шее Полонского. Таким макаром притянула парня к себе и, склонившись, зашептала со зверской улыбкой на физиономии:

— Ты что творишь, пакость такая? Спасибо, конечно, что спас меня от навязчивого внимания любителя ушастых братьев наших меньших... Но Богдан, ты понимаешь, что провоцируешь Исаева? Мы итак в контрах, а теперь нехристь меня вообще в покое не оставит!

— Ань, ваша личная вражда таковой и останется, — усмехнулся блондин, чарующе улыбаясь. Да-да, той самой улыбкой, от которой хотелось стечь на пол карамельной лужицей. Я даже боюсь представить, как мы смотрелись со стороны! — Ия тебя уже предупреждал. Я не упущу возможности досадить Исаеву.

— Ты меня опять используешь, гад такой? — ухмыльнулась, накручивая на палец цепочку, страстно желая затянуть ее покрепче на чьей-то совсем не хилой шее, дабы на веки вечные прекратить доступ необходимого для жизни кислорода.

— Сказала девушка, использующая меня как врача и няньку на протяжении десяти дней, — с невозмутимой улыбкой напомнили мне.

Вот же... и возразить-то нечего!

— Это была твоя личная инициатива!

— А ты оставила мне выбор? — иронично вскинутые брови Полонского дали знать, что сколько бы я не отпиралась, все равно окажусь не права. Ну да, намек тут не уловить невозможно: захоти я в действительности, выгнала бы парня из квартиры не смотря на высоченную температуру и воистину поганое самочувствие.

Что ж меня все-таки тогда остановило?

— Я уже говорила, что ты зараза? — вздохнув, я выпрямилась и сложила руки на груди.

— И извращенец, — все с той же улыбкой напомнил Богдан и опрокинул в себя хорошую порцию коньяка. Вот же сволочь пепельного оттенка! Даже съязвить в его адрес нормально не могу.

Вздохнув, я поерзала, устраиваясь поудобнее... И замерла, побледнев и натурально выпучив глаза. Моей пятой точкой слишком уж явственно ощущалось что-то слишком твердое.

— Богдан, — тихо сплотнула, не сразу заметив, что на нас все тут же с вящим интересом уставились, — Кто-то там что-то про френдзону говорил... Ради бога, скажи, что у тебя ключи в кармане, а не то, что я думаю!

Михась подавился минералкой. Харлей, пытающийся выпить, во все стороны прыснул пятизвездочным, Исаев резко обернулся, не донеся стопку до рта. Позади слышался знакомый гогот Олега и Жеки, а я, кажется, побледнела еще больше, чувствуя задним карманом штанов уверенное и настойчивое прикосновение ладони Полонского.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В полнейшей тишине блондин, не снимая меня с колен, запустил руку в карман своих джинс и, улыбаясь, наверняка мысленно угорая надо мной, выложил на стол свой мобильник. Шокирующее меня ощущение пропало, а остальные...

Надо мной в очередной раз нагло и открыто поржали!

— Смешно, да? — мрачно процедила, хватая со стола родименький стакан и соломинку. Мое вящее возмущение никто не оценил, в том числе и сам Полонский. Харлей и остальные однокласснички принялись обсуждать школьные годы чудесные, а я откровенно заскучала. Пить постоянно невозможно, встречать разговоры кучи парней с краснобородом во главе — тоже. И потому я тихо скучала, иногда похихикивая в особо забавных моментах, обнимая Богдана за шею для удобства.

Вскоре алкоголь и веселая атмосфера сделала свое дело, и я полностью расслабилась, подзабыв, у кого и, собственно, почему вообще сижу на коленях

Ну да, Богдан меня в чем-то использовал. И что?

У меня так-то практически со всеми присутствующими здесь взаимовыгодное сотрудничество, аккуратно граничившее с дружескими отношениями. Я ж почти у каждого из присутствующих успела изучить их личные тараканчики, дабы было чем подмазаться при удобном случае.

С Михой у нас отдельная тема, Игорь без моей стряпни жить не может, ради компьютерного гения Жеки пришлось перелопатить гору информации о последних онлайн играх и всевозможных РПГ. Олег до дрожи ненавидит желтый цвет, и я весьма сносно научилась этим манипулировать, Ромка претя по корейскому року, Сашка трясется над своим лексусом, отмывая его у меня на работе едва ли не каждый день, а Харлей...

С этим небритым кадром вообще отдельная история. Лелька же, как пафосно не звучит, приемлет лишь верность. Как я уже говорила однажды, Аленке уже один раз дорого обошлось необдуманное доверие.

— Не, я сразу понял, что что-то не так с этой рыжей, — тем временем мой дорогуший неандерталец каким-то образом добрался до рассказа о нашем с ним знакомстве. Хотя, почему каким? Нехристь постаралась, невзначай так поинтересовавшись, а где, собственно, познакомились два настолько разных человека? Ну, подвыпивший Харлей сразу и спалил всю контору. — Димон глазками хлопает, говорит, мол, ценный работник, она нам не помешает... Ну я и махнул рукой. Я-то рыжуху раньше видел, частенько к ней заваливаем тачки драить, с подачи Михи. А что? Место нормальное, фирма норм, ну мы с ребятами и обосновались.

Я хмыкнула, отпуская шею Богдана, и присосалась к родному стакану. Обосновались? Не верьте этой пародии на исхудавшего Обеликса. Они у меня на работе нафиг поселились!

Мойщики, едва завидев сиятельную компанию в обтягивающих задницы кожаных штанах, прятались по углам, клиенты выскальзывали по стеночке и поспешно забирали недомытые машины, очередь на улице как-то сразу сама собой рассасывалась и, даже висевшие на улице коврики, по-моему, начинали сохнуть быстрее.

Спасало одно. Платили вечно гогочущие ребятушечки исправно и даже с хорошими

чаевыми.

Потому и приходилось терпеть не только Миху, с которым нас тогда уже связывали кое-какие компрометирующие отношения, но и всю их не гоп-компанию. С гопниками-то оно проще — охрану вызвал, понаблюдал, как любителям адидаса по шапке на затылке настучали, и работай себе дальше. А вот с этими...

Харлей, кстати, рассказывал тот самый первый раз, когда меня угораздило поближе познакомиться с такой ядерной смесью, как современный рыжий варвар и алкоголь. Его светлость, вожак всех не вымерших каким-то чудным образом викингов, заявился как-то на мойку под вечер. Один. И имел честь впервые за все время нарваться на моего шефа, на кой-то черт заглянувшего в свои владения на сон грядущий.

К моему несчастью оказалось, что эти двое давно и прочно знакомы...

Короче, работу пришлось свернуть, бокс и администраторскую закрыть, работников, кроме ночной бригады отправить по домам. Мне же выпала сомнительная честь сгонять в ближайший ресторан за выпивкой и закусью. Лан, мы люди не гордые, в сжатые сроки предоставили и требуемое, и чеки. Но расстроились — спать в комнате мойщиков вместе с ними же, пока родное начальство квасить со старым другом изволит, меня абсолютно не прельщало. Димон для некоторых, для меня же Дмитрий Аристархович, мой горячо любимый шеф, зная о моей неприязни к собственной бригаде (взаимной неприязни!) уговорил борзую харю, то бишь Харлея, оставить меня тут же, в администраторской.

И вот с этого-то момента мое тесное знакомство с продвинутым кроманьонцем на шикарном классическом байке и началось...

— Ну мы с Димоном сидим, базарим, значит, рыжуля в углу в телефон залипает, — продолжил тем временем разглагольствовать Харлей, интенсивно размахивая руками. Его слушали с интересом, причем все, а я же, вспоминая в красках, к чему сейчас неспешно подводил рокер, тихо угорала, обнимая Богдана за шею и уткнувшись лбом ему в висок. Даже похрюкивала от смеха, честно! — Ну тут, значит, жажнули мы по очередной, меня и повело.

Повело — значит пещерному нелюдю бабу захотелось.

Заскок у Харлея такой — как только пятая стопка крепкого алкоголя, вроде коньяка, попадает в бездонное нутро рыжего, или литр темного пива, как вариант, всё, бородатенького несет во все тяжкие. А именно — бабского внимания его байкерская светлость изволит-с! И ведь сам ржет над своей привычкой, только контролировать ее не может. Никак.

— Ну так, перекурили мы, снова жажнули с Димоном, — добрался Харлей до самого интересного. Об этом, правда, уже все знали (ну, кроме интситутских), Вон даже Олег нервно похрюкивал, уткнувшись в плечо Жеки, а Ромка нервно давился салатом, который терпеть не мог, но как это могло остановить принявшего на грудь небритыша? — Я, значит, перекурил еще разок, ну и цапнул к себе на колени первую попавшуюся девку. А кроме рыжухи баб там больше не было!

Я хмыкнула, машинально поглаживая пальцами от чего-то напряженную шею Богдана, даже не замечая этого. Сам парень казался расслабленным, от моей тушки на своих коленях ничуть не устал и спокойно потягивал виски с колой, внимательно слушая рассказ Харлея. Так что я не особо задумывалась над тем, что делаю, если честно.

— Ну, значит, я сажаю ее к себе на колени... — хлопнув коньяку для антуража, шкаф с рыжей антресолькой утер короткий ус и басом хмыкнул, — А она как давай шипеть!

Брыкается, пинается, щипается... Ну я и думаю, чё за хрень? И какого хэ Димон глаза вытаращил? Шлепнул я по ягодицам рыжую, что б угомонилась... Та затихла. Замолкла. Даже брыкаться перестала! Я за лимоном потянулся, и тут мне как хера- а-а-кс по башке! Осколки во все стороны, я в ах*е, вискарь на полу, Димон почти в обмороке, а рыжая спокойно стоит и руки салфеткой протирает...

На этом месте легли все!

Пацаны на соседнем диване закатывались, Лелик уткнулась в плечо ржущего Эльфенка, Богдан откинулся на спинку дивана, сотрясаясь от хохота, Миха уткнулся моськой в стол, официанты сползли за шторкой по стенке. Даже Исаев давился смехом, тщетно пытаясь затушить окурок о чистую пепельницу.

Я сама с трудом сдерживалась, чтобы грубо не заржать.

Однако, только со стороны ситуация казалась юморной. Сейчас. Тогда-то она мне вообще таковой не представлялась! Когда мало знакомый, крупногабаритный, неотесанный, грубый как валенок подвыпивший детина усаживает тебя к себе на колени, не смотря на твое активное сопротивление, становится не до шуток, как бэ...

— Короче, вот так оно и было, — оглядев корчившуюся в предсмертных судорогах компанию, невозмутимо и радостно выдал Харлей, — Меня тогда как громом жажнуло по заднице: так вот же она, зайнька моя, которую я так давно искал!

Компания снова грохнула и скатилась под столы...

Саму «зайньку» в очередной раз перекосило.

— Зайнька сейчас повторит номер на «бис», — мрачно процедила, глядя на счастливую донельзя небритую харю. — Хочешь?

— Не стоит, — коротко хохотнул Богдан и, отняв мои ладони от груди, пристроил их на своей шее, — Думаю, Харлей итак оценил всю перспективу общения с тобой.

Я скривилась, изнывая от желания придушить чуток хотя бы ни в чем не повинного Полонского.

Оценил? Да три ха-ха!

Этот рыжий ужас, родом с подземных глубин далекого перевала Дятлова, наоборот, в буйный восторг пришел, отхватив от меня литровым пузырем толстого стекла по крепкому загривку!

А то как же — я единственная, кто при виде него томно не вздыхала, смущенно не краснела, часто не дышала, глазки не закатывала и грудь вперед не выпячивала! Короче, отличилась по всем статьям.

И тем самым тут же была возведена в почетный ранг предмета обожания, с дальнейшим присвоением сомнительного титула трусишки-зайки серенького. Я, конечно, под елкой не скакала, но этой самой елкой и другими подручными средствами Харлей то и дело знатно огребал...

И если вы думаете, что это его хоть как-то остановило, вы глубоко заблуждаетесь!

Когда время уже подкатывало к девяти часам вечера, снизу доносились отдаленные крики и пол едва ощутимо вибрировал от музыки, доносившейся с танцпола, колоритная во все смыслах компания начала заметно скучать. Несколько парней просто отчалили по домам, кто-то перебрался в соседнюю бильярдную, кто-то спустился вниз. Игорь, все больше хмурясь, так вообще, скинул смс, что Аленка, кажется, перепила, и он повезет ее домой...

Так и получилось. Распрощавшись со всеми, Липницкий с заметно шатающимся Лёликом слинял, а я же, к тому времени тоже весьма хмельная, с тоской обдумывала, как пойду завтра на работу...

В голове не находилось ни единой здоровой мысли, когда Богдан, отошедший из-за стола не так давно, вернулся и, распрощавшись с Харлеем и Михой, поманил меня.

Я поднялась. Чего греха таить, отпускать пепельного блондина не хотелось — рыжая подвыпившая небритость так и не обзавелась коленной игрушкой, а потому продолжала периодически двусмысленно косить в мою сторону. До этого меня спасали удобные, а главное, совсем не романтические объятия Богдана. Сидеть на блондине (прости осспади за пошлость) оказалось весьма комфортно и не накладно, не считая, конечно, участвовавших взглядов невесты от чего недовольного Исаева.

Хотя, почему это невеста? Нехристь явно в восторге не прибывала, что его давний злейший враг спокойно тискает его же девочку для битья...

— Только не говори, что тебе нужно уехать, — грозно предупредила Полонского, останавливаясь рядом с ним прямо возле полупрозрачных белых штор в дверном проеме.

— Ань, нужно, — огорчил меня блондин. — Я освобожусь через пару часов, максимум к полуночи. Могу тебя забрать.

— Было бы неплохо, — почесала я затылок, вспоминая, что моя машина, как, собственно, и тачка Богдана остались на университетской парковке. За своего малыша я особо не волновалась, на территории студенческого городка находилась такая система охраны и наблюдения, что будь здоров. — Если тебе не трудно, конечно.

— Не трудно, — подтвердил блондин и, указав глазами в сторону народа, продолжающего гулять, усмехнулся, — Справишься?

— Да мне не впервой коньяк о башку Харлея бить, — на полном серьезе заявила я, сунув руки в карманы, покачиваясь с пятки на носок, — Расколочу сегодня о голову нехристи флакон с Лёлькиным мартини ради разнообразия. Ты как, не против?

— Только за, моя милая леди, — неожиданно выдал Полонский и, завладев моей лапкой, как при первой нашей встрече, прижался к ней губами.

— Паяц, — прокомментировала я, отвоевывая обратно свою конечность.

Рассмеявшись, Богдан приобнял меня за плечи, уверенно притянул и, поцеловав в висок, отступил:

— Будь осторожней.

— Сказал человек, который весь вечер дразнил быка, используя меня как красный флаг матадора, — приличная доза алкоголя и шутовское настроение заставляли паясничать против воли, так что удержаться я не смогла. Иронично хмыкнув, блондин удалился, а я же, вернувшись обратно за стол, закурила.

Честно, меня присутствие нехристи не напрягало, но ровно до тех пор, пока ребята с соседнего столика, оставшись небольшой группой, решили не перебраться к нам. Вмиг стало как-то тесно, официанты торопливо переносили целые блюда, убирали пустые и заменяли посуду с приборами. Враз вместо меланхоличного ленивого настроения всех обуяло веселое, активное и непрерывное.

Пьянка пошла на второй круг и уже куда в более тесном, узком и привычном кругу.

И я, одурев от громких выкриков подвыпивших рокеров, байкеров, директоров клуба и иже с ними, совершенно пропустила тот момент, когда кто-то особо наглый, бородатый и хамоватый повторно дошел до кондиции.

— Заючучуленька! — басовито прогремело над всеми.

Я, тянувшаяся как раз за фруктами, аж присела от неожиданности. И, под радостный гогот Олега и сотоварищи, встретила взглядом с проникновенными и полными немого обожания глазками Харлея. Эта рыжебородая скотина, когда подвыпьет, в одной из глубоких стадий опьянения всегда побитого щенка напоминает своей жалостливой моськой.

Сидящий рядом Миха торопливо давился очередным любимым бутербродом.

Что б я, да еще раз его подчиненных на благо родного начальства и его хорошего настроения науськивала... да никогда!

— Харлей, иди в баню, — вместо привычных колкостей, обошлась простым и не завуалированным посылом, нервно поднимая со стола пачку почти заканчивающихся сигарет. Что поделать, вперемешку с алкоголем курить хотелось часто, а в такой компании, где сохранить нервы и умение здраво мыслить не помог бы ни один «Пересен» и «Новопассит», дымить хотелось сильнее самого древнего паровоза!

— За-а-ая, — уже куда более низким басом протянул лохматый варвар.

Я вздрогнула, но ухваченную черешенку слопала, пытаюсь не подать виду, и отчаянно матеря ухитрившегося тактично сделать ноги Богдана. По-хорошему, и мне бы слинять, да только завтра же Краснова из меня всю душу вытрясет, ежели я с соседкой на счет аренды клуба не договорюсь! И расстояние, поверьте, старосту ни разу не остановит — она меня даже через телефонную трубку испепелить умудрится!

Даже если я эту самую трубку просто не возьму.

— В Миндерлу-у-у, — в том же тоне отозвалась, отложив-таки сигареты и выглядывая, чтобы еще такое стащить со стола. Есть не хотелось уже давно, но смотреть на взгляд упертой небритости не хотелось еще больше.

— Рыжая! — снова грохнули кулаками по столу, да так, что я опять присела. Остальные, кстати, тоже. — Или ты идешь, или...

— Иду, — глухо и обреченно отозвалась, поднимаясь со своего места, мысленно перетирая собственные зубы в труху, а особо выступающую, внушительную часть тела Харлея, его, можно сказать, мужское достоинство во что-то вообще невнятное и порошкообразное....

Я сейчас нос имею ввиду, а вы?

Идти не хотелось. Ну вот вообще!

Я с унылой моськой подхватила остатки табачных изделий, зажигалку. Едва удержалась, чтобы не прихватить тяжелую стеклянную пепельницу. Сделала шаг вбок... и испытала чувство жесткого дежавю, внезапно оказавшись сидящей у кого-то на коленях.

Та-а-ак... Уже становится прям вообще интересенько!

Олег явно вспышку прозевал, да и не решился бы пойти против очередного заскока

рыжеватого хариуса. Игорь уехал, Богдан тоже. Михась так и остался на своем месте, до самого Харлея я так и не дошла...

И на чьих же горячих, удобных и сильных коленках я вдруг очутилась, прости меня, оспади??

— Харлей, ты опять в пролете, — раздался сквозь музыку смешок Демьяна. Его широкие ладони скользнули по моей спине и легли на печи, слегка их сжимая. Я чуть не вздрогнула. — Не против?

Этот гадкий, этот противный, этот беспринципный рыжий хам на мгновение задумался... а потом откровенно поржал! Не расстроился ведь моей потерей, сграбастал себе на коленки первую попавшуюся под руку официантку и, озвучив тост, в котором пожелал Исаеву крепкого затылка и значительной отдаленности бутылки от моих рук, с наслаждением опрокинул в себя дорогущий алкоголь.

Всё. Дальше для общества драгоценный Харлеюшка был потерян.

— Нехристь, — тихо и угрожающе прошипела, скидывая его руку со своего плеча, — Тебе что от меня надо, а?

— Хочешь оказаться у него на коленях? — равнодушно бросил Исаев, не глядя на меня, но скинутая конечность как-то незаметно очутилась на моей талии и почти рывком придвинула меня вплотную к его телу.

— Нет, — была вынуждена признать, глядя, как пещерный недочеловек в свое удовольствие тискает сидящую на нем русоволосую красавицу. Она пребывала в явном восторге, но побывать на ее месте не хотелось ни капли, от любимого слова совсем. И совершенно!

— Тогда сиди и не дергайся, оторва моя ненаглядная, — почти пропел Исаев и, пристально глядя мне в глаза, медленно, даже как-то показательно осушил стопку коньяка.

Я приуныла.

И черт меня дернул вообще связать с этой сомнительной компанией...

Особенно в той, где наглядно демонстрируют, что на трезвую голову терпеть меня у кого-то нет ни сил, ни возможности, ни желания!

Вот зря я думала, что клуб станет нейтральной зоной. Нехристь явно не из тех, кто легко и просто отступает. Попа усердно чужла неприятности, впрочем, приличное количество алкоголя в крови глушила все сигналы инстинкта самосохранения. А он орал благим матом!

Однако дух противоречия и мелкого пакостника, живущий во мне, срочно требовал большой и страшной мести в адрес вконец охамевшего Исаева. Нет, понять, что нехристь что-то вытворяет, со стороны было невозможно... Да только меня через час уже перекашивало похлеще, чем от реликтового ископаемого с его вечной «заинькой».

Началось с того, что Демьяну, по всей видимости, надоели мои локти, мелькающие перед его сиятельной моськой. В очередной раз выпив и закусив, шатен отодвинулся назад и, не глядя на меня, перехватил мою руку, вытянул ее по своим плечам, а вторую просто пристроил с другой стороны. Я замерла, осознав наконец- то, с кем сейчас пьяненькие обнимашки устраиваю. И что Богдана обнимать мне нравилось куда больше.

— А не боишься, что придушу? — выпустив шею парня из кольца своих рук, сложила лапки на груди, наклонилась и тихо шепнула на ухо ненавистного парня, — Ну, совершенно случайно так!

— Попробуй, — усмехнулся Исаев, даже не повернув головы. А я замерла, выпучив глаза, почувствовав, как по голой поясницы скользнули его пальцы, легонько поглаживая, а

затем коснулись кожи, порывшейся мурашками... под поясом штанов.

— Руки убрал, — тихо прошипела, стараясь сохранить улыбку на лице, больше смахивающую на звериный оскал.

— Спокойно сиди, — послышался смешок. Я скрипнула зубами, но послушно вернула руки на шею антихриста. Ладонь на пояснице замерла.

— Ну ты сука... — протянула, но тут же вынуждена была заткнуться, когда чья-то конечность спустилась на мою пятую точку, — Молчу-молчу.

Исаев довольно усмехнулся, но вернул ладонь обратно. Я заскрипела зубами. Вот же... мститель неуловимый! Да я б лучше по территории универа от него побегала, чем имела сейчас сомнительное счастье терпеть его типа не домогательства! Нашел же, сволочь синеглазая, способ, как обратить вынужденный нейтралитет в свою пользу!

Дико захотелось слезть, наплевав на гордость. Останавливало только осознание, что едва подвыпивший Харлеюшка заметит освободившуюся «заюшку», как официантка сразу же полетит на пол, а меня попытаются заграбастать. Проходили, знаем.

— На коленях у Полонского ты так не дергалась, — пригубив виски с колой из своего стакана, иронично заметила нехристь, так и не глядя на меня. Я замерла. Так вот, где собака-то зарыта...

Ну Богдан, ну спасибочки тебе огромное! Ваши разборки останутся вашими, да? Сча-а-аз. Три раза! У Исаева вон, на почве давней вражды извращенный собственнический инстинкт проснулся. Теперь будет доказывать, что он лучше, а я терпи сиди и сравнивай.

Круто. Я прям в восторге!

— А я блондинов больше люблю, знаешь ли, — на полном серьезе хмыкнула, но тут же выпучила глаза. Ладонь Исаева скользнула под майку, поглаживая и слегка надавливая на каждый позвонок, неторопливо поднимаясь все выше и выше. И при этом смотрел шатен по-прежнему на радостно басившего Харлейя, громогласно вещающего очередную байку из собственной наполненной яркими событиями жизни! Нервно сглотнув, вынуждена была признаться. — Ладно, ладно. С Богданом у нас френдзона, я вблизи него не рефлексую.

— Как любопытно, — ухмыльнулась нехристь, отставляя стакан. Затем он откинулся на спинку, а я вот осталась сидеть ровно, отпустив его шею, банально опасаясь не сдержаться и придушить данную скотину в порыве неконтролируемой страсти, — В моем, значит, рефлексуешь?

И ладонь на бедро так раз, и поползла!

Пришлось снова прислониться к нечестивому, опираясь согнутым локтем на диван. Смотрела я на Демьяна сверху вниз, но поверьте, хозяйкой положения нифига себя не ощущала!

Лапища с серебряной печаткой, к слову, тоже не маленькая, замерла, но не убралась. Наоборот, медленно легонько так сжалась, потом еще раз, ощутимо поглаживая... От меня явно требовали ответа, внимательно наблюдая за реакцией.

Вот не сволочь ли, а?

— А ты не давал повода, дорогой? — подпирая щеку кулаком, ласково пропела, довольно наблюдая, как нехристь вполне ожидаемо перекосило после моих слов.

Ненадолго. Усмехнувшись, это адово создание в человеческом обличье снова потянулось за стаканом, и мне пришлось схватиться за его шею, дабы не навернуться. Исаев снова выпил и неожиданно встал вместе со мной.

Я чуть позорно не взвизгнула, но парень уже уселся обратно. Одна нога согнута в колене

поставлена на диван, вытянутая рука кистью на коленке пристроена, вторая нога так и осталась в первоначальном положении. Удобная такая поза, да? А вот мне, очутившейся посреди нее, совсем ни разу не прикольно!

Плечи зажаты между бедром и грудью Исаева, голова надежно зафиксирована на сгибе локтя, коленки переброшены через его вторую ногу, а левая лапка зажата между телами и трепыхается где-то за спиной. Я дернулась, пытаюсь встать, а нехристь, хмыкнув, перехватил мою правую руку, и вложил в свою ладонь, лежащую на колене, аккуратно возле моего лица.

Ссорян за пафос, но я теперь почти лежала вся такая беззащитная, в полной власти довольно ухмыляющейся звезды всея универа. У него-то вторая рука осталась полностью свободной!

Засада... Подвыпивший народ на нас вряд ли обратит внимание, а вопить благим матом "насилуют!", значит привлечь к себе повышенное внимание крупногабаритной пакости, нежно Харлейчиком именуемой. А он-то не будет столь... тактичен в своих телодвижениях!

— Нехристь, пусти, — сдержать испуганные нотки в голосе не удалось, увы, — Мне это не нравится!

— Предпочла бы на моем месте увидеть Полонского? — равнодушно поинтересовался Исаев и его ладонь уверенно легла на мой живот. Я как-то сразу напряглась, но кого это смутило?

— Тебя на нем переклинило? — с любопытством поинтересовалась и едва не застонала от бессилия, когда кто-то начал выводить узоры на моем животе. Благо хоть поверх одежды!

— Я задал вопрос, — спокойно повторил Исаев и его палец как бы невзначай скользнув по краю майки, едва задев кожу, мигом покрывшуюся мурашками.

Я вздрогнула. Это что еще за нафиг допрос с пристрастием? Мы так не договаривались! Ладно в универе, там я легко пакостью на пакость ответить могу, а сейчас-то мне что прикажете делать?!

— Я б предпочла диван, — скосила глаза на пальцы на своем животе, которые снова приблизились к открытому участку кожи и торопливо поправились, — А если брать конкретную ситуацию, то да, в качестве альтернативы коленкам Харлея, и тем более твоим, я бы предпочла Богдана.

— И почему же? — шатен продолжил допрос с убийственным спокойствием, усмехаясь только краешком губ.

— А он дистанцию соблюдает!

— Да неужели? — иронично хмыкнул Исаев, явно не поверив. Я тактично промолчала, жалея, что нельзя повесить на шею нехристи табличку с красноречиво надписью «идиот обыкновенный».

— Что у тебя с ним? — последовал довольно-таки резкий вопрос. И тут я реально удивилась!

— А тебе-то какое дело?

Горячая ладонь медленно прошлась по обнаженному животу между майкой и штанами. Я со свистом втянула воздух, но сдаваться не собиралась:

— Нехристь не беси меня. Мои отношения с Полонским касаются тебя в последнюю очередь и... а-а-а, все, я поняла, руку убери!

Демьян ухмыльнулся, остановив свою ладонь под моей майкой, которая проворно проползла по животу, чувствительно поглаживая большим и указательным пальцами. Замерла она в опасной близости от края бюстика, слегка касаясь пальцами тонкого кружева.

— Итак, — нехристь растянула губы в предвкушении и подцепила ногтем чашечку бюстгальтера, совсем так тонко намекая, что молчать не в моих интересах. Я чуть не вздрогнула, чувствуя, как по позвоночнику протопало стадо мурашек, а лицо начинает пылать и причина тому отнюдь не ударивший в голову алкоголь. — Спрашиваю последний раз. Что у тебя с Полонским, оторва моя рыжая?

— Большая и чистая любовь! — всё-таки не сдержавшись, ляпнула я.

Ну не верилось мне, что нехристь может далеко зайти, честно! Я ж бюджетница, его личная головная боль, позор всей его жизни, вечно раздражающий фактор и существо, смеющееся покуситься на его честь и достоинство. Ну не мог он посмотреть на меня, как на женщину, не мог! Даже в таком скользком деле, как добыча ценной информации. Запугать, унижить, заставить силой — это да, это в духе Исаева.

А вот распускать руки, да еще так... волнительно, ни каким образом не вписывается в картину наших с ним «пылких» отношений! Абсолютно!

Но...

Когда на мою грудь под майкой легла горячая ладонь и слегка ее сжала, у меня помутнело в глазах. По плечам пробежался ток, где-то внизу живота потеплело, и я задохнулась, закосив губу, понимая, что ни черта я не разбираюсь в таких людях, как наследник крупной корпорации.

Его логика, по-моему, зигзагами передвигалась по пустой голове, но самое обидное, что мое подвыпившее тело реагировало на прикосновение нехристи так, как совершенно не должно было быть!

Египетская сила... Я же завтра со стыда сгорю!

— Значит, краснеть ты все-таки умеешь, — довольно протянул Демьян, медленно опуская руку ниже. Я вспыхнула еще сильнее, понимая, что моя реакция не стала для него большой тайной. Что неудивительно — сердце колотилось в груди, как бешеное!

— Гад, козел и сволочь, — упрямо глядя парню в глаза, негромко припечатала. — Руку убери!

— Я все еще надеюсь получить ответ на свой вопрос, — я наконец-то узнала, как на самом деле выглядит улыбка настоящего дьявола во плоти, когда Исаев якобы задумчиво протянул, просовывая кончики пальцев под чашечку бюстика, — Или нет...

— Да друзья мы с Богданом, — не выдержав, чертыхнулась я, дергая ладошкой руки, которую шатен удерживал за запястье. — Доволен?

— Дай подумать, — произнес Исаев, но руку из-под майки все-таки вытащил. Побарабанил по моему животу пальцами, но не успела я вздохнуть с облегчением, как нехристь, по-моему решила меня добить. — Нет!

— Да ты издеваешься! — натурально взвыла я, дернув ногами от бессилия.

— Только поняла? — насмешливо парировала звезданутая звезда нашего ВУЗа. Во всю голову звезданутая, не иначе!

— Суп закажу, — мрачно пообещала я, — С морепродуктами!

— Ладно, — неожиданно легко согласился мой визави и отпустил мое запястье. Даже расслабился, позволяя мне встать... И я торопливо села, оглядываясь по сторонам, радуясь нежданно полученной свободе. Но, как оказалось, нельзя танцевать победную румбу, пока не убедишься, что твой соперник по-настоящему сдох и не притворяется. По комнате разнесся громкий, ленивый зов. — Харлей!

— Аюшки? — радостно отозвалось воплощение настоящего brutального очарования,

отрываясь от лобзания несчастной официантки. Хотя почему несчастной?

Рот приоткрывается, как у рыбки, глаза осоловевшие, пуговики на блузке расстегнуты, ручки дрожат, губки пересохшие облизывает...

Но довольная-то, довольная! Конечно, когда на тебя обращает столь пристальное... эм-м-м... внимание сто килограмм литых мышц и столько же дури, волей неволей обалдеешь. Особенно когда этот маньяк слегка небрит, слегка нетрезв, неприлично богат, в меру красив, да и вообще твой непосредственный начальник.

Харлею на шею бабы сами вешаются, сопротивляясь лишь для вида. И только я исправно посылаю его в далекое увлекательное путешествие по значным местам, колошматя по рыжей головушке тяжелыми спиртосодержащими бутылками.

И от своих принципов отказываться не собираюсь!

Я торопливо откинулась обратно на Исаева и испуганно в него вжалась. Перспективка на будущее, конечно, не очень, но лучше уж аккуратно распускающая руки нехристь, чем беспардонно тянущий лапищи динозавр юрского периода!

Смерив меня многозначительным, даже каким-то довольным взглядом, Исаев хмыкнул и повернул голову:

— Наливай, говорю, хватит прохлаждаться!

— Да легко! — радостно пробасил рыжебород. Конечно, когда он лишней рюмки отказывался?

Выпили, перекинулись парой фраз, а я в самом мрачном расположении духа сложила лапки под грудь. Дождавшись, когда шатен изволит обратить свое величественное внимание на мою скромную персону, саркастично поинтересовалась:

— Покурить-то хоть можно, о великий господин?

— Можно, — хмыкнул Исаев и действительно не стал меня удерживать, когда я села. Скинула ноги с его ног, развернулась, добила залпом пол стакана сидра, и только потом закурила, не обращая внимания на ощущение взгляда, прожигającego спину.

— Дырку протрешь, — спустя какое-то время недовольно буркнула, передернув плечами.

— Я жду, — зачем-то напомнили мне.

— Ну жди, — хмыкнула, машинально замечая, что в принципе-то парней, сидящих сбоку, почти не осталось и, если я сейчас быстро смоюсь, поймать меня вряд ли успеют. А там можно махнуть всем на прощание, да резво поскакать на первый этаж...

Не успела. Как только окурок оказался в пепельнице, меня тут же дернули обратно. От удара спиной о крепкую грудь сбилось дыхание, а на талии железным концом сомкнулись руки, давая понять, что сегодня мне отмазаться от любителей коленных посиделок вряд ли удастся.

И это начинало порядком раздражать.

— Исаев, ты меня бесишь, — рыкнула я, сжимая зубы, — Отпусти!

— Не рефлексуй, рыжая, — насмешливо посоветовали мне. — Я не кусаюсь!

— Да мне пофиг! — я уже откровенно психанула, устав от постоянного внимания и стычек с этим шатеном. — Ты мне просто неприятен, понял? Убери, наконец, свои ласты, пингвин необразованный!

«Ласты» сжались, намекая, что я перегнула палку. Да и сам парень, сидящий позади меня как-то слишком напрягся и застыл.

Не сразу до меня дошло, что ляпнула явно лишнего, и что кому-то могло стать вполне

фиолетово, что я как бы «своя» среди рокеров, что они одноклассники и будущие партнеры по бизнесу, акционеры и другие важные шишки. Я нетривиально послала наследника GRT-групп, совершенно подзабыв о нашем с ним прошлом опыте общения... И сейчас вполне обосновано могла огрести за все и сразу!

— Народ! — неожиданно в комнату ввалился запыхавшийся Сашка, — Там драка!

— И чё? — удивленно вскинул брови Харлей. — У нас охраны нет, что ли?

— Э-м-м... — протянул Санек явно сбитый с толку реакцией бородача, — Ну как бы есть.

— Вот пускай и разбираются, — добавил невозмутимый Михась, не видя совершенно никакой проблемы.

— Да, но... — Сашка снова попытался воззвать к голосу совести и разума своих нетрезвых друзей.

— Никаких «но», — выставил ладонь мой сосед, — Мы договаривались.

— Бл*, там Олег! — взорвался на тугодумных товарищей наш Сашка.

— Ёбушки-воробушки! — выдал ошарашенный Харлей.

Пять секунд шума, звона падающих приборов, опрокинутых стаканов, топот ног и комната полностью опустела.

Я тоже встала. Олечку я знаю достаточно хорошо и точно могу сказать, что данный человек просто так, тем более первый, в драку не полезет. Прямо даже интересно, во что мил дружочек умудрился вляпаться, да еще и в «Максимусе», который считается нейтральной территорией для всех без исключения рокеров, байкеров, нефоров и других не менее чокнутых групп местного населения.

— Мы не закончили, — раздалось сзади и, к моему полному офигенению, меня дернули за руку, разворачивая. Я, естественно, возмутилась и попробовала попинаться ради разнообразия... Но тут же оказалась лежащей на диване, с прижатыми к нему запястьями по обе стороны от головы. Раздвинув мои бедра коленом, сверху удобно устроился шатен, чье лицо вдруг остановилось в опасной близости от моей вытянувшейся моськи.

Я обалдела?.. Ничего подобного! Я просто тихо охренела от такого обращения

— Исаев, вот сейчас ты меня реально пугаешь, — машинально облизнув пересохшие губы, с трудом из себя выдавила, чувствуя... замечая... Короче, самым неприличным своим местом ощущая красноречивое свидетельство внезапно вспыхнувшего желания парня. И на сей раз я была точно уверена, что у него там не ключи в кармане!

— Да неужели? — как-то слишком спокойно отозвался Демьян. Усмехнувшись, он наклонился еще ниже, к самым моим губам, с очень ярко выраженным намерением... Не выдержав, я отвернула голову, чувствуя, как невыносимо пылают щеки. Да он сегодня с ума сошел, что ли?!

— Ты ж на кости не введешься, — процедила сквозь зубы, вяло трепыхая пальцами на плененных руках, тщетно пытаясь достучаться до зачатков разума в башке главной звезданутости нашего университета.

— Возможно, — со смешком ответили мне и легонько прикусили мочку уха. У меня звезды перед глазами вспыхнули!

— Ты меня ненавидишь! — попыталась повторно напомнить о настоящем положении вещей, чувствуя, как губы нехристи прижались к чувствительной точке под ухом, и у меня от недвусмысленной позы и чьих-то далеко не робких поползновений напрягаются мышцы внизу живота, выдавая истинное отношение моего тела к происходящему.

— Возможно, — снова хриплый смешок и губы скользнули по моей шее вниз, прокладывая дорожку поцелуев, от которых меня чуток трянуло.

— Я бюджетница и оторва, — еще раз напомнила, но вышло неубедительно. Губы отметились на ключице, уверенно опускаясь все ниже и ниже...

— Я знаю, — кажется, теперь Исаева данный вопрос несколько не волновал. Он продолжал вершить свое черное дело с непоколебимой уверенностью опытного змея-искусителя, а я, с трудом сдерживая стон и желание выгнуться, горько сожалела о том, что не додумалась никого изнасиловать накануне.

Чертовы гормоны, я вам это предательство еще припомню!

— Я сегодня вылила на тебя тарелку супа... — прозвучало совсем уж обреченно.

— И? — издевательский смешок и теплое дыхание пощекотало кожу на груди по вырезу майки.

— Да ты пьян!.. — внезапное осознание вырвалось тихим стоном, когда видневшуюся в глубоком декольте часть груди слегка прикусили. Однако закономерной реакцией на это стало не еще большее возбуждение, а остро вспыхнувшая в душе лютая ненависть.

Ну, конечно же, как я разу-то не догадалась!..

Внезапно Исаев замер. Почти даже окаменел. А потом, к моему вящему удивлению, резко отпустил мои руки и встал, делая шаг назад, не сводя с моей груди напряженного взгляда.

Я быстро вскочила, зло одергивая майку, чувствуя, как невозможно пылают щеки и бешено колотится сердце об ребра. И попробуй угадай, то ли от ярости, то ли от возбуждения.

— Что, дошло, наконец? — саркастично хмыкнула, не выдержав тяжелого взгляда шатена. Подцепила чью-то стопку с коньяком, опрокинула в себя содержимое и, поморщившись, уверенно прошла мимо застывшей каменной статуей Демьяна, бросив напоследок краткое, но емкое. — Придурок.

Впервые в жизни мне хотелось расколотить содержимое всего бара не о буйную головушку Харлея.

Впервые за все время Демьян был согласен с краткой характеристикой главной оторвы всего университета.

Четырехнувшись, шатен залпом осушил стакан с разбавленным виски и, опустившись на диван, где только что лежала рыжая, закурил, с отвращением отшвырнув от себя полупустую пачку сигарет.

Банальное желание досадить рыжей, заставив ее почувствовать себя неловко, сидя на его коленях, неожиданно переросло во что-то другое. Слишком сильно она реагировала на его присутствие и, хотя причина такому поведению была яснее ясного, Исаева она откровенно раздражала. Сидя на Полонском, рыжая почему-то не тряслась и совсем наоборот, чувствовала себя вполне спокойно и уверенно, заронив вполне обоснованные подозрения, что между ними что-то было.

Инстинкт, требующий выявить слабые места давнего соперника и заполучить предмет его интереса, доказав собственное превосходство, проявил себя во всей красе.

И к немалому раздражению своего владельца показал, что рыжая в его руках почти не сопротивляется исключительно из-за возможной перспективы оказаться в объятиях развязного рокера, а глаза блестят от неприязни уже лично к нему, нежели от огонька тщательно скрываемого удовольствия.

И все же поиграть в допрос с пристрастием оказалось довольно интересно.

Однако парень не учел одного, а именно некоторые особенности своего организма, который сначала проходил долгий процесс акклиматизации, а после вынужден был бороться с неприятным, но банальным вирусом гриппа. И теперь, получив ударную дозу алкоголя, а вдобавок к нему беспомощную «жертву», опалевшую от такого беспредела, отреагировал весьма недвусмысленным образом.

Физиология, что б ее!

Признаваясь самому себе, Исаев понимал, что его слегка повело. Удержаться, когда Солнцева ему откровенно нахамила, после того как выдала собственное охватившее ее возбуждение, не представлялось возможным.

И черт знает, как далеко бы все зашло, не наткнись он взглядом на синяки, оставшиеся на ее груди после своевольного поведения Вадима Хотарского. И ведь главное, Исаев сегодня сам врезал сокурснику, увидев, что тот распустил руки, пользуясь собственным превосходством. У Демьяна был договор с Липницким и шатен на полном серьезе собирался его соблюдать. Игорь согласился не вмешиваться в их с рыжей разборку только при одном условии — не переходить границы. Впрочем, доходить до откровенного насилия или членовредительства Исаев все равно никогда не собирался, потому-то и дал согласие. Его устраивало противостояние с Солнцевой таким, какое оно есть.

Уважение и страх, конечно, хорошие качества для окружающих, но, к сожалению, быстро приедаются. Рыжая, с ее полным отсутствием тормозов, стала своеобразным глотком свежего воздуха, и со временем Демьян стал находить в происходящем какое-то мазохистское удовлетворение.

Однако сейчас палку все-таки перегнул.

Мысленно сравнение себя с однокурсником, имеющий репутацию озабоченного животного, фактически заставило Демьяна отпрыгнуть от рыжей. К несчастью, причину

такого поведения любимая «зайка» Харлея не поняла и явно оскорбилась.

Да что там...

Демьян хмыкнул, выпуская в потолок струйку дыма.

Вот теперь рыжая оторва его действительно ненавидела!

Недовольно поморщившись, Исаев затушил окурок и поднялся, услышав чей-то визг из коридора.

Банда Харлея сформировалась много лет назад и с тех пор состав почти не изменился. Демьян знал всех поименно, предпочитая сохранять нейтральные дружеские отношения, нежели враждовать. В конце концов, никто из не являлся обычным хамлом с улицы и любителем выпить на халяву. Именно эти почитатели старых мотоциклов и тяжелого рока имели за спиной немалое финансовое состояние и приличный вес в высшем обществе. Хотя с виду и не скажешь.

И потому, причина, по которой всегда спокойный Олег Верещагин решил ввязаться в драку, стала неожиданной загадкой, требующей скорейшего выяснения.

Второй этаж клуба представлял собой нагромождение комнат, кальянных, банкетных залов, бильярдных и кабинок, разбросанных в некотором подобии лабиринта. Что курил архитектор при создании данной планировки, Алехин тактично умалчивал, но, как ни странно, его личный проект имел бешеную популярность и органично вписывался в общую стилистику клуба.

Исаеву не пришлось долго плутать — эпицентр событий обнаружился в ближайшем широком коридоре, где уже собралась внушительная толпа случайных и не очень свидетелей. В одном конце рвался на свободу незнакомый парень в ярко-желтой рубашки с короткими рукавами, надежно удерживаемый на месте посмеивающимся Харлеем. Перед зачинщиком драки, судя по его разукрашенному лицу, стоял Михаил, что-то объясняющий, но, как казалось, безуспешно.

Посреди коридора жалась к стеночке испуганная маленькая официанточка, послужившая, скорее всего, яблоком раздора между подвыпившими посетителями. А в другом конце...

Демьян выругался.

У рыжей точно инстинкт самосохранения отсутствовал, как таковой!

Взбешенный Верещагин рвался с места и его друзьям, Женьке и Никите стоило больших трудов удерживать его на месте. Вывалившиеся из комнат клиенты клуба с интересом наблюдали за развернувшейся перед ними представлением, и только Солнцевой могло прийти в голову в него вмешаться!

В том, что перед Олегом стояла действительно местная оторва, Исаев ни капли не сомневался, уж слишком ярко выделялась копна длинных растрепанных волос на фоне маечки насыщенного голубого цвета и камуфляжных широких штанов, в непривычных глазу голубых, синих, серых и белых пятнах.

Девушка толиво что-то выговаривала, но внимание Олега было рассредоточенным, его взгляд метался от ее лица к оппоненту на другом конце коридора. Периодически ярость снова накрывала Верещагина и он резко дергался, пытаясь освободиться.

Повторно выругавшись, Демьян стал пробираться через толпу, чувствуя невыносимое желание закинуть кое-кого на плечо, утащить подальше и банально выпороть, чтобы впредь думала, куда ей стоит лезть, а куда нет! Парень не мог не заметить покровительственного отношения Алехина и остальной банды, слишком уж их поведение бросалось в глаза. Но

одно дело иметь такие знакомства, а другое влезать в драку подвыпивших мужиков, которые в порыве злости сметут преграду, даже не заметив ее, и только потом поинтересуются, кто, собственно, под раздачу умудрился попасть. И то не факт, что вспомнят.

— Черт, Харлей, да убери ты его отсюда! — когда Исаев оказался уже неподалеку, раздался выкрик рыжей, долетевший сквозь громкую музыку.

Шатен обернулся. Пожав плечами, глава банды легко схватил парня за предплечья, поднял над полом и просто вынес из коридора фактор, заметно раздражающий Верещагина. Самого же Олега Солнцева схватила за лицо ладошками и, заставив наклониться, что-то быстро ему шептала, смотря прямо в глаза.

Исаев со своего места видел, как постепенно расслабляется тело взбешенного рокера. Вот он слегка дернул плечами, давая ребятам знак, чтобы его отпустили... А затем, запустив ладонь в волосы рыжей, рывком притянул ее к себе и впился в ее губы.

Самолюбие Демьяна было задето, как никогда. Только что Анька, имея она на то возможность, драпала бы от него так, что пятки сверкали бы, а сейчас совершенно спокойно стояла, принимая поцелуй, пристроив свои ладони на широкой груди брюнета.

Не сразу Исаев заметил, что на самом деле Солнцева не отвечает, а просто ждет, прикрыв глаза. И только когда Верещагин, оторвавшись от губ ходячей неприятности, рассеяно провел ладонью по ее щеке, девушка невозмутимо поинтересовалась:

— Полегчало?

Олег кивнул... и тут же словил сильный удар коленом в живот.

Не ожидавший подвоха парень согнулся пополам, хватая ртом воздух, а рыжая краса, задрвав подбородок, гордо прошествовала мимо радостно гогочущих рокеров и недоуменных завсегдатаев клуба, и скрылась за знакомой дверью. И только тогда Исаева, наконец, отпустило.

Покачав головой, парень направился туда же, сливаясь с потоком людей, разбредающих по своим делам, громко обсуждая произошедшее. Он, наконец-то, понял, почему Солнцева стала «своей» среди рокеров. Да они же просто балдели от ее выходов!

Как ни странно, местная атаманша появилась в закрытом кабинете позже всех. Мрачно оглядев рассаживающихся парней, она едва заметно поморщилась, но последовала к месту, что занимала ранее, рядом с Демьяном. И, скорее всего, не по собственному желанию, а от отсутствия выбора. Ширина стола не позволяла перегнуться через него, чтобы забрать забытую пачку сигарет и зажигалку, к тому же, на спинке дивана осталась лежать ее куртка.

Каким-то внутренним чутьем Исаев понимал, что рыжая не останется в клубе, скорее всего заберет вещи и отправится домой. Однако не успела рыжая дойти, как сидящий рядом Олег, отсвечивающий рассеченной бровью, ухватил девушку за руку и заставил упасть на диван между собой и Демьяном.

Солнце в восторге явно не прибывала.

— Чего хочу? — поинтересовалась она у рокера, пытающегося сдержать виноватую, и в тоже время бесшабашную улыбку. Короткий инцидент никак не повлиял на настроение банды Харлея, разве что Алехин немного растерял приподнятый настрой, явно обдумывая произошедшее.

— Ань, прости, — улыбнулся Олег, аккуратно поглаживая сжатый кулак Солнцевой, — Серьезно.

— Канарейку подарю, — неожиданно хмыкнула рыжая, но было видно, как ее отпустила злость, — А лучше две.

— Чудовище, — поморщился Олег, отодвигаясь на всякий случай. Мельком взглянув на часы, висевшие над выходом, уже спокойно поинтересовался. — Ань, тебе домой не пора?

— А? — вскинула брови рыжая и, уставившись на стрелки, замершие на цифре два, ругнулась. — Да ёп твою ж за ногу! Я завтра не встану!

— Такси вызвать? — спросил Верещагин, протягивая руку за лежащим на столе мобильником, но девушка его остановила, придержав за широкий запястьник со знаком анархии.

— Не, погодь. Ща до Лександровича доковыряюсь, а уже потом ноги сделаю, — пояснила Солнцева и громко позвала, — Мих!

— А? — отозвался хмурый Алёхин, поднимая уставший взгляд на девушку.

— Дело есть! — радостно заявила оторва всяя университета и личная головная боль Демьяна Исаева, который из происходящего не понимал почти ничего, к своему огромному неудовлетворению.

— Нет, — откликнулся Михаил и снова опустил голову, разглядывая пепельницу, пустующую перед ним. Впрочем, его брови удивленно поползли вверх, когда пепельница неожиданно исчезла, а вместо нее тонкие пальчики проворно выставили уже знакомый кофейный стакан и тарелку с канапе. Подавшая все это официантка, та самая, из-за которой произошла драка в коридоре, робко улыбнулась и поспешила скрыться, бросив напоследок благодарный взгляд в сторону Олега и Анны.

Верещагин не отреагировал, а вот рыжая подмигнула и, сложив руки на краю стола, мило протянула:

— Ну, Миха-а-а...

— Чего тебе надо, чудище рыжее? — не притронувшись к принесенному, владелец клуба откинулся на спинку дивана, складывая руки на груди. Выглядел он, мягко говоря, недовольным.

А вот развалившийся в углу Харлей наоборот, внимательно следил за разговором, пряча широкую ухмылку за стаканом виски.

— Клуб, — старательно сияя улыбкой, выдало «чудище» и уточнила, — Твой. На следующей неделе.

— Ань, если Красновой снова нужен договор аренды для мероприятий, пускай она сама приезжает! — усмехнулся Михаил. Покосившись взглядом на стакан перед ним, Алехин ругнулся, но горячий напиток все-таки пригубил.

— Ну Мишутик, — тут же заныла рыжая. — Ну, Мишулик. Ну, Мишутенька!

— Да хоть Михуил, — хмыкнул Алехин. Харлей в углу, не выдержав, хрюкнул, Исаев едва не подавился минералкой, а остальные байкеры радостно заржали. Судя по всему, подобный разговор происходил далеко не впервые.

— Мишенька-а-а, — внезапно протянула Солнцева с многозначительной улыбкой. «Мишеньку» передернуло, но девушка добила его приторным до невозможности голоском. — Ты не посмеешь отказать своей невесте!

Исаев коньяком все-таки подавился. И не он один — дорогой алкоголь фонтаном брызнул во все стороны, попав выдавшим виды рокером не в то горло. Судя по реакции, они шокирующую новость слышали впервые!

— Чего? — недоуменно пробасил Харлей, принимая вертикальное положение. — Мих, тебе чего, жить надоело?

— Ну, спасибо, Харлеюшка, — складывая переплетенные пальцы под подбородком,

ласково прокомментировала рыжая неприятность. Покосившись на тоскливо вздохнувшего «жениха» она удивленно вскинула брови. — Так они не в курсе, что ли?

— Вы... — переводя взгляд с Аньки на пытающегося сдержать смех Алехина, оторопело поинтересовался Верещагин, видимо осознав, к кому именно недавно полез с поцелуями. — Когда успели-то?

— Мих, ты чего реально им ничего не рассказал? — не выдержав, расхохоталась рыжая.

— Не рассказал что?! — не выдержал ничего не понимающий Харлей. Судя по его лицу, он явно находился в последней стадии охречения.

Солнцева скорчила умильную мордашку, с надеждой глядя на Лександрыча. Тот только рукой махнул, добродушно усмехнувшись и пододвигая к себе остывающий кофе:

— Черт с тобой, рассказывай. Все равно теперь не отстанут.

— Ладушки! — радостно воскликнула рыжая оторва, в предвкушении потирая ладони.

Демьян откинулся на диван, с силой сжимая в ладони стакан. Почему-то именно он, как никто другой с огромным нетерпением ожидал начала поистине занимательного повествования.

Солнцева его не разочаровала. И не его одного — уже буквально через полчаса в небольшом помещении от смеха лежали все!

Начала рыжая рассказ, естественно, в своей обычной непередаваемо ехидной манере:

— Сижу я, значит, как-то вечером на работе, кофечком балуюсь, да примус починяю... ну, то есть ведомость заполнить для любимого начальства. Ну, типа, кто из клиентов был, что заказал, сколько отдал и все такое. Смотрю, бригада-то моя на часики нервно косится, да линять потихоньку начинает: кто в магазин, кто в столовую, кто на долгий перекур, а кого, пардон, приступ энуреза в туалете настиг... групповой. Я на время-то глянула и пошла искать заначку шефа, у него всегда в сейфа бутылка-другая припрятана. Ну, вдруг к нему кто важный пожалует! Ну или ко мне Харлей и Ко заглянут.

— Заинька, — укоризненно пробасил тот, который не Ко.

— Чего заинька? — ехидно передразнила Солнцева, смотря в сторону валяющегося байкера. Присутствие Демьяна возле себя девушка словно и не замечала вовсе, что самого Исаева заметно задело. — Кто виноват, что при вашем появлении у всей моей бригада инфаркт миокарда и инсульт миосульда случается? Молчишь? Во-о- от! И не надо мне тут говорить, что они хиленькие — психика у них крепкая, четвертый год со мной работают!

Олег прыснул, за что тут уже получил многозначительный взгляд рыжей, как раз сунувшей сигарету в зубы. Парень поспешил исправиться, протянув зажигалку.

— Ну дык вот, — затянувшись, как не в чем ни бывало продолжила Анька. — Я валерьянки для верности тяпнула, работников с хрупкой ранимой психикой по углам попрятала, сижу, значит, жду... Смотрю, клиенты мои постоянные и горячо любимые опаздывать изволят. Я уж даже беспокоится начала: а вдруг там кто Харлейчика моего вперед меня кокнуть успел? И тут открывается дверь... Я, значит, встаю... и тут же падаю обратно! В админку Алехин заваливает. Вот честно, я его сразу и не признала, думала, клон какой-то башкой стукнулся и дверью ошибся. Присмотрелась, а нифига, вот же он, рокер мой родименький! Только странный какой-то. Волосики прилизанные, очечи классические на глазках смущенных, свитерок такой белый, гламурненький, брючки отглаженные, туфельки чистенькие... Стоит, значит, очи свои зелененькие скромно потупил и с ноги на ногу переминается.

— Ты чё, перекурил тогда? — округлив глаза, присвистнул обалдевший Харлей.

Остальные тоже представили Алехина в таком виде и, переглянувшись, дружно потянулись за выпивкой. Странное видение, сочно описанное улыбающейся рыжей, нужно было как-то уложить в голове.

— Я тож тогда так подумала, — хихикнула Солнцева, помешивая трубочкой лед в высоком бокале. Недавно девушка с любимого сидра перескочила на ледяной мохито и, как ни странно, стала выглядеть куда бодрее. — И чуть было не ляпнула, где он гордость рокерскую свою посеял и на кой хрен вообще свой «Хаммер» пропил... Смотрю, а бровки-то у Мишаньки прыгают, веко дергается, руки потрясываются, моська перекошенная — сигнализирует, значит, что б моя светлось язык за зубами держала.

— А это вообще возможно? — тихо прыснул в кулак Олег, за что получил хороший тычок под ребра.

— Но-но-но! — погрозила пальчиком рыжая. — Молчать я умею! Вы ж до сих пор не знали, какие тесные на самом деле отношения связывают меня с этим вечно спящим существом! Короче, я тогда замолкла, на пятую точку плюхнулась. И тут по плечу Мишкиному ноготочки такие красивые постучали, в сторонку его отодвинули и перед моим взором предстала она... Незабываемая Алехина Надежда Станиславовна во всей своей эпатажной красоте!

Исаев оценил хохот, раздавшийся со всех сторон. С бабушкой Алехина он пересекался ни раз, и о негибавом характере женщины, предпочитающей в одежде величественный стиль британской королевы, знал не понаслышке. Описание непривычного вида Лександрыча внезапно обрело смысл.

— Ек макарёк! — почесал в затылке Харлей, так же имевший сомнительную честь попасть под тяжелую ручку властной дамы, родственницы его соучредителя. Хлебнув для успокоения, Харлей недоуменно выдал. — Зайч, а ты как вообще выжила-то?

— Тыщ, — фыркнула рыжая невозмутимость. — Небритус хариус, ежели тебя я матом посылаю и перевожу на твою макушку драгоценную высокоградусную жидкость, сие совсем не значит, что я с почтенными старушками кулюторно разговаривать не умею!

— Короче, это чудище моей бабушке приглянулось, — пояснил Алехин, развалившийся на диване и пребывающей в самом блаженном расположении духа.

— Та от нее в бешеном восторге осталась.

— Ага, — подтвердила Солнцева — И с тех пор понесли сандалии Митю... Ну, в смысле Мишку, и не сандалии, а грозный бабулек. Я замучалась давить хохот, когда в одну мою смену на мойку заваливалась вся бригада с радостно ржущим Харлеей и развязным Лександрычем, на пару часов забивая админку своими телесами, а бокс «Хаммерами» и «Бэхами». А ровно через двое суток объявлялся тихий, скромный, обходительный Мишенька на классическом «Бентли», под локоток с очаровательной старушкой!

Рокеры попадали кто куда, давась от несдерживаемого хохота.

— Та ла-а-адно, — оглядев реакцию парней, протянула университетская оторва. — Я б, конечно, покорежилась еще пару недель в предсмертных судорогах, но потом привыкла. Если б не одно но: бабушка Лександрыча нас сватать взялась! Не, я за Миху, конечно горой, а за его репутацию вообще последние валенки продам, но встречаться с этим двойным агентом? Да боже упаси!

— Почему двойным? — поинтересовался умирающий от смеху Верещагин.

— Не, а ты что думал, на него временное помутнение тогда накатило? Фигушки! Как мне потом сообщили под пытками, неробкая бабуля-то о тайной жизни своего внука не в

курсе. Прикиньте, она вообще не подозревает, что тот на страшном монстре ездит, с не менее страшным монстром сомнительную дружбу водит, в тряпье ужасное одевается и песенки похабного содержания слушает! Серьезно, ребят, Мишутка в ее представлении тихий скромный мальчик, примерный студент, гений архитектурной мысли! Умница, красавец, не пьет, не курит, с сомнительными компаниями дружбу не водит!

«Сомнительная компания» поржала в полном составе, по достоинству оценив двойную жизнь улыбающегося Алехина.

— Рыж, а она чё, реально тебе его сватала что ли? — пробасил Харлей, явно не ожидавший такого поворота событий.

— Реально? — вскинула брови Солнцева. — Шутить изволите, моська небритая? Да она мне каждый раз соловьем изливалась, в красках расписывая, какой у нее замечательный мальчик, как дивно мы с ним друг другу подходим, и какие у нас славные детки будут!

— А она, случаем, больше ничего тебе не описывала, не? — многозначительно хрюкнул Харлей, которого банда поддержала радостным подвыванием и косыми взглядами в сторону застонавшего от унижения Михаила.

— Описывала? — иронично протянула местная оторва. — Харлеюшка, да она мне всю его подноготную выдала! Включая точный размер его достоинства, справку об отсутствии болячек, подробное описание и список его любимых поз и твердые заверения, что ее ненаглядный внучок вообще еще девственник!

Комната сотряслась до основания, содрогаясь от несдерживаемого гогота. Полегли абсолютно все!

Исаев тихо стонал, откинувшись на спинку, Олег наоборот, уткнулся лицом в стол, чудом промазав мимо тарелки с остывшим шашлыком. Остальные парни подвывали уже откуда-то из-под столов, а Харлей, свалившись на диван, громко ржал, дрыгая ногами. Официантки торопливо выскочили в коридор и закатывались уже там, тихо сползая по стенам, а красный, как вареный рак Михаил, медленно раскуривал сигарету. И среди всего этого за столом невозмутимо сидела рыжая рассказчица, потягивая свой мохито, поглядывая на катающийся рокеров, довольная по самую маковку произведенным эффектом.

— Ну и... — заикаясь, кое-как спросил рыжебородый, с трудом пытаясь подняться. — Как оно там?

— Харлей! — треснул кулаком по столу пунцовый до невозможности Алехин.

— А ты свои данные дай, сравним, — невинно похлопала глазками неугомонная рыжая ехидность.

Рокеры грохнулись повторно!

— Чудище, — простонал Михаил, роняя руки на стол и голову на них. — И угораздило же мне с тобой связаться!

— Сам виноват, — невозмутимо фыркнула Солнцева. — Я от твоей бабульки отмазывалась, как могла. Вот честно, ребяташечки, мне это еженедельное сватовство уже поперек горла встало. Я уже и так и эдак отрецивалась, в душе проклиная собственную культурность. Ну, один раз, правда, не выдержала и ляпнула, мол, на кой вам такая невестка? Сутками пашет, фамилии звучной не имеет и вообще... Короче, безродная, бездомная и ни на что негодная!

— Бездомная? — удивился Олег. У Исаева брови против воли поползли вверх.

— Утрирую, — отмахнулась девушка, — У меня тогда проблемы были с жильем, пришлось в срочном порядке новую квартиру искать. Кто ж знал, что Надежда

Станиславовна наоборот обрадуется? Как там было-то... «Ох, Мишенька, а ведь у Захаровны как раз квартирка-то пустует! Ты знаешь, я с ней сегодня свяжусь, будет у тебя, Анечка, жильё хорошее. И у Мишеньки под боком жить будешь, глядишь, у вас все и наладится-то!». Тьфу, блин. У меня тогда глаза из орбит повылезали, А Мишенька этот...

Рыжая не закончила, махнув рукой и присосалась через трубочку к коктейлю. За нее ситуацию пояснил переставший краснеть владелец клуба:

— У меня за стенкой квартира несколько лет пустовала. Кому попало бабушкина знакомая ее сдавать не хотела, но чудище это по протекции заселила. Анька когда узнала, что бабулька моя не шутит, полчаса нервно заикалась. Кое-как уговорил.

— Точно, — подтвердила рыжая и прыснула. — Лапки умоляюще сложил, глазенки щенячьи вытаращил, губу дрожащую закусил и ходит кругами, жалобно поскуливает. Говорит, мол, соглашусь на сию сомнительную авантюру, тогда бабусек его ко мне на работу таскать перестанет. Перестала, ага... Думает теперь, что у нас с соседкой роман бурный и секс потрясный. А мы оба по ночам на работе кукуем, а потом с красными глазами влюбленную парочку у Станиславовны в гостях изображаем. Красотень, блин!

— Ты могла не соглашаться, — заметил Алехин, постукивая пальцами по столу, пряча улыбку.

— О да, — хохотнула рыжая. — Лександрыч, ты до меня, помнится, от прежнего сватовства тоже отказывался. И как, помогло?

— А что за сватовство? — впервые за все время вмешался в разговор Демьян. И заметил, как забывшая о его присутствии оторва заметно вздрогнула. Мишка только рукой махнул, мол, не спрашивай.

— Михась, — неожиданно медленно и со скрываемым смехом спросила ходячей кладезь сарказма и шуточек. — Та они чего, не в курсе, как тебя с представителем нетрадиционной сексуальной ориентации сдружить пытались?

— Чё? — насилу выдавил из себя Харлей, плюхаясь на пятую точку, глядя на сморщившегося друга абсолютно круглыми, осоловевшими глазами. — Ми-и-их?

— А-а-а, я не могу, — застонав, Анька улеглась прямо на стол, икая от смеха. — Михась, надо было сразу соглашаться на аренду клуба. Твоя репутация сегодня скочевряжится в адских муках!

— Чудище, — мрачно отозвался Алехин. — Несносное, невыносимое, неблагодарное рыжее чудище!

— Сказал человек, что довел своего воздыхателя до самоубийства, — тихо хрюкнула Солнцева.

— Ну, Ми-и-иха, — с укором протянул Харлей, качая головой.

— Да не я это! — взорвался владелец клуба, — Я тут совершенно не причем!

— Так вот как ты оказалась в квартире Станислава Зырянова, — послышался смешок. Резко повернувшись, Исаев почувствовал, как руки сами по себе сжались кулаки. Возле выхода, подпирая стенку спиной, сложив руки на груди, стоял вернувшийся Богдан Полонский.

Совершенно некстати вернувшийся.

— Точно, кэп, — щелкнула пальцами рыжая, заметно обрадовавшаяся его появлению. Покрутив в руках пачку сигарет, вытряхнула из нее последнюю и, прикурив, задумчиво постучала пальцами по подбородку. — Хотя там больше грустно, чем весело. Так, ну что, народ, сказку на ночь заказывали?

Народ охотно согласился. Еще бы! Они за этот вечер о Лександрыче узнали больше, чем за все годы общения!

— Короче, жили-были два милых маленьких мальчика, — тоном опытного сказочника завела Солнцева. — Одного звали Стасик, а второго Мишутик. Мих, не кривись, твоя бабулька раскололась, что вас только так и называли, когда вы оба на соседних горшках сидели. Она, говорит, и фотка сохранилась! Лан, не скрипи зубами, замолкаю я... Ну дык вот. Пока занятые по самую маковку родители этих мальчиков, в одном доме живущие, свой бизнес строили да дела делали, дружные бабушки своих внуков нянчили. Ну, типичная ситуация для России, в общем-то. Бодрые бабульки, прошедшие огонь и воду, надеялись, что внуки так же дружить будут, ну, значит, и таскали их везде вместе. Да только у тех вкусы с детства не совпадали. Сатасику погремушечка глянулась — Мишенька коту усики выдергивает. Стасик в кубики играет, Мишенька их с балкона выкидывает. Стасичек куколки наряжает, Миха их пластиковыми пулями расстреливает. Несоответствие дикое. Естественно, дружбы ну никакой, наш мелкий Лександрыч Стасика под песочницей желает прикопать, а их в один садик тащат. Миха Стасика ленточками перевязет, в кладовку спрячет — добрые бабушки развяжут, помирят, да обоих в киношку за ручки поведут. Короче, мрак полный. Особенно когда в школу пошли — полные энтузиазма бабульки их же в один класс запихали!

— Еще и за одну парту пытались посадить, — хмыкнул Мишка, подтверждая рассказ.

— Мы еще сначала не поняли, почему ты от него отсел, а в средней школе вообще в первый день его вместе с партией в окно выкинул, — хмыкнул Исаев, припоминая. — Благо, первый этаж был. Потом разобрались.

— У-у-у, какой ты злой, — скривилась рыжая в сторону ухмыляющегося клубного директора. Затем покосилась на Демьяна, Богдана, многозначительную зверскую рожу Харлея и, почесав в затылке, резюмировала. — Теперь понимаю, почему бедный Стасик не выдержал и, едва окончив школу, в Америку учиться слинял. С вами ни один нормальный человек не выдержит, куда там до хрупкой душевной организации трагично влюбленного Стасика!

— Рыж, не напоминай, — поморщился Алехин и пояснил. — Бабки же не угомонились и еще до окончания школы нам в одном доме хаты приобрели. Я от соседства с этим пид'м чуть не взвыл!

— О покойниках либо хорошо, либо ничего, — укоризненно покачала головой Солнцева. — Лександрыч, осади коней, Стасика уже как два года в живых нет.

— Эх, Миха, — горестно вздохнул Харлей. — Ни стыда у тебя, дружище, не совести!

— Да я-то тут причем? — изумился парень. — Я к его суициду никакого отношения не имею!

— Ну, вообще да, — кашлянула рыжая, привлекая к себе внимание. — Тут Лександрыч, как ни странно, чист перед законом. Ну, и раз пошла такая пьянка... Тут наступает момент для грустного финала нашей сказочки. В общем, бабушка Стасика, она же Евдокия Захаровна, в смерть внука не поверила от слова совсем. Не знаю, толь мозги у нее съехали, то ли еще что... Но квартиру его она тронуть не позволила. Долго искала, кого туда заселить, чтобы за цветочками и рыбками присмотрели до возвращения любимого внучка, а тут мы с Махасем как раз впухли на тему «я типа невеста, он типа жених». Ну, бабульки тряхнули стариной, скооперировались, и в итоге мы с Лександрычем второй год буйно соседствуем. Правда, радость ты моя сонная?

— В кой-то веки истину глаголешь, — добродушно буркнул парень, вращая между пальцев зажигалку.

— Так, вот не надо тут из меня брехло неправдивое делать! — фыркнула Солнцева, поднимаясь. С трудом выдернула куртку из-за спину ухмыляющегося Исаева и, пнув Верещагина по выставленным ногам, принялась пробираться вдоль стола. — Вот ни одного левого слова ни сказала!

— Да ладно, верим, — добродушно отозвался Харлей, разваливаясь в своем углу. И, замерев, неожиданно грозно спросил. — Зайчучонок мой, а ты куда лыжи наострила?

— Как куда? — удивленно воззрилась на него университетская оторва, накидывая кожанку. — Домой, австралопитек ты мой замшелый. Я не ты, в меня содержимое бара за одну ночь не влезет!

— Не понял, — сурово отозвался рокер, начиная подниматься. — А кто тебя отпускал, зайчуля?

— А кого я здесь любила? — пропела рыжая ехидна и, махнув ладонью, коротко попрощалась. — Всем пока. Люблю, целую. Искренне желаю с похмелья не откинуть копыта!

И убежала, ухватив за руку посмеивающегося Богдана.

У Демьяна в ладони едва не треснул стакан.

Четкое, непреодолимое желание во что бы то ни стало увести у Полонского нахальную рыжеволосую заразу, оформилось быстрее, чем парень в полной мере осознал его нелепость.

На работу на следующий день не пришла — приползла! И то каким-то чудом.

Столько выпить, да еще смешать все в кучу, и при этом поспать три часа...

Я горько пожалела о том дне, когда связалась с Михой, Харлеем, Исаевым и иже с ними. Ну, честно, с этой бандой отдыхать никакой организм не выдержит! Лично мой сдался еще в машине Богдана, и я тихо вырубилась, пристроив свою буйную головушку на его далеко не хрупком плечике. Благо хоть в этот раз он меня на руках до дома не пер, а всего лишь тактично разбудил... попытки так с шестой.

Этим же неблагодарным делом, кстати, сегодня поутру занимался таксист, доставивший сладко посапывающую на заднем сидении меня на мое законное рабочее место. Мужик в таком восторге остался... кто б только слышал его трехэтажные ласковые дифирамбы!

Фыркнув, ткнулась носом в черновой вариант ведомости, в которую заносилась вся нужная вышестоящему руководству информация. Ну, в смысле, кто, что, у кого и за сколько помыл. В ней пестрил уже порядочный список услуг, номеров машин и имен мойщиков, вызывая у меня дикое желание завязать шланг отбойника на своей шее. И попросить ребят затянуть потуже. О, с какой радостью эти гады бросились бы исполнять данное поручение!

Хочу сдохнуть. Вот так просто и незатейливо!

По стойке возле моей головы медленно и звучно постучали чьи-то ногти, привлекая к себе внимание. С трудом разлепив глаза, я подняла буйную (вчера!) головушку... и извлекла из себя что-то похожее на тяжкий, полный вселенской скорби вздох.

— Да уж, — вынесло неутешительный вердикт мое любимое начальство, оценив трясущиеся ручки, дергающийся глазик и опухшую моську своего подчиненного. — Это что же надо делать ночью, чтобы так выглядеть на утро?

— Пить с байкерами до трех часов утра, — смиренно покаялась и, не выдержав, рухнула обратно на стол, больно приложившись лобешником. — Ай...

— Оу, — понимающе усмехнулся шеф. — Опять, что ли, Харлея перепить пыталась?

— Да помилуй боже, у меня после первого раза еще почки не оклемались! — хмуро отозвалась, пытаюсь поднять тяжеленную голову, которая отказалась думать вчера, а теперь из-за нее страдали все. В смысле, болела она, а остальной организм банально и некрасиво корежило в предсмертных судорогах.

— Ну-ну, — хмыкнуло «доброе» руководство и, сжавшись, предложило. — Ну, выпей кофе, может, полегчает.

— Обижаете, Дмитрий Аристархович, — протянула я, принимая-таки надлежащий вид, то есть позу. — Кофейный автомат был осушен полностью не далее, как три часа назад!

Ух, а я-то думала, что так шокировано вытягиваться умеет только моська нехристи при виде Богдана Полонского...

Ни фига. Аристархович и его красивое, породистое лицо прожженного испанского мачо пока вне конкуренции!

Описание, кстати, в точку. Подкаченная фигура, бронзовая кожа, выдающийся нос, темные глаза и кучерявые волосы длиной до плеч... Мое не обделенное чувством юмора руководство в свои неполные сорок лет легко и играючи могёт свести с ума женщин, чей возраст котируется от «ноль плюс» и до бесконечности.

Причем одним только своим видом!

— Ты несерьезно, — недоверчиво посмотрел на меня шеф, поигрывая ключами от машины в руке. Он на всякий случай оглянулся на автомат и, узрев на нем красноречивую табличку «не работает», остался... ну, так скажем, в легком недоумении.

— А это вы у Маринки спросите, которая вчера обслуживающую компанию не вызвала, чтобы те аппарат заправили, — хмыкнула я, не упустив возможности сдать напарницу с потрохами.

Нет, я не злая. И нет, не завистливая. И даже не пакостливая! Просто ранние сегодняшние клиенты отсутствием бодрящего напитка ну очень уж расстроились. А ведь по графику их вызов как раз был назначен на вчерашнее число!

— Тыфу ты, я уж подумал, — сплюнуло начальство, сверля меня укоризненным взглядом. — Вызвала?

— Как можно, шеф? — ответила я с не меньшим укором. — К часу дня обещались быть. Я ж тут загнусь без кофеина!

— Только о себе и думаешь, — попробовал укорить меня Дмитрий Аристархович, тщательно пряча улыбку на красивых губах. Аха. Бум считать, что я почти поверила!

— Это вы в следующий раз Харлею скажите, когда он придет отпрашивать на очередное «важное» мероприятие вашего самого ценного работника, — откинувшись на спинку офисного кресла, с улыбкой напомнила я.

Начальство изволило скривиться.

— Язва!

— Дык зато и любите! — невозмутимо парировала моя светлость и хитро прищурилась. — Аль я не права?

— Да права, права, — рассмеялось руководство. — Я без тебя, как без рук. Харлею в следующий раз так и скажу. А ты тут останешься сидеть.

— Шеф, вы ангел, — посмотрела я на него влюбленными глазами. Вот так бы сразу! А то всё «езжай, отдохни, развейся, тебе полезно будет...».

Три ха, блин. Где рокеры с их лужеными глотками и где полезно?

— Ладно, это все шутки и юмор, — перестал наконец-то веселиться мужчина. — Какие-нибудь проблемы есть?

— В Багдаде все спокойно, — фыркнула я. — Химию еще утром заказала, опаздывающих обзвонила, не вышедших оштрафовала...

— Не работающих казнила? — иронично выгнул брови начальник.

— Ну, Дмитрий Аристархович! — с укоризной протянула, возмущенно округлив глаза. И это мне еще говорили юмор отставить в сторонку? Тыщ. Да я по сравнению с собственным начальством белая, пушистая, невинная, воспитанная и даже культурная!

— Молчу-молчу, — поднял ладони в примеряющим жесте мой босс. — Ладно, если никаких проблем нет, я поехал. Если что звони... и постарайся выжить.

— Вы прям сама доброта! — цокнув языком, сложила лапки на груди. Любимое начальство улыбнулось (кто-то из клиентов женского полу томно ахнул из угла), махнуло ладонью с длинными сильными пальцами и отбыло восвояси, оставив меня горемычную блюсти порядок на вверенной мне территории.

Это оказалось делом тяжким... К вечеру даже желания убивать не осталось, не то, что самой выжить.

На улице так тепло было, так хорошо. Птички пели, листочки желтели, по небу облачка лениво проплывали...

Осознав наступление «мертвого» часа, я выползла на улицу и рухнула на лавочку, изнывая от тишины и монотонности. Четыре часа дня — глухое время. Все ранние клиенты уже были, а те, что заезжали после тяжелого трудового дня, еще не появились. И только в пустом боксе гуляло звучное эхо давно почивших мамонтов...

Тьфу. Что за бредятина в голову лезет?

Поставив ноги на лавку, повертела пачку сигарет, тоскливо вздохнула и закурила вместо ужина. И обеда. И завтрака. И всей еды, что могла бы сгинуть в моем бедном, несчастном, урчащем животике на протяжении этого невыносимо долгого дня. А еще не менее длинного вчера, ночи, утра и...

Я, конечно, не волк, но в голос завывать захотелось. Особенно при воспоминании, что утром добираться до учебы предстоит на общественном транспорте или же опять-таки разорится на такси. Машина-то на стоянке так и кукует! И самое обидное, что договор вместе с авансом для аренды клуба в рюкзаке остался, стараниями рыжебородого хариуса! Краснова мне завтра голу свернет, на шпиль административного корпуса повесит и скажет, что так оно и было.

И фиг ведь возразишь!

Да еще и ключи от любимого малыша с утра найти не смогла, пришлось запасную связку искать в судорожном порядке, попутно запрыгивая в штаны и пытаюсь хоть чуть-чуть выровнять опухшую от недосыпа моську.

Вздохнув повторно, затушила окурочек и, подтянув колени к груди, пристроила на них подбородок. Спать хотелось не так сильно, как утром, но все равно ужасно. Автомат так и не починили, с работниками в очередной раз перецапались...

Нет, ну я серьезно не понимаю, почему нельзя сделать все нормально и с первого раза? Почему надо ждать, пока недовольный клиент даст втык мне, а уже я потом настучу кое-кому по кривым ручонкам и пустой головушке? Их что, прикалывает, когда я на них ору, кричу и употребляю вслух весь немалый запас ненормативной лексики? Я так скоро на родимый сленг Харлея переключусь от безысходности. Мазохисты, блин, недоделанные.

Громко зашуршали шины по асфальту, привлекая к себе внимание. Не поднимая головы, повернула ее и обзрела появившееся в поле зрения авто. На огромную, абсолютно пустую стоянку перед мойкой заезжала машина. Чистенькая, блестящая. Черненькая.

Моя.

Какого хрена, собственно?!

Любимый малыш остановился. Открылась водительская дверца и из салона выбрался... ну, не совсем любимый, и далеко не малыш, но что-то очень похожее. Особенно когда он чарующе улыбнулся, передвинув солнцезащитные очки на лоб, и показательно выставил на низкую крышу высокий кофейный стакан с трубочкой.

В боксе скрипнула открываемая дверь.

— Гасите свет надежды, суслики, — скидывая ноги с лавочки, мстительно и радостно воскликнула в адрес выглядывающих из своей комнаты мойщиков. — Это ко мне!

Обняв руками зябнувшие в одной тоненькой серой футболке плечи, пошаркала кедами по парковке и, чуть-чуть не дойдя, насмешливо протянула:

— А я-то гадала, куда мои ключи от машины делись! Скажешь, что случайно нашел — убью.

— Случайно, — невинно улыбнулся Богдан, у которого на лице было написано, что он врёт. Причем нагло! — На сидении, после твоего ухода.

— Мог бы завтра в универе отдать, — фыркнула я и, не выдержав, улыбнулась. — Но спасибо. Перспектива переться после работы на автобусе меня наводила на мысли о тихом, скромном самоубийстве и помпезных поминках.

— А прогулять и отоспаться не думала? — протягивая мне стакан, поинтересовался блондин, опираясь на открытую дверцу моей горячо любимой бибики. — Выглядишь как оживший труп.

— Взятка должностному лицу? — подозрительно прищурилась, но кофе взяла, узрев фирменный стакан той самой кофейни, про которую рассказывала. Вот же... заботливая зараза! А кофеек-то еще горячий... — Не шути так. Я целый день открещиваюсь от гадких мыслей не явиться завтра на статистику. Пока успешно, но борьба еще продолжается. Я итак все самое интересное пропустила с этой болезнью, а еще и работа. Преподы меня скоро на ленточки покоцают и коврик под порог учительской забацают.

— Все так плохо? — вскинул брови Богдан, пристраивая подбородок на пальцах. — Могу помочь.

— Вот этого еще не хватало, — скривилась, поеживаясь от холода. Сентябрьское солнышко еще пригревало, но прохладный ветерок все старания небесного светила упорно сводил на нет. — Пропуски закрою, долги сдам. Первый раз, что ли?

Никак не отреагировав на мои слова, Полонский стянул с себя джинсовку и накинул ее на мои плечи. Я улыбнулась, согревая озябшие ладошки о горячий стакан. Мне, правда, вдруг как-то тепло-тепло на душе стало.

Приятно, когда о тебе так заботятся. Хотя и не понятно, из каких целей.

— Спасибо.

— Не за что, — заглушив двигатель, парень вытащил ключи и положил их на крышу. Оперся на закрытую дверцу, закурил и только тогда поинтересовался. — Вчера, пока меня не было в клубе, ничего не произошло?

— Да нет, — аккуратно пожала плечами, чтобы джинсовка не свалилась. — Разве что я Миху чуток...эм... ну, опозорила. И Олег с кем-то из посетителей сцепился. А что?

— Просто спросил, — рассмеялся Богдан, глядя, как я снова заинтересованно вожу носом по воздуху, улавливая пряный аромат вишни от его сигареты. Что поделать, я почти балдела с этого запаха!

И изнывала от легкого желания настучать кое-кому голубоглазенькому по его слишком хитрой морде. Просто так спросил он, ага. Знал же, извращенец заботливый, что добром его дразнилки Исаева не кончатся, вот и интересовался теперь последствиями!

Естественно, признаваться, что меня некультурно облапала пьяная нехристь, я не собиралась. Если честно, я всё-таки была немножко зла на Богдана за его нехилую подставу... Но простила. Честно.

Первый раз вчера, когда увидела его в клубе. Он обещал меня забрать, он сдержал свое слово, хотя мог бы и не заморачиваться. Мог даже в известность не ставить, что не приедет вообще, а потом сослаться на таинственные, архиважные, срочные дела.

Мог бы, но не стал. И приехал, и забрал. И даже домой отвез... Насколько мне помнилось, дай ему волю, он бы меня и до квартиры проводил, и даже спатеньки уложил!

А второй и окончательный раз простила сейчас. За возврат машины. За кофе. За джинсовку. За неподдельное, тщательно скрываемое волнение. Не в голосе, и даже не в абсолютно спокойном выражении лица.

Во взгляде. В самой его глубине.

Мда-а-а... Какие ж на самом деле тараканы обитают в вашей платиновой голове, господин Богдан Полонский?..

Хотелось бы мне знать.

От любопытных мыслей в моей похмельной головушке отвлек очередной близкий шум шуршащих по дороге покрышек. Я подняла голову...

Выпучила глаза, уронила челюсть, побледнела, поседела и сломала сигарету. Короче, все как обычно!

Так, ну ладно серебристый «Ауди» со знакомой хмурой моськой вчерашнего водителя, это я понимаю. Богдану же надо на чем-то добираться потом в родные пенаты. Он ж не я, на общественный транспорт точно не посмотрит.

Ладно белоснежная спортивная лапушка Линицкого — есть у меня к эльфятине долговязой пара — тройка каверзных вопросов, с заманчивой мыслью задать из в стиле милейшего инквизитора сурового кровавого средневековья.

Но ради всего святого, скажите мне, что заехавший последним вишневым кроссовер немецкого производства принадлежит не Исаеву!!

Хлопнули дверцы машин, и я застонала.

Как любит поговаривать Харлей: "Вот тебе и х'иньки, зайнька!"

— Что ж я такого натворила в прошлой жизни, если мне сейчас так не везет? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросила, глядя на безоблачное небо, сунув в зубы сигаретку.

Перед смертью, говорят, не закуришься... То есть не надышишься! Ай, один хрен. Но попробовать все равно стоит.

— Я тоже рад тебя видеть, — хмыкнул опешивший от "теплой" встречи Игорек, покручивая на пальце ключи от машины и водружая очки на лобешник. Мельком взглянув в сторону Богдана, который как всегда занимал почетную должность главной невозмутимости страны, коротко спросил с насмешкой. — Срезал?

— Новый мост открыли вчера ночью, — усмехнулся в ответ Полонский.

У меня шарики за ролики закатились, да там и остались. Они чего, прости оспади, наперегонки сюда летели?! И какого, простите, священного макраме, Исаев лыбится как кот, уворовавший последнюю сметанку?

— Кто-нибудь, дайте ему лимон, — мрачно попросила, на всякий случай отставляя стакан с кофе на капот моей машины.

От греха!

— Паршиво выглядишь, рыжая, — внимательно осмотрев меня с ног до головы, вынес неутешительный вердикт звезда всея университета.

— Как только уедешь, мне сразу полегчает! — радостно пообещала я. Богдан подавил смешок, Игорек возвел глаза к небу за неимением потолка, а нехристь глянула на меня скептическим взглядом. Я поспешила заверить. — Правда-правда! Не зуб даю, челюсть! Твою.

— Ань, — укоризненно произнес эльфенок, — Может, хватит, наконец, язвить, чудище ты рыжее?

— А чего он тут стоит и весь меня раздражает? — справедливо возмутилась я.

Богдан, не выдержав, расхохотался. Эльфенок улыбнулся, а вот нехристь даже опечалилась чуток. Жаль только ненадолго!

— Один-ноль, — насмешливо прокомментировал Полонский, туша окурок туфлей. Дорогой такой туфлей, в черную с белым жесткую крапинку. Эх, и чем ему бедный скат не угодил? Он же не виноват, что крокодильчики нынче не в моде!

Окинув меня медленным, пристальным взглядом, особенно задержавшись на шее и груди, Исаев поправил своего визави, многозначительно усмехнувшись:

— Один-один.

Вот же засранчик злопамятный... А я так надеялась, что его после выпитого вчера приступ амнезии накроет сегодня! Нифигашечки.

Мало того, что он свеж, бодр, полон сил и уверенности в себе, так еще и дьявольски красив! Остальные, кстати, тоже. Как им это удастся, а? И, главное, когда они спать успевают? Я тоже так хочу-у-у...

— Ладно, уговорил, — хмыкнула я, выбрасывая окурок и поправляя сползающую с плеч джинсовку. — Но на этом лавочка закрыта, дорогой мой нечестивец. Я сегодня не в духе!

Ох, чует моя мнительность, да видят глазки зрячие, что на моське Антихриста новый хитроумный план проступает. Не иначе, уж слишком взгляд предвкушающий! Вот, даже улыбнулся, ручки на груди сложил, рот приоткрыл — сейчас, значит, колкость на публику озвучивать будет!

Я машинально перевела взгляд на заметно хмурящегося Богдана, краем глаза зацепилась за отражение в лобовом стекле моего малыша... И рывкнула на всю Ивановскую:

— А ну стоять, суслики! — не ожидавшие подобного парни вздрогнули и уставились на меня с тихим шоком. А я же, поворачиваясь, продолжила, предвкушающие сузив глаза. — Куда мочалки намылили, товарищи немые?

Моя рабочая бригада, чей маневр незаметно сбежать с рабочего места не удался, неловко замялась. Вот заразы, уже до самого угла почти дошли! А за ним забор низкий, железная дорога и деревья — обернись я двумя минутами позже, и эти животинки уже радостно бы гоготали и танцевали победные танцы африканских папуасов за пределами не только видимости, но и досягаемости.

— Так куда собрались, говорю, орлы? — поинтересовалась, ехидно вздернув брови.

— В магазин, — пойти на контакт с маленьким начальством, то бишь скромной мой, первым решил самый борзый рабочий, мой любимый мальчик Антошенька. Подбоченясь, долговязый парень развязной наружности гордо выставил вперед подбородок и ногу, вызываясь вопрошая. — А чё?!

— Всей бригадой? — полюбопытствовала моя мнительность. — Вы там продуктовую базу решили обнести, что ли? Иль в супермаркете распродажу колготок устроили? Марш на рабочее место.

— А почему нет-то? — переспросил Артемка, самый младший и самый спокойный. — Все равно работы нет!

— Вот именно, — хмыкнул Антосик, глумливо глядя на меня сверху вниз, — Или чё, есть чё возразить?

— Есть вариант сводить тебя к логопеду, — задумчиво произнесла, склонив голову к плечу. — Ты как, за?

— Чё? — вылупил на меня это уникам. Где-то позади хлопнула дверь машины, и взревел двигатель, но меня пока сей феномен мало интересовал. Меня больше волновала вконец охамевшая бригада, решившая всей толпой побаловаться пивком далеко до окончания рабочего дня!

— Ничё! — рыкнула я. — На рабочее место, живо!

— Мы жрать хотим, — попробовал было поканючить Олег. Ага, а то я не помню, как он же сам час назад притопал из магазина с полными пакетами, и в их комнате отдыха потом

царило оживленное дружное чавканье! — И работы все равно нет.

— Что-то мне подсказывает, что уже есть, — послышался сзади смешок Богдана и перед моими светлыми, округлившимися от удивления очами в пустующий бокс неторопливо и показательно закатился кроссовер Исаева!

— А хорошая мысль, — довольно протянул Липницкий. Хлопок двери, рев сытого мотора, пяток секунд, и левая половина бокса тоже оказалась занята!

— Ты-то хоть на месте постой, — тяжело вздохнув, негромко попросила я Богдана, тоскливо допивая почти остывший кофе.

Хитровые...

Хитровыдуманный, конечно же, Исаев снова подложил мне хорошего размера свинью. И эта свинья, нежно его же именем зовущаяся, сейчас ясно дала понять, что в ближайшие пару часов мне от этой хрюшки точно не избавится!

— Значит, говоришь, между вами ничего не произошло? — насмешливо произнес Богдан.

— Я выжила, нехристь даже не поседела, — иронично отозвалась, не позволяя лицу передернуться при воспоминаниях о вчерашней ночи. — Пока ничья. Эльфенок, солнышко мое незаходящее, ты опять моим дорогим работничкам полный список услуг заказал?

Подошедший Липницкий на пару с Исаевым улыбнулись так... невинно-невинно, что я даже почти поверила. Секунды так на две!

— Суду все ясно, — тяжело вздохнула я, машинально переводя взгляд. И замерла, только сейчас обнаружив кое-что очень уж любопытное. — А скажите-ка мне вот что, ребятушечки... Мою машину-то вы зачем помыли?

«Ребятучечки» улыбаться перестали.

Так-так-так... А вот это уже интересно!

— Ань, тебе показалось, — первым попытался отмазаться Игорек, небрежно сунув руки в карманы и перекатываясь с пятки на носок.

— Да ну? — выгнула я брови, не поверив невинным глазкам Эльфенка от слова совсем. — Я, мойщик и админ со стажем, да только что помытую машину от обычной не отличу? Не правдоподобно. Еще варианты?

— Просто захотелось? — задумавшись, предположил Богдан, одаривая строгую меня своей той самой фирменной улыбкой, от которой мозги в кисель превращались и по карманам растекались.

Ха! Ни в этой жизни, милый!

— Больше похоже на правду, — с доверчивым видом покивала и резко хмыкнула. — Но чёт не верю. Нехристь?

— Не был, не привлекался, не участвовал, — просто усмехнулся шатен, ясно давая понять, что ни от одного из них я сегодня правды не добьюсь.

Вот же черти полосатые!! И когда только спеться успели-то?

Хотя... Теперь-то оно и понятно, когда именно.

Когда обнаружили, что кто-то испоганил моего малыша, скорее всего банально чем-то облив. Дабы уничтожить следы, машину отмыли, мне с улыбочкой вернули еще и кофе пытались подкупить. Нет, план хороший, продуманный.

Да только лопухнулись партизаны знатно! Пригони мою машинку один из них, любой, на выбор, даже Исаев! Я б каждому мотив отыскала и, быть может, отсутствию пыли на кузове авто значения бы не предала. Но присутствие всех троих в моих скромных владениях

прямотаки вопит о том, что все они имеют непосредственное отношение к обидчикам моей бибики.

Узнаю, кому ж так сильно черепушка жмет, а руки лишними кажутся, с превеликим удовольствием избавлю несчастного от страданий! Ну или добавлю новых, там уж как по настроению получится!

— Идемте, герои, — стащив ключи с крыши, пикнула сигнализацией, закрывая машину, — Сделаю вид, что поверила.

Стараясь сильно не злорадствовать, выбила у несчастной, загруженной по самую маковку бригады полный список предстоящих работ, вернулась в админку, внесла данные в ведомость... И почувствовала настоящую беду-печальку. Пара часиков, я говорила?

Забудьте! Они тут часов на пять зависнут, минимум!

Вздохнув, отодвинула ведомость, откинула ручку и, подперев щеку кулаком, уставилась на "святую" троицу, вольготно расположившуюся на кожаном коричневом диване напротив. Итак, что мы имеем?

Очаровательный раздолбай Линицкий в белых кроссовках, широких темных штанах и белоснежной толстовке на молнии, с хвостом длинных светло-русых волос.

Небрежно красивый Богдан в голубых классических джинсах и белой почти обтягивающей футболке, с уложенными волосами цвета серебристого пепла.

И совершенно невыносимо-привлекательный Исаев в черных узких джинсах, синих кедах и просторной черной футболке. Темные каштановые волосы в художественном беспорядке, на бедре цепочка висит...

И тут выделился, нечестивец! Где белый верх, а? Отрываемся от коллектива!

— О чем задумалось, чудище? — узнавала в мой взгляд в никуда, насмешливо поинтересовался Игорек, устраиваясь поудобнее, раскидывая по сторонам длинные ног.

— Да вот думаю, — хмыкнула я, поднимаясь. Обошла стойку, остановилась напротив парней и уселась пятой точкой прямо на столешницу, болтая лапками в серых джинсовых кедах, — Что ж вы такие красивые именно на мою голову свалились-то? Я ж так не выдержу, помру от счастья раньше времени!

«Счастлиносцы» зависли полным составом. Однако ответить не успели, хотя, судя по одинаковым самодовольным усмешкам, они хотели. Да еще как!

Меня же от внезапно раздавшегося грозного рыка чуть с места не снесло.

— Где она?!

— А... что я опять сделала? — испуганно пискнула, глядя на крепкую фигуру, замершую в дверном проеме.

На футболке морда страшная, штаны кожаные, ботинки тяжелые. На перекошенном лице зеленые глазищи горят, золотистые волосы во все стороны дыбом торчат, из раздувающихся ноздрей едва струи пара не валят...

Перед напуганными нами предстал мой любимый соседка во всей своей гневливой красоте!

Личико бледненькое, глазик дёргается, ручки подрагивают, коленки ходунчиком ходят — ну совсем как я сегодня утром!

— Мих, ты чего? — осторожно поинтересовалась, прикидывая, за кого мне лучше спрятаться. Богдан привычнее, Игореха надежнее, но Исаев ближе всех сидит. Интересно, еже ли что, нехристь спрячет меня за своей широкий спинкой, аль наоборот, в жестокой расправе охотно поучаствует?

— Я спросил, где она?! — рыкнул недовольный соседка, да еще и кулаком по распахнутой двери жахнул. Я аж подпрыгнула!

— Михась, тормози на поворотах! — мой перепуганная мнительность не выдержала угрожающих манипуляций собственного жениха с приставкой «типа». — Кто "она"? Совесть твоя, что ли? Дык у тебя такой бесполезной вещи отродясь не водилось!

— Нет! — гаркнуло гневливое клубное начальство, окидывая орлиным, цепким взглядом всех присутствующих. — Официантка вчерашняя где?!

— Господи, прости его грешного, — не устояв перед стремительной атакой скудной и малоинформативной мысли моего соседа, взмолилась я. — Я-то откуда знаю, где эту очаровательную синеглазку носит?! Я вчера ее впервые в жизни имела счастье лицезреть!

Аж стихами с перепугу заговорила... Довели-таки, ироды!

— Так ты не знаешь? — заметно расстроился дружок, мигом остывая на пару градусов. Но все еще насторожено косил на меня тяжелым зеленым глазом. — А точно не знаешь?

— Нет, блин, я тебе сейчас нагло вру, а синеглазка тем временем под моим столом торопливо ныкается! — хмыкнула я, снимая джисовку. Аккуратно свернув, протянула ее Богдану, и поинтересовалась. — Мих, так что случилось-то?

Соседка замялся. Заменял обращенные на него любопытствующие взгляды. Переступил с ноги на ногу. Помялся... И выдал:

— Кофе хочу!

— Ах ты ж ёкарный бабай, — в полной тишине ошеломленно брякнула я. Не сводя глаз с невозмутимого рокера, негромко и пронизательно попросила. — Лександрыч, вот честно мне скажи... Ты сейчас совсем дебил?!

Парень смутился... Чуть-чуть так. Капельку. И предельно вежливо поинтересовался, едва не ножкой шаркнув:

— Так где мне ее найти?

— Михей, кофейня на соседней улице! — обречено застонала я, изображая любимый феспалм. — Оставь девочку в покое, она наверняка после суток отсыпается!

— Там не тот кофе, — поморщился мой двинутый во всю свою светлую голову

дружнице. Задумчиво окинув взглядом ухохатывающихся однокашников, соседка мотнул головой. — Пойдем, покурим?

— Хрен с тобой, золотая рыбка, — махнула я рукой на ходячее недоразумение и сползла со стола. — Идем.

Тактичная "Святая" троица за нами не пошла, видимо решив, что получить люлей от моей гневающейся рыжеволосой персоны тет-а-тет Алехину будет куда сподручнее для его пошатнувшейся репутации.

Ага, особенно после вчерашнего-то!

— Я сейчас, — окинув взглядом лениво капающих в машинах мойщиков, неожиданно выдал друг и уверенно направил лапти в сторону брошенного посреди парковки хаммера. Пожав плечами, я закурила...

И подавилась дымом, когда напротив, сразу за машиной Липницкого, встал огромный черный джип.

— Верх, салон, двигатель, багажник. — спрыгнув на пол, привычно перечислил соседка. — Воск, кондер сидений, полировка панели, чернение шин. Короче, все как обычно.

Над мойкой пролетел далекий, дружный, полный боли, муки стон!

Я тихо закатывалась от смеха в углу.

Работы, говорите, не было, да? Хана вам теперь, сублики непьющие, надо было молча вынужденным бездельем наслаждаться!

— Чего? — оглядев катающуюся по полу меня, недоуменно выдал Алехин. — Чего ржешь, чудище рыжее?

— Сказал человек, приперевшийся на автомойку в поисках официантки с кружкой кофе, — тихо хрюкнула я.

— Бывает, — невозмутимо пожал плечами сосед. Закурил, Лександрыч привалился к стенке, глядя как унылые работнички, не решающиеся бросать на него злобные взгляды, но исправно матюгающие сквозь зубы, вытаскивают коврики из его машины. Скопив глаза на открытую дверь, ведущую из бокса в админку, негромко поинтересовался, указав на нее головой. — А эти опять откуда?

— Увы, мой друг, — похлопав по плечу директора клуба и кофемана по совместительству, печально вздохнула я. — Похоже, что отныне сия святая троица мой крест и мне его нести. Надеюсь только, что больше неприятностей не предвидится, иначе моя чувствительная тушка еще какого-нибудь небожителя просто не...

— Где она?! — донеслось вдруг из админки.

Больше ржать я не смогла!

— Да вы издеваетесь... — простонала, выронив сигарету, сползая по стенке уже натуральным образом и закрывая руками лицо. — А-а-а... За что мне это?..

— А, так ты тут? — в дверном проеме показалась голова невозмутимого Олега Верецагина.

— Нет меня, — снова хрюкнула, утыкаясь носом в собственные коленки. — Вся закончилась!

— Глупости не говори, — укоризненно протянул рокер. Окинул взглядом главаря и даже поздоровался. — О, и ты тут. Здорова, Мих. Так, я на минутку....

И скрылся к моему огромному облегчению. Икнув от смеха в последний раз, я с трудом встала, чувствуя, как уголки рта подергиваются уже безо всякой на то причины. Честное

пионерское, с этими чудными людишками никогда не знаешь, с какой конкретно стороны всеобъемлющий песец подкрадется и раскроет свои широкие объятия.

Вот казалось бы, что уж кого-кого, а рокеров из банды Харлея я знаю, как облупленных. Но нет! Эти ценные, незабываемые, неповторимые и горячо любимые кадры каждый день выдают что-то новенькое и...

Да иби-и-и-иться сердце перестало!..

— Я не буду его мыть! — раздался протестующей громкий писк самой истеричной барышни моей бригады, возле которой на последнем свободном месте в боксе замер огромный черный лексус.

— А куда ты денешься, лапуль? — послышался довольный смешок Олежки и звучный, смачный шлепок по чьему-то заду! Насвистывая, Врещагин спокойно протиснул свое тело в берцах, камуфляжных штанах и косухе между машинами, подошел к нам и невозмутимо поинтересовался. — Мих, а чего, собственно, она опять тут ржет?

Ржу? Да я рыдала у соседа на плече!!

— М-да, — почесал в затылке Олежка. — Тяжелый случай.

И, пожав плечами, спокойно сунул меня к себе подмышку, перешагнув длинными ногами через брошенные как попало шланги и в таком виде зашел в администраторскую. Там, собственно, и сгрузил мою сотрясающуюся от воя тушку на законное рабочее место.

— Не, ребят, — тихо хрюкнула я, осмотрев всю честную компанию, уделив особое внимание недоуменному зачинщику этого бедлама. — Я, конечно, понимаю, что дурной пример заразителен и все такое. Но если сейчас для полноты картины объявится еще и Харлей...

На улице громко хлопнула автомобильная дверца!

Под стол я все-таки сползла.

— Чего это с ней? — недоуменно спросил Олег.

Хрюкнув, но уже на нервной почве, я бегом ринулась на улицу, зажимая рот ладонью. Что удивительно, следом отправилась и «святая» троица, которая как раз-таки понимала причину моего неконтролируемого веселья. Следом, переглянувшись, вышли и совершенно запутавшиеся в ситуации Врещагин с Алехиным...

Закрывающий машину Санек посмотрел на нас недоуменным взглядом и чуть не выронил ключи:

— Чего?

— Мы думали, ты Харлей, — нервно хихикнула я, падая на лавочку. Хихикнув еще раз, достала сигареты с зажигалкой из кармана, отчаянно надеясь, что на сей раз повода ронять на грязный пол драгоценный источник никотина больше не придется. Так никаких денег не хватит! И нервов. И здоровья. И...

— Дык он меня сюда и отправил, — спокойно пожал плечами паренек.

Немая сцена.

— А... зачем он тебя отправил? — полюбопытствовала, с трудом пытаясь сдержать подкатывающуюся истерику. Руки дрожали, губы тоже... Богдан, не сдерживая улыбки, забрал у меня сигарету, подкурил и вернул обратно.

— Просил узнать, как ты после вчерашнего, — пожал плечами Харлеевский сисадмин. У мне бровки в очередной раз на лоб скакнули. Что б этот суровый пьяный питекантроп, да озаботился кем-то кроме своей печени, тоскующий по минералочке и антипохмелину... Да быть того не может! Пока я осознавала последнюю мысль, Сашка мирно добил, — Ну и

машину помыть.

В боксе раздался красивый трехэтажный мат!

— Так, сейчас кто-то у меня финансовые санкции обретет на свой нецензурный язык!

— с трудом сдерживая дичайший хохот, крикнула я.

В ответ меня послали. Недалеко, витиевато, даже цензурно... Но все равно обидно!

— Химчистку сделать, что ли? — ни к кому конкретно не обращаясь, громко протянул нахмурившийся соседка.

Две секунды тишины... А затем раздался нестройный, злой и обреченный хор уставших от такого беспредела сусликов:

— Простите нас, Анна Сергеевна!

Вышеупомянутая Сергеевна растроганно рыдала, уткнувшись в плечо усевшейся на лавочку нехристи.

Веселье оборвал сильный порыв ледяного ветра. Передернувшись, я подскочила, жалея, что не взяла куртку, да еще и джинсовку вернула законному владельцу. Содрогаюсь от холода, быстренько докурила и вперед всех ломанулась обратно в админку. Погода начала ощутимо портиться, а болеть по второму кругу очень уж не хотелось. Даже имея в личном распоряжении такую няньку как Богдан.

Наверное, потому же остальные и ввалились всей немаленькой толпой на вверенную мне территорию, а не остались куковать на улице. В небольшом квадратном помещении сазу стало как-то тесно и жарко... Развлекать расположившуюся на диване золотую молодежь я не стала. Притащила из машины любимый рюкзак, ангажировала зевающего Миху и занялась, как говорится, делами насущными. Чем развлекали себя остальные, мне было, откровенно говоря, до лампочки: с любимым соседкой мы спорили до хрипоты, стучали кулаками об стол, ругали друг друга нехорошими словами, пару раз выходили на перекур, в процессе которого дулись по разным углам бокса, как хомяки на прошлогоднюю невкусную крупу.

В итоге оба вражеских лагеря понесли потери по всем фронтам, но компромисс- таки был достигнут.

В распоряжение элитных студийцев не менее элитный клуб все-таки будет предоставлен в кратчайшие сроки. Ну очень, я бы сказала, кратчайшие! Такие, что я прям не знаю, куда Краснова смотрела и как собиралась все это проворачивать, если б я не объявлюсь. На свою беду чахнуть мой несчастный организм перестал почти вовремя, клуб для посвящения я отвоевала, но...

Эта заразка вечно спящая уболтала меня побыть админом в его клубе, пока он не найдет замену уволенной Аллочке!

— Рыж, не делай такое страшное лицо, — оторвал меня от страданий и мысленных стенание голос Игорехи. — На лучше, пожуй!

— Ась? — вылупилась я на друга, как на восьмое чудо света. Потом перевела взгляд на остальных... И обалдела!

Эти с... совсем непорядочные люди у меня в админке пирушку закатить изволили! Оказалось, что пока я пребывала в жарких спорах с женишком, Богдан со своим водителем и Олегом успели грабануть соседнюю кофейню. Сашок с Мишкой отыскали заныканный в дальний угол dvd, подключили его к плазме, висящей над моей головой, а Липницкий, реквизирав мою машинку, на пару с Исаевым сгоняли в ближайший КФС... И теперь вс честная компашка, расположившись на диване, хлебала кофеек, чавкала картошкой фри и

смотрела «Аватар»!

Я аж присвистнула от осознания размера их беспардонной наглости!

— Тьфу на вас! — сердито вздохнула, но предложенный кофе все-таки поближе придвинула. А потом, подумав, махнула лапой и фыркнула, — Ладно, на взятку закроем глаза... Но суслики мои голодные за еду работать не будут!

— А им никто и не предлагает, — хохотнул Олег с дивана. Привстав, парень залез в задний карман, шлепнул на стол три купюры и уселся обратно. — На, с чаевыми.

Фигассе чаевые... Да тут на полноценный обед, завтрак и ужин в неплохой кафешке хватит!

Так вот почему на самом деле Алинка так долго этого рокера с его вечными шуточками и распусканием длинных лапок терпит. До финансов, значит, мадам очень охочая? Ай-я-яй, как нехорошо!

Хотя... Кто бы уж говорил!

Собрав со всех "клиентов" положенную за мытье их машин денюжку, я уже сама довольно мурлыкала, попутно зажевывая вкуснейший бутербродик с курочкой и огурчиками. Желудок довольно урчал, кофеек на столе приятно пах, а перед мысленным взором скакали звонкие монетки и нолики — первый рабочий день зарплатой обещал побаловать!

Великовозрастные дитятки, радостно ржущие, активно жующие и громко комментирующие довольно-таки старый фильм, были милостиво прощены недовольной поначалу мной. Ну а почему нет, собственно? Они только что тут столько бабок оставили моему любимому начальству, что вполне имели право на некоторые вольности и послабления. В разумных пределах, конечно же.

Так что, махнув рукой на безобразие, творящиеся в моих святая из святых, я окопалась за своим столом и, переделав ведомость в чистовой вариант, занялась... Статистикой. Нет, ну а чего? Рабочие моменты улажены, активность и работоспособность бригады повышена, клиенты заняты, фильм этот я наизусть знаю... А по учебе я столько попустила, что надо срочно наверстать!

Впрочем, через пятнадцать минут я взвыла, пожалев о своём недалёковидном творческом порыве. Простая, казалось бы, задача с некоторым количеством статистических данных никак, ну совсем никак не хотелось решаться по образцу! А ведь тема самая что ни на есть простенькая, записана полностью, по примерам разобрана, понята и осмыслена... Была. В универе. Когда-то!

— Да что б тебя! — ругнулась вслух, откидывая ручку и взлохмачивая волосы на висках. Хохот и шумные разговоры парней здорово мешали сосредоточиться.

— У тебя вот здесь ошибка, — в ряд столбиков неожиданно ткнулся палец со знакомой серебряной печаткой с двуглавым орлом, вплавленным в гематит. Я с сомнением покосилась на нехристь, которая склонилась над моей тетрадкой с откровенным любопытством на симпатишной мордахе. За ухом Исаева виднелась сигарета, дверь в бокс уже открывал Миха... Курить, значит, товарищи собирались.

— Да ну? — скептически хмыкнула, не особо доверяя парню по понятным причинам. Ни его мозгам, ни его благородным порывам, ни тем более близкому присутствию. Он, конечно, сегодня к алкоголю не притрагивался и вообще не намекал, что помнит хоть что-то из вчерашнего... Ну а вдруг? Кто этого нечестивца на самом деле знает!

— Поменяй последние цифры на нечетные, — усмехнулся Демьян, постучав пальцами по столбику цифр. — Вам специально задали неверное условие.

— Хм, а ведь он мог, — задумчиво погрызла ручку, припоминая, что что-то подобное нам уже говорили и не так давно. Что если ни один способ решения не подходит, нужно смотреть правильность статистических данных. И если хотя бы один числовой ряд выбивается, значит... именно эта формула не подойдет. Нужен будет совсем другой принцип решения. — А если по другой считать? Если хотя бы одна подойдет и ответ будет без дробей, значит, в условиях ошибки нет! Но нам дали именно эту...

Исаев иронично вскинул бровь, но глядя на мою полную любопытства моську, язвить не стал. Махнув парням, чтобы те шли без него, склонился над столом и углубился в изучение содержимого моей тетради. Нахмурился. Еще раз прочел написанное. Полистал страницы... А потом и вовсе согнал меня с моего кресла.

А я же, забыв о давней конфронтации с нехристью, приплясывала рядом от нетерпения. Ну интересно же!

— Понял, — спустя минут пять хмыкнул Исаев. — Вас развели как первоклашек. Ни одна из формул не записана правильно.

— То есть как? — обалдела я.

— Геннадий Викторович ведет? — спросил парень и, дождавшись моего кивка, усмехнулся, берясь за ручку. — Его любимый развод. Не сомневаюсь, что никто из вашей группы заданную главу учебника даже не откроет. Поэтому ошибок в собственном конспекте и не заметит.

— А на занятии всех нас классно и дружно обстебают, — догадалась сообразительная я и уважительно протянула. — Вот же жулик почтенного возраста... Да что б ему дети под старость лет такое делали!

— Учебники, как я понимаю, университетские оторвы с собой из принципа не носят? — вскинув брови, все-таки съязвила главная звезда всего нашего ВУЗа. Оторва в моем скромном лице виновато потупилась, не смотря на колкость своего вечного оппонента. И удивительно, но виноватый вид и ковыряние носочком кафельного пола мне почти сразу засчитали! — Ладно, смотри.

И принялся выводить столбик формул в моей тетради, четким, красивым крупным почерком. Объяснял Исаев кратко и понятно, делая соответствующие пометки, но мне, заткнув внутренний голос, пришлось навалиться на стол локтями в любимой позе созвездия рака, боком прижавшись к парню вплотную, чтобы хоть что-то расслышать среди гогота, гулявшего по админке. Не, ну а чего? Не на коленки же к нему усаживаться! Мне одного раза хватило по самую маковку.

А нехристь-то, оказывается, не даром звание лучшего студента носит... За каких-то полчаса я узнала больше, чем за всю прошлую лекцию! И ведь все, вот прям всё поняла!

Совершенно забыв о вчерашнем, я захлопнула тетрадку, на радостях стиснула шею парня в коротких благодарных обнимашках, и в ритме сальсы протанцевала на выход. Распахнула дверь в бокс... И присела, вздрогнув от неожиданности. На улице гроыхнуло так, что взвыли машины, припаркованные по ту сторону дороги возле офисного здания!

— Оппачки, — ошарашено пробормотала, выходя через бокс на улицу, переменившуюся за пару часов до неузнаваемости. Солнце окончательно спряталось, на улице почти стемнело, а небо заволкло тяжелыми, свинцовыми, чернящими тучами. Резкие порывы ледяного ветра гоняли по дороге мусор, бросая в лицо пригоршни колючего песка, а спустя какую-то минуту с неба хлынуло сплошной стеной!

Очередной громовой раскат заглушил стоны работников, которые как раз заканчивали

помывку осточертевших им машин. Мд-а...

Понимаю. Вся работа насмарку.

— Да ладно вам, — вернувшись обратно, ткнула пальцем в большую красную кнопку, закрывая ворота, чтобы водой не залило уже помытые машины. Фыркнув, закурила, глядя на все больше мрачающих работничков, — Зато хоть ночью поспим. Все, давайте доделывайте и по домам. Ночные мои старожилы, на вас, естественно, сей приказ не распространяется!

Через полчаса мойка опустела. За окном грохотало, в боксе стояли машины, ожидая своих владельцев, а сами владельцы, пережидая, пока гроза хоть чуть-чуть сбавит обороты, азартно резались в невесть откуда взявшиеся замусоленные карты. Не участвовала в этом бедламе только я, с видом примерной первоклашки усердно доделывающая статистику... Закончить которую, кажется, сегодня было не судьба, не смотря на помощь, оказанную бла-а-а-агородным Демьяном Исаевым.

Я уже дописывала последний пример, когда после очередного громового раската свет в админке потускнел, мигнул, а затем окончательно погас.

Небольшое помещение мгновенно погрузилось в кромешную тьму!

— Какой интимный полумрак! — радостно пробасили откуда-то из темноты голосом Олега и вдохновенно так, многозначительно поинтересовались. — Рыж, а ты где?

— Отринь надежды, старый прелюбодей, — насмешливо отозвалась, поднимаясь и начиная аккуратно пробираться по стеночке к выходу. Замелькавшие яркими пятнами экраны мобильных здорово облегчили задачу, — Лучше, глянь на улице, там всех отрубил или только нам так повезло? Эльфенок, будь другом, залезь в соседний бокс с заменой масел, посмотри, может там автомат вырубило? А я тут гляну.

Ребята, отчаянно ругаясь и наталкиваясь друг на друга, подсвечивая себе телефонами, принялись выполнять поручения, а я-таки выползла в бокс. Освещая себе дорогу тусклым светом почти севшей мобилки, опираясь одной рукой на стенку, аккуратно ступая по разбросанным шлангам отбойников, добралась до угла. В боксе, благодаря наличию окон, были хоть что-то видно, это да. Смутные силуэты, блики хрома на соседущиной библике, смутные очертания чего большого возле окон... но не более того. Прямо как у негра в энном месте!

Едва не вписавшись лбом в жестяной короб электросчетчика, открыла его, оглядела разноцветные рычажки в их привычном состоянии и ругнулась. Нецензурно ругнулась! Они были в порядке, нетронуты, девственны и чисты. Значит, не мстительные суслики похихикать над нами захотели, а на подстанции что-то приключилось из-за грозы.

Внезапно позади меня раздался шорох. Вздвогнув и подпрыгнув от неожиданности, теряя сердце в пятках, я резко развернулась, попутно стукнувшись кистью руки об угол распахнутой дверцы щитка. Телефон, резанув светом по глазам, выпал и отлетел куда-то в кромешную тьму, ознаменовав свое приземление громким стуком пластика о бетонный пол. От резкого контраста я на миг ослепла, и тут...

На мой затылок под волосами быстро легла чья-то ладонь, заставляя поднять голову. И до того, как я успела вскрикнуть, чьи-то теплые, сильные губы накрыли мои.

Я испугалась, честно. Но... Едва я вздрогнула, как на спину легла ладонь, привлекла меня к крепкому телу, а поцелуй приобрел внезапную глубину и чувственность.

Я едва не застонала, чувствуя, как по плечам прокатилась горячая волна, оставшись приятным томлением где-то в груди. Глаза закрылись как-то сами собой, собственная лапка легла на мужское предплечье... и я ответила.

Так меня еще не целовали. Уверенно, неторопливо, умело пробуя на вкус и давая понять, что мне не причинят вреда. Невыносимо медленно, с капелькой затаенной нежности. А еще в прикосновении этих губ чувствовалась властность. От этого непередаваемого коктейля на полном серьёзе кружилась голова, напрочь сбивая дыхание. Я поймала себя на мысли, что останавливаться не хочется, но из админки кто-то громко позвал меня по имени. Поцелуй тут же прекратился.

В крошечной тьме снова мелькнула фигура, но я даже не поняла, в какую сторону она направилась — поцелуй длился всего ничего, и глаза привыкнуть к темноте банально не успели. Без теплых рук и губ разу стало как-то холодно...

На удивление, вопить и матюгаться в темноту, вопрошая, кто же это был, я не стала. Достав из заднего кармана сигареты, медленно опустилась на корточки и, закурив, с помощью зажигалки отыскала развалившийся на корпус, панель и батарею мобильник. Собрала. Запихала в карман.

И все-таки выругалась, чувствуя, как до сих пор дрожат колени.

Помедлив, дотронулась пальцами до чуть опухших губ... И только тогда застонала вслух. Мне действительно не показалось!

Это ж... У кого такого умного наглости хватило, а? Какому гению заняться-то нечем было в столь интимной атмосфере? Постебаться надо мной захотелось? Шутники херовы, так ведь можно и инфаркт получить!

И ведь черта с два теперь поймешь, кто это был. Рост у покусившегося на меня автомоечного маньяка намного выше моего, а фигура хорошая. Не ахти, какие приметы, но под это описание все мои сегодняшние гости подходят! Парфюм... Снова мимо, мы все там в небольшом помещении запахом кофе, курицы и картошки-фри дружно провоняли, в том числе и я. Что ж еще?.. Так, кажется, под пальцами я почувствовала рукав футболки... О, точно! На нем была футболка!

Угу. Как и на всех присутствующих в админке, в том числе и на снявшем косуху Олеге, вновь прибывшем Сашке и стянувшем толстовку Липницком!

Во имя великого Ктулху, какому ж китайскому дракону фейерверк в одно место жажнул, подав в бумажную голову гениальную идею поиздеваться над моей нервной системой?!

Хотя не-е-ет. Издевательством там и не пахло. А вот с трудом сдерживаемым желанием еще как. И немалым опытом — должна признать, не смотря на всю ситуацию, это был самый шикарный в моей жизни поцелуй, с привкусом крепкого табака и пряной спелой вишни...

Вишни?!

— Ах ты ж мерлиновы подштанники! — выпучив глаза, громко выругалась обалдевшая от внезапного осознания жертва таинственного маньяка в моем единственном и неповторимом лице.

Вишня!!! Сигареты со вкусом вишни, как я сразу не догадалась-то?

Выбрасывала окурки я уже на ходу, несясь в админку сломя голову, пылая праведным гневом, ориентируясь на свет мобильных телефонов, мелькающий в открытой двери и громкие мужские голоса. Чуть не убилась по дороге восемь раз, но когда меня такие мелочи могли остановить? Я чуть Мишкин хаммер по дороге не снесла, и ничего!

Остановил меня только застывший на пороге Липницкий, в которого я и врезалась, едва не расквасив об него свой нос. Точнее не об всего него, а об крепкую грудь. Грудь под тонкой синей футболкой...

Но самым главным было совсем не это!

— Игорь, — задирая голову, тихо спросила я, нервно сглатывая, чувствуя, как дрожат обвисшие ручки вместе с упавшим голоском. — А-а-а... Почему от тебя вишней пахнет?

— Рыж, ты чего? — недоуменно спросил Игорек, освещая мое лицо фонариком на своем телефоне. — Тебя током шваркнуло, что ли?

— Просто ответь, — тихо, но настойчиво попросила, вытирая вспотевшие ладони о собственные вельветовые штанишки.

— Ань, у всех курево давно закончилось. Мы уже час как всей толпой сигареты Полонского смолим. — явно не понимая, что на меня нашло, ответил нахмурившийся Игорек.

Не выдержав, я разочаровано застонала вслух.

Мой дедуктивный метод раскрытия таинственной личности собственного автомоечного маньяка изволил скончаться в адских муках.

— Забирай меня скорей, увози за сто морей... — раздавалось из динамиков над танцполом, будоража и без того разгоряченную толпу отрывающихся студийцев.

— И получишь десять лет, восемнадцати мне нет! — жизнерадостно добила я.

— Извращенка, — хмыкнув, прокомментировала Краснова без малейшей тени улыбки на лице. Моя уязвленная личность от услышанного впала в некое подобие ступора... ну, на пару секунд.

— Лен, вот честно, — фыркнула я, пристраивая лапки на круглые хромированные перила балкончика, помешивая трубочкой лед в высоком стакане. — У вас, золотой молодежи, детства вообще не было? Эту добивку песенки Жукова каждый дурак знает!

— Смотри что ты подразумеваешь под детством, — пожала плечами староста старост, обхватывая губами соломинку, устремляя взгляд со второго этажа, где мы с ней стояли на балконе, на бушующий народ внизу.

— Бросать шифер в костер, есть сухой «Инвайт», меняться вкладышами жвачек «Турбо», носить топик с «Титаником», — машинально перечислила я самые запоминающиеся моменты. — Денди, сега, фишки с покемонами...

— Сега была, — хмыкнула Краснова и уточнила. — Лет на пять раньше, чем у остальных.

— Бедные детки, — жалостливо протянула я, сочувственно качая головой. И снова посмотрела вниз.

Наши университетские «детки», надо признать, отжигали сегодня совершенно не по-детски. По ним так сразу и не скажешь сейчас, что в бурные девяностые (которые с хвостиком) и двухтысячные годы они чем-то отличались от моих обычных сверстников. По крайней мере, хотя бы музыка им была знакома — песню «Крошка моя», завывал хором весь танцпол!

Ну и от количества лосин кислотного цвета жестко рябило в глазах.

Хмыкнув, я машинально одернула полы голубой джинсовой жилетки без рукавов и отложным воротничком. В комплект к ней на мне была коротка юбочка в складочку и босоножки на платформе с квадратным каблукком. Тоже джинсовые. Я даже белые носочки с рюшечками надыбала для такого дела! Руки чесались сделать еще два высоких хвостика, но я отринула эту идею, остановилась на небольшом начесе и косичках. Я ж этот, как его... мини-начальник клуба, во! Сливаться с коллективом не полагается по статусу.

Официантки сегодня бегали в белых блузочках, прямых коротких юбочках и жилетках на молнии и тонкими лямками. Все это из плотной «вареной» джинсы, на голове по два хвостика — у работниц первого этажа высокие, у второго — низкие, за ушами. А еще на всех белые кроссовки — кто б знал, чего мне стоило выбить энное количество пар одинаковой обуви разных размеров! Жуть просто! Не, закупить — не вопросов не возникало, все-таки финансирование «проекта» было выше всяких похвал. Вопрос встал, как доказать сонному директору клуба, что все это действительно надо!

Мое непосредственное начальство долго отнекивалось, отбрыкивалось, отвякивалось... а потом просто махнуло рукой.

Что сказать, соседка сам виноват! Хотел меня в админы клуба, получил меня в админы клуба, а вместе с тем дичайшую головную боль и сорок пять килограмм ходячей

вредности, резво бегающей по его владениям.

Я ж не виновата, что мой первый рабочий день, то бишь ночь, выпала аккурат на вечеринку с посвящением!

За два дня я провернула непроворачиваемое и впихнула, что называется, невпихуемое. Персонал от меня повесился, поставщики обалдели, арт-директор поседел, и только диджей поржал и обещал сделать все в лучшем виде.

Сделал. Да и остальные, надо сказать, тоже не подвели.

Студентики элитного ВУЗа пищали от восторга, отрываясь на тематической вечеринке.

— Что ты за это хочешь? — неожиданно спросила Краснова, не отрывая внимательного взгляда от сокурсников, дрыгающихся под незабвенный «Тополиный пух» вниз.

Я с разбегу подавилась безалкогольным освежающим мохито, который потягивала, зорко оглядывая с высоты вверенную мне территорию разгула, пьянства и шального настроения.

— Ась?! — уставилась я на старосту всех старост, упакованую по случаю дискотеки в стиле девяностых в черные лосины, кроссовки и короткую футболочку с надписью «Love is», чей рукавчик красиво сползал с одного плечика.

— Я говорю, что ты хочешь за все это? — окинув взглядом общую стилистику клуба, слегка измененную для сегодняшнего вечера, переспросила Краснова. И, не глядя на меня, усмехнулась, ковыряя лед в бокале. — Ты же не просто так забрала на себя все обязанности по организации мероприятия? Да брось, Ань, ты разве что в программу вечера не влезла! Так что ты хочешь от меня за это?

— Эм-м-м, — протянула я, судорожно обдумывая ошарашенным мозгом варианты ответов, приемлемых для благополучного исхода дела. Наполеон с его великими планами из меня, честно говоря, фиговенький: ростиком не вышла, на Жозофине жениться не умудрилась, да и вообще, треуголку свою где-то благополучно посеяла... Разве что с ограниченным временем для сна и, как результат, стойким желанием убивать всех жителей этого ненавистного мира я в точку попала.

Если лабать, как говориться, по-чесноку, то я всего лишь на всего выполняла свою работу, строго оговоренную временным трудовым контрактом. Ну, есть у меня такая дурацкая привычка, если я берусь что-то делать, то делаю это до конца!

Наверное потому я мозги всем выношу качественно и с любовью... Ну, не суть.

Вот такая вот обязательная я. Только никому не говорите, засмеют ведь!

Раз взялась за подработку, теперь честно отрабатываю свою гонорар. О корысти я думала в последнюю очередь, но не признаваться же теперь Красновой в своей недалёковидности! Во-первых, не поверит, во-вторых, не оценит. Да и потом, упускать подобный шанс вообще грешно и недалёковидно...

Так что делаем кровожадную морду зловредного гения и царственно выдаем, как будто так и задумывалось:

— Зачет авансом... по физ-ре!

— И все?

Я возмущенно поперхнулась воздухом.

Вот так всегда! Строишь тут из себя великого злодея, вселенского завоевателя, Темного Властелина, блин! А все твои коварные планы по завоеванию мира легко и играючи рушат парой-тройкой простых слов и насмешливым взглядом.

Не. Я так определенно не играю!

— И все, — недовольно протянула моя местами оскорбленная невинность, улыбаясь во все свои неполные тридцать два зуба. Точнее, уже полные, хотя еще недавно таковыми не являлись. Спасибо за сей кратковременный феномен стоит сказать, конечно же, моим любимым работающим сусликам, которые, пылая неугасаемым чувством мести за предоставленное количество разномастных машин вместо благоговейно ожидаемого светлого нефильтрованного, тайком сунули мне в бутерброд маленький камушек.

Сонная я, которую добило похмелье, отключение света и некие странные личности, желающие единения тел и прикосновений устами, с утречка куснула любимый бутер... И выплюнула его вместе с осколками собственной зубной эмали

На учебу я тогда так и не вернулась, после работы пришлось ползти с полузакрытыми глазками к стоматологу — сколотый зуб резал язык, бессмысленно и беспощадно. Да и жевать собственную щеку при разговоре удовольствие ниже среднего, знаете ли...

— Без проблем, — пожалала плечами Краснова, снова устремляя взгляд вниз, на толпу. Она вообще сегодня какая-то странная была. В меланхолии прибывать изволила, громкими заявлениями не бросалась, за порядком не следила от слова совсем... И все время оглядывала танцпол зорким взглядом, словно ждала и жаждала чьего-то появления.

Итак, уважаемые знатоки, вопрос! Кого ожидает здесь увидеть бескомпромиссная, беспощадная, беспринципная староста всех старост? Время пошло!

Я даже сама перегнулась через перила, дабы узреть предмет интереса нашего непоколебимого и острого на язык лидера. Нифигашечки — ни на ком из буйствующих в хмельном разгуле студиозов ярлык «я тут!» не обнаружился. Зато я имела сомнительную честь узреть кое-что куда более интересное и, сняв с пояса портативную рацию, поднесла ее к губам, нажимая на кнопку сбоку, произнося с самым жутким выражением морды лица:

— Алик, хватит спаивать нашего сисадмина!

Снизу под балконом, где располагалась барная стойка, раздался жалобный звон безвременно почившего о каменный пол стакана, попавший аккурат в секундную паузу между песнями. Над потолком клуба разнеслось дикое для современной молодежи «мы не жалкие букашки, супер-ниндзя черепашки!..», а в наушнике, спрятанном у меня в ухе под волосами, послышалось настороженное и жалобное:

— Анна Сергеевна, вы вездесущая, да?

— Вездесущая, — кровожадно подтвердила я, прижимая рацию к губам. — А еще всезнающая, ясновидящая и беспощадная! Ребятушки, у нас договор, помните? Кого увижу с алкоголем, тот работает сегодня бесплатно! Возражения есть?

А в ответ тишина...

Эх, как же приятно, когда тебя понимают с полуслова!

А если серьезно, вы же не думали, что мы с персоналом «Максимуса» пересекаемся в первый раз? Фигушечки, ребятушечки, я местным работникам уже давно всю плешь успела проесть и далеко не один раз!

Мой соседка иногда привлекал меня, как временного работника, водился за ним такой грешок. А я чего? Мне не накладно! Недосыпно, конечно, но когда отсутствие полноценного сна являлось серьезной помехой для активного заполнения собственного постоянно худеющего кошелька? К тому же, в такие моменты моя корысть расцветала буйным цветом — работа в таком заведении, официально оформленная, конечно же, являлась для моего образования несомненным плюсом!

Бесило одно — местный контингент. А именно мальчики и девочки, дяденьки, тетеньки

и иже с ним, считающие себя пупком земли, а остальных так, на побегушках. Отношение к обслуживающему персоналу, как к прислуге, я терпеть не могла. Никак! И, стоило только завидеть издалека или услышать краем уха пренебрежительное или хамское отношение ко мне али к моим подчиненным... Усё, как говорится, пиши-пропало! Тормоза вырубались напрочь.

А завсегда и элитного клуба, они вам не Харлей, они молчать не будут, огребя литрушечку всикарика по своей драгоценной черепушечке. И радостно гоготать тоже.

Портить репутацию заведения моего любимого соседушки отчаянно не хотелось, а потому на сладкие посулы я реагировала исключительно редко. Михась, кстати, своими прошениями не злоупотреблял, хотя активные попытки переманить меня любимую все же имели место быть. Ибо у меня было то, что можно редко отыскать в кандидатках на должность админа элитного клуба.

Ни внешность. Ни уверенность в себе. Ни умение выстраивать отношения и даже ни хорошие мозги и знания.

Опыт. Все дело в опыте. У меня он был, хоть и не совсем по части клуба. Плюс средне-специальное образование и бонусом к нему пока неоконченное высшее. Именно посему Лександрыч постоянно радел за перевод моей драгоценной тушки под свое единственное, незыблемое и неповторимое руководство.

Однако покидать насиженное местечко под сильным, загорелым и надежным крылом Дмитрия Аристарховича мне не хотелось. Ну, сработались мы с моим любимым начальством, я на него пашу, как никак, с подросткового возраста!

Одно плохо — с моими сусликами у нас не было никакого контакта. Вообще!

Здесь же я сразу предупредила: как вы ко мне, так и я к вам. Я не кусаюсь, вышестоящему руководству не стучу, войду и пойму положение каждого... Но халатного отношения к работе не потерплю.

И ведь послушались же! Два дня всего прошло, а каков итог! Механизм работает быстро и слажено, как швейцарские часы, без ругани и сбоев...

Может все-таки дело в контингенте, и мою бригаду на мойке действительно стоит заменить? Все-таки топота, как говорит Аристархович, явно не мой профиль... Я с ними договариваться долго не буду — чуть что мыло в глотку, сковородкой по тыкве, безвольные тела в багажник, а где достать соляную кислоту, шеф, так уж и быть, мне смской скинет....

— Вау... — послышалось вдруг сбоку. — Рыж, а ты в курсе, что выглядишь сегодня, как воплощение тайной мечты педофила?

— Ну, слава валенкам Лексадровича, что я давно совершеннолетняя, — прыснула я, узрев боковым зрением личность дарителя сомнительных комплиментов. Задумчиво поболтав в бокале подтаявший лед с остатками напитка, я задумчиво протянула, снова поднося рацию к губам. — Вот прям даже и не знаю, обидеться или оскорбиться... Кать, второй столик сейчас лопнет от пустых бутылок.

Официантка в зале, у которой из средств связи был только наушник, понятливо кивнула и шмыгнула исправлять досадное упущение, а я же повернулась к новенькому лицу в нашей тихой и уютной атмосфере, иронично замечая:

— Да и вы на старого извращенца что-то не тянете, Олег Георгиевич... К тому же, как хорошо, что я не завожу служебные романы!

— Эх, — разочаровано отозвался рокер, не отрывая взгляда от моих ног, почти не прикрытых короткой юбочкой. — А как иногда хочется пойти на превышение должностных

полномочий, кто бы только знал...

— Ань, я бы на твоём месте согласилась, — окинув внимательным взглядом вошедшего на балкон Верещагина, насмешливо протянула Краснова, машинально облизнув пересохшие губы.

Я едва не застонала.

Блин, ну это-то куды??

Я все понимаю, Олежек хорош, как черт, с какой стороны не глянь. Высокий, черноволосый, долговязый, но сильный, а в байкерском амплуа так вообще офигенный экспонат для музея традиционных архитипов прекрасной женской половиной человечества...

Но почему, стоит только увидеть данного индивида в прикиде а-ля депутатская охрана, в классическом старом костюме, аляпистом галстуке и черных очках, девчонки сразу начинают на активное слюноотделение переходить?

Вот честно, я уже восемь раз пожалела, что обрядила начальника службы безопасности и его подчиненных в подобные одежды — им бабоньки университетские сегодня просто прохода не давали! Нет, надо было послушать Арину, ту самую синеглазку, и в малиновые пиджаки их упаковать...

И чем я только думала?

Спинным мозгом, вестимо. Не иначе!

— Анна Сергеевна, а вы сегодня со мной потанцуете? — не обращая внимания на мою старосту, нахально продолжил флиртовать мой коллега, нахально щурясь. — Ну так, в качестве исключения?

Я нервно одернула края жилетки, пылая нестерпимым желанием застегнуть ее на все кнопки. Не, я никогда особо не комплексовала по поводу своего бараньего веса и средненького размера бюста, но дурацкий топик с приветом из родимых нулевых, из ярко-голубой синтетики, с тонкими нитями-резинками, перехлестывающимися на шее сзади, переходящими в шнуровку, оставляя спину практически открытой, заставлял себя чувствовать себя неудобно. Иногда. Живот он открывал полностью, декольте образовывал — мама не горюй, благо хоть обнаженную спину жилетка прикрывала.

Мечта педофила... фигурки вам, скорее мечта каждого извращенца! Не, мой образ выглядел органично, местами смотрелся даже миленько, но вызывал у кое-кого весьма определенные желания на особо выдающуюся нижнюю часть тела!

И я сейчас вовсе не о пятках и пальцах ног говорю.

После произошедшего на автомойке меня периодически настигала мания преследования. Ну серьезно! Ходят, понимаешь ли, всякие, в темноте с поцелуями лезут, а я потом стой, балдей и думай, а кто же все-таки настолько охамел?

Круг подозреваемых ведь так и не сузился! На самом деле же хрен поймешь, кто там ночного целовальщика изображал: Олег, желающий повторить пройденное; вконец обнаглевшая нехристь, почувствовавшая послабление; или Богдан, невесть с чего решивший нарушить френдзону. А может и вовсе, Санек где-то головой стукнулся али Михась вдруг воспылал «чуйствами», положенными настоящему, я бы даже сказала натуральному, жениху.

Олег, кстати, со счетов так и не был сброшен, не смотря на наш с ним хреновенький, но все-таки опыт в столь сомнительном деле. Ведь один разговор, когда тебя в пылу драки жамкает в губы разъяренный байкер, в попытке успокоить собственную странную фобию и ненависть желтого цвета (да-да, все те же личностные таракашки!), и ты при этом совсем не

отвечаешь. Другое — такой вот волнующий момент, неожиданный, загадочный, таинственный, но заявляющий о вполне конкретных чувствах и желаниях.

Так что Олежка наоборот занимает пока лидирующие позиции на должность моего личного полуночного маньяка! А посему я вполне обоснованно старалась тактично избегать его общества. И не только его, кстати.

И если с другими сей номер пока прокатывал, то не общаться с собственным коллегой пока не выходило никак и абсолютно!

— Фу-фу-фу, Олег Георгиевич, — фыркнула я, пристраивая полупустой стакан на столике в самом углу балкона. — Как вам не стыдно...

— Стыдно, когда соседские дети на тебя похожи, — коротко хохотнул Врещагин. Краснова прыснула, а я же протянула, ехидненько-ехидненько так:

— А чего, Олег Георгиевич, неужто лично представилась возможность сравнить?

— Тьфу, — сплюнул Олежик, оскорбленный до самого дна своего неоскорбимого байкерской самолюбия. — Язва! Я тут к ней со всей душой, а она, понимаешь ли, свой носик в веснушках воротит!

— Сам такое слово, — не удержавшись, я показала другу язык. Да-да, вот так вот просто, банально и совершенно не профессионально! Я такая, я могу... Иногда.

— Готовность номер один, — вдруг раздался из наушника голос Славика, стоящего у нас на фейсконтроле. — Начальство изволило пожаловать-с!

Мы с Олежкой одновременно поморщились, переглянулись, тяжело и печально вздохнули, а я еще и поинтересовалась:

— Кто именно?

— Оба, — последовал краткий и лаконичный ответ. — С вип-гостями.

— Твою ж маму за ногу... — вырвалось у меня вслух, благо я вовремя успела убрать пальчик с кнопочки. Как я недолюбливала особо почетных привилегированных гостей, здесь знали, конечно, если не все, то многие. И все же, некулютурно и трехэтажно выражаться маленькому начальству не престало!

Деловой этикет соблюдать — это вам не коленки воробьям выкручивать!

— Рыж, а напомни-ка мне, — внезапно нахмурился мой товарищ по несчастью, постукивая выключенной рацией по бедру. — Кто у нас там в списках значился-то?

— Пропавших без вести? — хмыкнула я, снова опираясь на перила. — Не знаю, Олежка. Лександрыч сделал морду тяткой, но твердо решил поиграть в партизана на допросе. От Харлея я тоже ответа не добила. Есть варианты?

— Есть, — внезапно протянул Врещагин, пристраиваясь рядом и указывая в сторону входа внизу, аккуратно напротив балкона. — Три штуки только что зашли. Какой выберешь?

— Упакуйте все три, — отчаянно застонала я. — Желательно в мусорный пакет!

Ибо вип-гостями, сопровождающими блистательных директоров клуба, вошедших сейчас в свои владения, оказалась «святая» троица в своем полном, незаменимом, неповторимом составе!

Ну а Аленка, видимо, шла приятным бонусом к высоченному светловолосому предателю эльфийского разлива.

Почему предателю? Да потому что казалось мне, что знает что-то интересное мой белобрысый дружок, но усердно помалкивает в тряпочку. К тому же, появилась странная тенденция за последние дни: где бы не появлялся Липницкий, там же оказывался Исаев и Полонский. Эдакий треугольник звездочек нашего университета, в центре которого

очутилась вдруг бедная и несчастная я. Причем без каких-то усилий с моей стороны!

А я ведь не особо люблю, когда решаю не я, а решают за меня...

— Олежек, — негромко позвала я, разглядывая три до боли знакомых фигуры. — А Исаев и Полонский давно враждуют?

— Еще со школы, — пожал плечами Верещагин и поинтересовался. — А что?

— А причину знаешь? — так же равнодушно спросила, наблюдая за тем, как новоявленные персоны осматриваются, словно пытаюсь отыскать кого-то в толпе отрывающихся хмельных студиозиков. Угу, незаметно так пытаются!

Дайте угадаю, кого ж они с таким упоением ищут-то!

— Да банально там все, — махнул рукой Верещагин, всматриваясь куда-то и хмурясь все сильнее и сильнее. — Их отцы всегда соперничали, как в личных делах, так и в бизнесе. Богдану и Демьяну это фактически по наследству передалось. Желание превзойти соперника во всемстатьям у них, считай, врожденное... Черт! Я же просил ее не покидать первый этаж!

— Арина, радость моя, — тоже узрев причину гнева начальника охраны, то есть девушку, пробравшуюся сквозь нестройные ряды отжигающих кислотных лосин, приветливо встретившую начальство и остальных, и уводящую их же в сторону второго этажа, я потянулась к рации. — А какого ж мадагаскарского пингвина твоя юбочка тут мелькает, а? Кивни, если слышишь.

Ариша, поднимающаяся по мерцающим ступенькам, кивнула, стараясь не привлекать к себе внимания. Переглянувшись со злым Олежиком, я снова потянулась за средством связи:

— Катя где? Она тебя отправила?

Девушка снова кивнула, а Олег, прекрасно все расслышавший и увидевший, красочно выругался.

— Я б сказала пожестче, — хмыкнула уставшая я, потирая пальцами переносицу. Усмехнувшись, дружище высказался еще раз. Я уважительно присвистнула. — Не, я так не смогу... Итак, коллега, что делать будем?

— Найду, башку сверну, — красноречиво пообещал рокер, берясь за рацию и переключая ее на отдельную, выделенную волну, по которой общалась только охрана, чтобы не забивать основной эфир.

Именно благодаря подобной связи осуществлялось непосредственное управление работой ночного клуба. Ну в самом деле, невозможно же носиться по двум этажам, кухне, двумя барами и приличным количеством отдельных кабинетов! Официантки были снабжены только односторонней связью, они слушали, но не отвечали. Если необходима была моя скромная помощь, они подходили к любому бармену и тот уже по средствам рации взывал к духу своего вездесущего младшенького начальства. Еще одна рация была на кухне, во втором баре, у охраны, естественно... И у второго админа.

Который, кажется, совсем потерял страх, не смотря на то, что проходил стажировку всего лишь второй день!

Вот ведь традиционным русским матерным было сказано и на лбу у особо непонятливых готическим шрифтом высечено — Арину на первый этаж не выпускать! Девочка была слишком маленькой и хрупкой, вызывая у подвыпивших мужиков активное желание ее потискать, а у представительниц гнилых досочек, ну, то есть слабого пола, всласть ее пошпынять из традиционного чувства зависти.

Сама девушка, кстати, оказалась на диво работающей и сообразительной. Столь ценный кадр терять не хотелось, так что на внеочередном собрании постояльцев Лысой горы... э-э-э,

то есть на общей обязательной планерке, конечно же, было решено, что Ариша работать останется, но обслуживать будет исключительно кабинки для парочек наверху. И кабинет Лександрыча — мой соседка отныне и навсегда был внедрен ее заботам.

Этот паразит, кстати, теперь только из ее аккуратных лапок свой кофе принимал!

Собственно, именно из-за мгновенно вспыхнувшей любви к официанточке, умеющей готовить обожаемый бодрящий напиток, что приводил Алехина в великолепное расположение духа, Олежка тогда и сцепился с одним из завсегдатаев клуба, решившим прижать Аришу к стеночке. А яркий желтый цвет его рубашки так, особо раздражающим фактором выступил, не более того.

И я точно знаю, что именно стажерка Катя как раз и должна была встретить вил-клиентов, чтобы потом проводить их в бронированный кабинет, но никак не Арина!

Р-р-р-р... поймаю, лично порву на бантики для бородушки Харлея!

— Нет, вы представляете! — внезапно раздалась в наушнике сквозь треск и шепуршание. Мы с Олежкой переглянулись, не обращая внимания на стоящую рядом Краснову, о присутствии которой вообще как-то подзабыли, и дружно наострили ушки. — Вот всем хорош, мерзавец, но так далеко живет... Пока до него доберешься, уже все желание пропадает! Я ему и так и эдак намекала, мол котик, ты так далеко живешь, мне ездить не удобно... Подари мне машину! А котик отказывается, прикните! Ну ничего, я его добыю рано или поздно, вот увидите!

Мы с Олегом синхронно застонали вслух. Эта дура, прости оспади, та самая тщательно разыскиваемая, сейчас с кем-то активно делилась своей личной жизнью, скорее всего привалившись боком к стеночке, совершенно забыв о том, что висящая на поясе рация включается от легкого нажатия! И естественно, ее перлы и жалобы на интимную жизнь сейчас слышали абсолютно все работники клуба! Забавные стенания, кстати.

Я буду не я, если я с упоением в них не влезу!

— Тогда получается, что это не котик, а прям какой-то дальневосточный леопард, — хмыкнула я, отправляя посыл по всему эфиру. Официантки на танцполи замерли, как-то странно задрожав, бармен внизу звякнул бутылками, а Олег тихо скрючился от смеха. Я же насмешливо добавила. — Кать, уволена. Документы завтра заберешь.

— Анна Сергеевна, за что?! — послышался возмущенный крик через наушник. Я хмыкнула. Ну да, действительно, за что ж я так гневаюсь-то на исполнительную девушку, прям-таки образчик тактики, культуры, воспитания и трудоспособности!

Ай-я-яй, Анна Сергеевна, какая ж вы удивительная гадость все-таки!

— А чтобы больше времени для поездки к твоему котику оставалось! — мстительно припечатала я. — Все, разговор закончен. Али есть у кого еще желание пожаловаться на своих уссурийских тигров?

Работнику внизу мгновенно принялись трудиться в ускоренном режиме!

Эх, вот это я понимаю. Мотивация, мать ее итить!

Но вопрос о поиске админа для клуба встает уже довольно остро, угрожающе порывкая в мою сторону. Пока Екатерина, с ее превосходным резюме и хвалебными рекомендациями с прежнего места работы, оставалась далеко не единственным кандидатом на эту должность... Но если уж она умудрилась так накосячить, что ж другие-то вытворять будут!

Не, я Лександрыча нежно люблю и конкретно балую. Но не до такой же степени, чтобы угробить собственную тушку на двух ночных работах! К!н!иго!лю!б.не!т

— Алик, заряжай машину, Ариша, дуй за шефским кофе и вечерним пайком, — отдала

распоряжение и, махнув рукой Олегу, отправилась в выделенный мне кабинетик с прозрачными стенами, соседствующий с огромной квадратурой кабинета вышестоящего руководства. Вход туда находился тут же, на том конце балкончика в форме буквы «Г», сразу за проходом на второй этаж с лабиринтом.

Основной свет я включать не стала, плюхнулась за стол и, шлепнув по настольной лампе, с наслаждением размяла шею, ожидая пока ноутбук загрузится, наслаждаясь минутами покоя и тишины. Стеклянная перегородка и дверь, сделанная на заказ, отлично глушила ревушую на танцполе музыку. Не, Ласковый май с его «Детством» — это, конечно, классика жанра, почти ярлык определенного временного промежутка... но не фанат я Шатунова, хоть увольте!

Обидевшийся на все и вся сисадмин, которому никто и никогда не разрешал пить на рабочем месте, давным-давно отключил всем доступ в соц. сети. Неприятно, конечно, но не страшно: аська-то осталась! Что поделать, Сашку временами было жалко, но данные правила устанавливала не я, и даже не Лександрыч! А... приготовьтесь громко и неприлично ржать — сам господин рыжебород, гордо именуемый по паспорту Ильей Алексеевичем Добрыниным!

В простонародии известный так же. как Харлей.

Ну или небритус хариус, питекантроп рыжий обыкновенный, пакость нецензурная и непробиваемая... И прочее, прочее, прочее.

Честно, я когда первый раз услышала его богатырское во всех смыслах имя, долго и весело каталась в банальной истерике без шансов на возвращение в прежнее адекватное состояние. Это ж блин-блинский просто, иметь такое имечко, вкупе с такой вот внешностью! Не, телосложение там воистину богатырское, что ни говори. Но в остальном, прекрасная маркиза... ну просто полный разрыв шаблона!

Долго хихикать мне не пришлось, кстати. Харлей, который на все присужденные ему эпитеты только посмеивался в короткий рыжий ус и прощал все мои обзывалки в его адрес, хохотунчики в адрес его настоящего имени не простил. И стоило мне только, икая от смеха и вытирая выступившие слезы, ехидно протянуть необидное «Илюшенка!..»), как меня тут же перебросили через коленку, а потом весьма больно и обидно выпороли!

Больше именовать обидчивого австралопитека по присвоенному ему отделом ЗАГС имени я зареклась в ближайшем обозримом будущем. Эх, таракашки, таракашки, тараканчики... Где ж вас берут, родненькие вы мои, препротивненькие?

Укажите мне сие местечко злачное, я ж его за три километра буду обходить!

Искомый моей зловредной личностью персонаж оказался в зоне интернет-доступа. Да кто б сомневался, собственно, я ж эту пакость невозмутимую как облувленную знаю!

Потирая лапки в предвкушении, быстро набрала текст, проигнорировав положенное приветствие и, сунув сигарету в зубы, развалилась в удобном офисном кресле в ожидании ответа. Впрочем, он долго себя ждать не заставил. Диалог вышел... содержательный, что ни говори!

Я: «А не желает ли один отморозок симпатичной наружности получить в своё безграничное владение ночной клуб и целую ораву жаждущий подчиняться и выполнять приказы личностей? Признавайся, ледяная моя, ты давно этого хотела!».

Эльза: «БДСМ не мой профиль, ты же знаешь».

Я поперхнулась дымом и, уткнувшись, попыталась прекратить громко и с наслаждением хохотать. Извращенная фантазия, помноженная на слишком живое воображение, упорно

подкидывали гадкие картинки одной моей хорошей знакомой, облаченной в латексный костюм, с хлыстом в руке, которым девушка сладострастно охаживала упакованного в кожаные шорты и маску Верещагина. На фоне того, что эти двое не переносили другу друга с приставкой «совершенно», а Эльзой девушку прозвали отнюдь не за просто так... картинка выдалась ну прямо мама не горюй!

Тихо похрюкивая от смеха, пристроила тлеющую сигарету на краю пепельницы и быстро набрала ответ. Кто б сомневался, что дальнейший наш диалог как всегда тонко намекал на прямую путевку в места не столь отдаленные, с энным количеством мягких стен и добрых дядей санитаров, жаждущих раскрыть свои могучие объятия по нашему долгожданному приезду:

Я: «Ну не скажи-и-и... Помню я ту Сессию в магазине, когда кто-то из продавцов решил, что денег у тебя нет и не предвидится. Я конечно не в Теме, но даже меня проняло!»

Эльза: «Для того, кто не в Теме ты слишком много знаешь. Но прогиб засчитан».

Я: «Я польщена! Ну ладно, оставим в сторону твои извращённые предпочтения... А всё-таки, радость моя слегка отмороженная, почему нет?».

Эльза: «Потому что я не люблю толпу?».

Я: «Не катит!».

Эльза: «Потому что я не люблю клубы?».

Я: «Ага, и это не ты зажигала тогда на танцполе, что бы после отшить парней одним лишь взглядом ледяным...».

Эльза: «Ла-а-адно... Потому, что у меня уже есть постоянная работа и я не имею никакого желания братья за чей-то клуб?».

Я: «Близко к истине, но... А картошка не сгорит?».

На этом месте мой собеседник пропал, а я коротко хохотнула, возвращаясь к останкам сигареты, прям-таки ощущая, как моя вечная визави сейчас гордо окрестила меня «сволочью»... И торопливо вернулась к плите, спасая от пригорания свой неизменный ночной перекус.

Знаем мы эту личность хладнокровную, у нее как только за полночь время перевалит, так сразу наступает «ночной дождор! Всем выйти из холодильника!».

Как будто первый день знакомы, ну.

Затушив окурок, пристроила рацию на краю стола и, придвинувшись поближе, снова принялась за диалог:

Я: «Приятного аппетита!».

Эльза: «Ты пакость, ты в курсе?».

Я: «Могу, умею, практикую! Можешь больше не хвалить, я итак все это знаю J. Так что на счет клуба и его работников, алчно жаждущих получить в свое непосредственное начальство такую распрекрасную тебя?».

Эльза: «Рыж, я тебя знаю. И прямо на расстоянии ощущаю подвох. Сразу признаешься, али о пытках вспомним?».

Я: «Ну вот, а говорила, БДСМ не твой профиль...»

Эльза: «Язва!».

Я: «Какая есть, такую и любите! Ну, Фроз, ты ж не испугалась, не? Чего заднюю-то врубаем? Это всего лишь клуб!»

Эльза: «Рыж, не беси меня:))»

Я: «Ой, у меня уже тапочки от страха побледнели! Не, серьезно, кто там такой умный по

ту сторону монитора мою ледяную королеву умыкнул и трясучку-зайку посадил?».

Эльза: «Ха-ха. Сейчас загнусь от смеха».

Я: «Или от страха?:)) Эльзик. отмороженный ты мой. ну чего очкуем, как Михалыч на планерке? Здесь совсем не страшно!».

Эльза: «Я не боюсь, ты же знаешь».

Я: «А стоит. Здесь такие зарплаты, что прям трястись начинаешь... от вожделения. И предвкушения. И щедрости! А уж кадры какие, а размах, а атмосфера...».

Эльза: «Рыжая гадость, не пытайся меня заинтриговать».

Эльза: «Какие кадры?»

Я прыснула в кулак. Йес, котятки! Рыбка наживку заглотила, будет вам, касатики, отличный админ! А что слегка отмороженный, так это еще не самый дикий вариант...

Я: «Шикарнейшие! Отборнейшие! С огромной кучей танцующих ламбаду тараканов и буйных ярких головах! Прям собрание живых примеров для диссертации на тему: «Мозг. Отклонение от нормы или видовые особенности?». Короче, ты оценишь!».

Эльза: «Эй! Я еще не согласилась!»

Я: «Да ну?:))».

Эльза: «Гадость рыжеволосая...».

Я: «О да. Хвали меня, хвали меня полностью! Короче, Фроз, адрес кину эсэмэской, с шефом договарюсь, стажировку лично проведу! Усё будет в лучшем виде!».

Эльза: «А если я все-таки откажусь?».

Я: «Поздно пить боржоми, когда почки похоронены! Ты ж трудностей не боишься! Или что-то где-то поменялось, и ледник трещиной пошел?».

Эльза: «Ха. Не надейся, интриганка. На мякине меня не проведешь».

Я: «Ну вот и ладушки. Все, иди чавкай свой картофан, а я пойду дрессировать местных тараканчиков».

Эльза: «Плетку дать?».

Я: «И после этого я еще язва? Все, чао-какао, а для тех, кто в Теме: приятных кошмариков с ванильными облаками и гламурным кисо в главной роли!»

Эльза: «Фе!».

Я: «И я тебя люблю!:))».

На сим диалог закончился и моя коварная светлость, потирая лапки, предвкушая размер будущей подставки для некоторых отдельно взятых личностей, погладила себя по голове, суя очередную сигарету в зубы.

Эльза, конечно, местами отмороженная на эмоции, за то руководитель из нее будь здоров! А то, что подруженица в свое время поклялась держаться от Верещагина на расстоянии пушечного выстрела, как от единственного, кто может вывести хладнокровную мадам из себя... Ну так все бывает в первый раз. Авось и ледяные замки начнут таять!

А я ценного работника Михею предоставлю, местным кадрам адекватное руководство обеспечу, себе спокойные ночи устрою, а заодно и Олежку займу по самое не балуй. Черт, это ж гениально!

Кто молодец? Я молодец! Кто молодец? Я молодец! Кто молодец...

— Анна Сергеевна, какого хрена?!

Я чуть с кресла не навернулась от неожиданности.

Уй... Кажись сейчас тут будет весело.

Миша плюхнулся на любимый диван, устало потирая виски. Спать хотелось невыносимо. Впрочем, как и всегда...

Но были в этом и свои плюсы. Хотя постоянный недосып Лександрыча не красил от слова совсем, временами превращая его в разгневанное, а порой неадекватное чудовище, от которого шугались все, даже такой привычный жизненный ритм вносил хоть какую-то определенность. Своеобразную, конечно же. Но устоявшуюся.

Постоянность — наше все, как любило поговаривать одно рыжее чудище. Кстати, где оно сейчас?

Всколыхнулись легкие занавески, и в помещение шагнула Ариша. Поставив высокий стакан с полюбившимся кофе, девушка отступила, но Михаил остановил ее, придерживая за тонкое запястье:

— Почему ты спустилась в зал?

— Простите, Михаил Александрович, — смущенно улыбнулась девушка, покосившись на привилегированных гостей, рассматривающих ее с легким интересом. — Накладка вышла. Анна Сергеевна и Олег Геннадьевич меня уже предупредили. Это больше не повторится.

— А где сама Сергеевна-то? — любопытно развалившийся в любимом углу Харлей. — Разделяет и властвует?

Неожиданно девушка прыснула, но мгновенно взяла себя в руки. Впрочем, шальная улыбка все равно пыталась заползти на ее лицо, а голосок слегка дрожал:

— Она у себя в кабинете, кажется. Михаил Александрович, я пойду?

— Иди, — махнул рукой директор, принимаясь за любимый кофе, не особо интересуясь, что же там за накладка вышла такая любопытная. А вот Харлей, кажется, был заинтригован:

— Интересно, что ж там такого зайчучулик мой опять отчебучил, что официанточка сейчас лопнет от смеха?

— Эм-м-м... — переглянувшись с Аленкой, вмешался в разговор хмуриющийся Липницкий. — Харлей, я правильно сейчас понял... Вы рыжее чудище на работу взяли?

— А чего такое? — вскинул брови бородатый байкер, явно не понимая, какого, собственно, хрена у бывших одноклассников лица вытянулись от удивления.

— Я, конечно, понимаю ваше к ней отношение, — покачивая стакан с виски в руке, многозначительно хмыкнул Исаев. — Но Харлей, это не профессионально. Она вам весь коллектив развалит.

Алехин от такого заявления чуть кофе не подавился. Отставив стакан, парень промокнул подбородок салфеткой, переглянулся с дрожащим от сдерживаемого смеха байкером... и расхохотался в голос!

Если честно, ему было не привыкать выслушивать различные мнения о том, что друзей принимать на работу нельзя. Нет, пристраивать по протекции к знакомым кого-то из своих людей — это одно. Но держать в штате работников своих друзей, которые еще и являются членами собственной банды — это же просто верх недалковидности!

О да. Особенно на фоне того, что именно благодаря друзьям и их четко отлаженной работе клуб «Максимус» и имел такую бешеную популярность, а справляться с его управлением и проблемами Миша и Харлей давно уже стали сами, благополучно выведя

предприятие из сферы влияния собственных родителей. Старшее поколение вернуло себе вложенные в строительство и открытие деньги в полной мере в срок и получили даже сверх того.

И теперь несколько жалели, что не озаботились закупкой пакета акций — в начинание своих отпрысков они с самого начала не особо верили, спонсорскую помощь выделили скорее, чтобы преподать урок слишком самостоятельным детям.

А сами дети, как оказалось, давно уже выросли.

— Мне когда Ольшанский первый раз посоветовал ее на подработку взять, я тоже у виска покрутил, — отсмеявшись, хмыкнул Харлей протягивая руки у бутылке вискаря.

— Рыжуха всем хороша, но в успех авантюры чёт не верилось. Однако Аристархович уж слишком загадочную рожу делал и настоятельно уговаривал попробовать. Ну мы с Михой и рискнули. И не пожалели!

— Дем, я ее уже третий год пытаюсь переманить, — усмехнулся Алехин, отодвигая от себя опустевшую тару. Закурив, парень откинулся на спинку белого дивана и добавил. — Да только тщетно. Когда нас особо припечет, Рыж поворчит-поворчит, но прибежит, порядок наведет и дальше под крылышко своего шефа ноги сделает.

— У нее есть задатки управленца, — понимающе протянул Полонский, вращая между пальцев пачку крепких сигарет со вкусом вишни. — И опыт.

— Именно! — щелкнул пальцами Харлей, отрываясь от разлива драгоценной янтарной жидкости по стаканам. — Сам посуди, Дем — она за два дня вечеринку для вашего универа организовала. Душу вынула из всех, довела до седых волос меня и Миху, сама чуть не померла от усталости и недосыпа, но провернула почти невозможное. Ребята на нее молятся фактически. У нас абсолютный порядок царит, только когда зайчонок мой тут бегаёт и на всех разъяренно шипит.

— Так вот где она два дня пропадала, — задумчиво протянула Аленка, которая все еще продолжала держаться подальше от страшного рокера, но более или менее начала осваиваться. — А ведь она даже мне не сказала.

— Так вот о чем вы на мойке шептались, — дошло, наконец, до Исаева.

— Рыж когда в нормальном настроении выражается так, что без словаря не разберешь, — коротко и понимающе хохотнул Лександрыч. — А уж когда в гневе, там без переводчика не обойтись! Ну да, ты прав. Она просила клуб в аренду, я согласился при условии ее временного трудоустройства. Прошлый админ ушла в декрет, а с поисками нового возникли определенные проблемы. Сейчас это чудище нового подберет, в курс дела введет, обучит и обратно на свою мойку ноги сделает. А свою подработку она никогда не афиширует. Дем уже ясно показал, что в таких ситуациях думают сторонние наблюдатели.

— Был не прав, — задумчиво отозвался Исаев, переваривая новую для себя информацию, показавшую знакомую, казалось бы, рыжую оторву абсолютно с новой, иной стороны. Но больше всех его пока озадачивала одна вещь...

В досье Солнцевой не было ничего из вышеизложенного, в том числе ни слова о другом ее месте работы, образовании и столь интересных знакомствах. Складывалось впечатление, что кто-то грамотно затирал все следы бурной деятельности его личной ходячей неприятности.

Но только вот кто?

— Михаил Александрович! — цокая каблучками, в комнату влетела разгневанная девушка... рыжая. Несколько человек чуть одновременно не подавились. Исаев сначала

подумал было, что к ним на огонек заглянула та самая вышеупомянутая личность, но почти сразу парень понял, насколько он ошибся.

Беспардонно вломившаяся в их уединение девушка меньше всего походила на забавную, язвительную оторвочку. Высокий рост, все параметры тела, соответствующие модельным стандартам, длинные прямые волосы яркого морковного оттенка, бронзовая от загара кожа... Весьма неплохо, но не то.

Шевелюра Солнцевой же выглядела более естественно, переливаясь всеми оттенками, от золотисто-рыжего до глубокого медного. Да и обилие веснушек на вздернутом носике красноречиво свидетельствовало о том, что его вздорная временами хозяйка не любила злоупотреблять пудрой, краской для волос и посещением популярного у модниц солярия.

— Что случилось, Катя? — изумленно вскинул брови озадаченный Лександрыч, меньше всего ожидавший появления стажерки, да еще и при гостях.

— Михаил Александрович, простите, я хотела ее остановить, но... — позади рыжей неловко переминалась с ноги на ногу его Ариша.

— Ничего страшного, — махнул рукой Михаил, указав официантке на дверь кивком головы. Винить в чем-то конкретно это маленькое создание с огромными синими глазами ему и в голову не приходило. Да и даже если бы она действительно что-то натворила... за чашку любимого кофе хозяин клуба был готов простить конкретно ей что угодно и когда угодно. — Итак, что случилось?

— Ваша рыжая... оторва! — выругалась высоченная девица, явно пытаясь удержаться от более крепкого словца. — Она меня уволила! Просто так!

Переглянувшись, Демьян с Богданом одинаково хмыкнули. А Харлей, развалившийся в углу, с интересом пробасил:

— Да что ты говоришь... Вот прям просто так?

— Да! — упрямо тряхнула головой девушка, выставляя вперед точеную ножку, совершенно неприкрытую короткой джинсовой юбкой. Руки она сложила под грудь, обтянутой короткой розовой футболочкой и уязвлено заметила. — За одну случайно брошенную фразу, которая лично ее никак ее не задела, она не имела меня увольнять никакого права! Моя личная жизнь ее никак не касается!

— О, как интересно, — Лександрыч постучал пальцами по столу. В то, что Анька занялась обыкновенным самодурством, не верилось от слова совсем. К тому же, если вспомнить, как Арина от чего-то давилась смехом... Что-то в его отсутствие все-таки произошло! Приняв решение, Алехин взялся за телефон и набрал номер.

— Олег, зайти.

— Зачем Олег Геннадьевич? — неожиданно насторожилась Екатерина. — И без него так все ясно!

— Ты же не думала, что я тебе на слово поверю? — иронично спросил Михаил.

Рыжая замялась.

Появился Верещагин, лицо у которого было... ну, слегка перекошено. Особенно при взгляде, который он бросил на побледневшую невесту от чего стажерку. Олега явно распирали громкий некультурный ржач и сдерживался начальник охраны с бо-о- ольшим трудом!

И вот тут Лександрыч явственно понял, что какое-то происшествие на самом деле все-таки имело место быть...

— У тебя сейчас лицо треснет, — хохотнул просекший фишку Харлей. — Чего отмочить успели?

— О, Илья Алексеевич, вам понравится, — с предвкушением протянул Верещагин и потянулся за рацией. — Макс, звук в випку выведи на монитор.

Один из телевизоров, висевших над диваном, мигнул и транслирующийся по нему клип сменился серой рябью. Рыжая, предчувствуя скорые неприятности, пыталась отступить, но Верещагин, усмехнувшись, подтолкнул ее в спину поближе к столу. Под цепким взглядом бородатого байкера девушка ступевалась и осталась стоять на месте, а остальные с любопытством уставились на монитор.

Что-то щелкнуло, и из динамиков полился звук:

— Нет, вы представляете! Вот всем хорош, мерзавец, но так далеко живет... Пока до него доберешься, уже все желание пропадает! Я ему и так и эдак намекала, мол котик, ты так далеко живешь, мне ездить не удобно... Подари мне машину! А котик отказывается, прикните! Ну ничего, я его добыю рано или поздно, вот увидите!

Исаев переглянулся с Полонским, Липницкий с Аленкой, а высокое начальство друг с другом и все удивленно выгнули брови. Не узнать голос стоявшей тут Екатерины, пускай и искаженный радиоволнами, не представлялось возможным.

Всем присутствующим сразу стало понятно, что это та самая «случайная фраза», которая Солнцева никак не касалась. Точнее не касалась бы, если бы не была произнесена в общем эфире!

— Тогда получается, что это не котик, а прям какой-то дальневосточный леопард, — послышался вдруг такой знакомый, насмешливый голосок. Народ прыснул, а Анька спокойно так резюмиовала — Кать, уволена. Документы завтра заберешь.

— Анна Сергеевна, за что?! — раздался возмущенный возглас стоявшего тут админа, сейчас молчавшего в тряпочку, но медленно и мучительно заливающегося краской.

— А чтобы больше времени для поездки к твоему котикку оставалось! — мстительно припечатала Солнцева и свернула веселье. — Все, разговор закончен. Али есть у кого еще желание пожаловаться на своих уссурийских тигров?

Возражений не нашлось, а вот похихотать над коротким разговором желающие отыскались тут же!

Лександрыч, повернувшись, с насмешкой воззрился на сгорающую от стыда Екатерину, а потом на Олега. Тот его не разочаровал, хотя причин для увольнения рыжего админа, того, который про личную жизнь свою поведал всем и каждому, уже оказалось предостаточно. Солнцева оправдалась по всем статьям, но, как оказалось, самое веселье было еще только впереди.

— Это только прелюдия, — усмехнулся Олег, с трудом сдерживаясь от очередного перекоса лица, и со смешком обратился к рации. — Макс, картинку давай!

Изображение на мониторе мигнуло и серые полосы сменились картинкой. Просторный кабинет с прозрачными стенами, небольшой стол посередине и уже знакомая рыжая неприятность, закрывающая ноутбук. Камера наблюдения, висевшая в углу, отчетливо и красочно показала, как Солнцева едва не нагнулась с офисного кресла, когда стеклянная дверь открылась и в помещение вломилась Екатерина, пылающая от несдерживаемого гнева:

— Анна Сергеевна, какого хрена?!

— У-у-у, писец котенку, — радостно потер ручищи улыбающийся во всю челюсть Харлей.

— О, и тебе не кашлять, — отозвалась тем временем рыжая невозмутимость за столом. Покрутив в руках пачку тонких сигарет, Солнцева привычно сунула одну в зубы и

поинтересовалась. — Чего воздух сотрясаем?

— Да вы, вы... — Екатерина, мигом оказавшаяся по другую сторону стола, с силой припечтала ладони о дерево. — Да как вы посмели?!

— Да действительно, — наигранно-удивленно протянула Солнцева, насмешливо поглядывая на бывшую коллегу снизу вверх. — Как это я умудрилась?

— Хватит ерничать! — огрызнулась стажерка, явно не разделяющая веселье своего маленького начальства. — С вами невозможно разговаривать! Вы несерьезно относитесь к работе!

— Не, ну почему, — озадачено почесала бровь рыжая и улыбнулась. — Я сама серьезность и невозмутимость. Местами. Ну, или пока нет откровенных поводов поржать. Ты такой сама предоставила, чего теперь горланишь, как пьяный Басков на корпоративе?

Народ хрюкнул. Верещагин, все это уже слышавший, все равно закатился, Алёнка хихикала, Харлей постарался громко не гоготать... И только пылающая Екатерина постаралась скрыться. Тщетно — начальник охраны отпускать ее никуда не собирался!

— Да вы, вы... — тем временем стала заикаться рыжая модельной внешности.

— Да я, я, — покивала Солнцева с умным видом. — Буковку новую выучили, перебираем алфавит дальше!

— Да как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне? — зло прищурилась Екатерина, пальцами сжимая края стола.

— Не, погодь, — изумленно вскинула брови оторва всея университета. — Ты тут в моем же кабинете на меня же орешь так, что гланды выпадают, а я должна молчать, как еврей перед расстрелом? Ничего не перепутала, не?

— Я пожалуйю Михаилу Александровичу! — не нашла ничего умнее Екатерина, даже притопнула ногой в лаковой туфельке. Солнцева равнодушно махнула рукой:

— Флаг в руки, барабан на шею, три пера в энное место и электричку на встречу! Дорогу показать?

— А, так ты все-таки с ним спишь? — внезапно сощурилась девушка, расплываясь в нехорошей улыбке. — Я так и знала!

Алехин закашлялся от такого предположения. Не, рыжую он конечно безмерно обожал... Но его нервные клетки выдержать соседку в роли собственной девушки были бы просто не в состоянии!

— Мих бы оценил, — ни к кому конкретно не обращаясь, тихо хихикнула Солнцева на экране. — Но знаешь... я столько спать чисто физически не сумею! А вообще, у меня есть единственная любовь, которая меня кормит и меня же она имеет... Работой называется!

— Постель начальства твоя работа! — отрезала Екатерина, складывая руки на груди.

— Они слишком многое тебе позволяют!

— Ай-я-яй, какие нехорошие засранцы, — покачала головой Солнцева, откидываясь на спинку стула. — Я им обязательно пожалуйю при встрече на такую гадкую и нехорошую меня. Еще какие-то вопросы есть?

— Анна, я вас не понимаю, — неожиданно Екатерина на экране сменила тон и вернулась к деловому тону общения. — Мы же женщины, а женщины должны друг другу во всем помогать!

— О как? — брови администратара скакнули на лоб. Затушив окурок в пепельнице, она подалась вперед, оперлась локтями на край стола, переплетя пальцы и устроив на них подбородок. — А больше я никому ничего не задолжала, ну так, совершенно случайно?

— Я знала, что вы сильная личность, — вскинула подбородок девушка. — Но своими патриархальными предпочтениями и явно выраженной мезагонией вы разбиваете мне сердце!

В вип-комнате повисла мертвая тишина. Такого поворота событий, а именно того, что Екатерина окажется яркой активисткой феминистического движения, никто вообще не ожидал!

— Ну прям охренеть, какое пассаж, — ошарашено выдавила из себя шокированная Солнцева. — Так ты это... из этих, что ли? Ну которые самостоятельные дикарки в бронелифчике, орут «даешь свободу бабам, а мужчинам паранджу»?

— Я не амазонка, — оскорбилась Екатерина и гордо вздернула подбородок. — Я феминистка!

— Хрен редьки не слаще, — озадаченно моргнула рыжая и покосилась на агрессивно настроенную оппонентку. — А от меня-то ты чего желаешь? Не, я девочка, конечно взрослая, самостоятельная, сама зашнуровываю кеды и вообще... Могу и шкаф-купе на спор собрать, ежели сильно припрет! Но мужики как бы это... вещь в хозяйстве нужная!

— Это всего лишь стереотип! — топнула ногой стажерка и с отвращением поморщилась. — Стереотип о слабости женского пола. Он всегда влиял на политические воззрения женщины. А это самая яркая и неприкрытая мизогиния!

— Да тьфу на тебя, — коротко ругнулась вконец растерявшаяся Солнцева. — Да не ненавижу я женщин, с чего ты взяла?

— У вас патриархальные взгляды!

— Да ну?? — нереально удивилась университетская оторва. — Хотя не, о чем это я... Мужиков я люблю. Они меня, кстати, тоже... И вообще, у меня с ними, как с совестью, есть договор. Я их не трогаю, они меня лишней раз не имеют!

От смеха на этот раз грохнули все!

— Анна Сергеевна, — наклонившись, яростно прошипела Екатерина. — Вы понимаете, что сейчас оскорбляете всех женщин в моем лице? Вы ненавидите феминисток, но пользуетесь их благами!

— Ну окей, — фыркнула Солнцева, снова закуривая. — Ну блага и все такое я понимаю. В конце концов, я не двадцать пятая жена в гареме, ношу любимые джиинсы и даже на машине раскатываю. Равные права — это, конечно, хорошо. Феминистки своего добились... но ты-то к их победе каким боком примазалась?

— Я борюсь права всех женщин! — стукнула Катя кулаком по столу. — Мы должны встать на равнее с мужчинами! Почему до сих пор существует список профессий, запрещенный женщинам?!

— Слушай, а ты борись, — с неожиданным интересом подалась вперед Анька. — Борись и не сдавайся! А когда добьешься своего, я с удовольствием посмотрю, как ты станешь... ну, скажем, менять у Белазы колесо. На трассе. В минус пятьдесят!

Лександрыч, не сдержавшись, расхохотался, как и остальные, созерцающие стоящую в вип-комнате Екатерину, готовую от стыда сквозь землю провалиться! Да кто бы только дал ей это сделать?

А несносная рыжеволосая неприятность, тем временем, кажется, окончательно вошла в раж. Благо ее визави медленно, но верно сама доводила ее до крайней точки кипения:

— Вы неправы! Женщин незаслуженно принижают! Вот почему руководящие должности занимают исключительно мужчины? Я здесь, чтобы доказать обратное. Поэтому

вы не можете меня уволить — я пройду всю карьерную лестницу и стану одной из директоров этого клуба, вот увидите!

— Вот Харлейчик-то обрадуется... — в состоянии крайнего изумления протянула рыжая. — Он-то еще не в курсе, что у него конкурентка объявилась. Слушай, а ты как, бандану с косухой его приватизируешь, а бородку отрастишь или так, полумеры подойдут?

Осчастливленный Харлейчик завыл басом в своем углу, догрызая диванную подушку.

— Вы утрируете! — почти взвизгнула Екатерина, взбешенная таким предложением. — Мы слишком далеко ушли от природы, и в состоянии сами выбрать себе достойный внешний вид и достойное существование! Нам нет нужды менять свою внешность ради мужчин, а уж тем более становиться похожими на них!

— Да ты чё... — заинтригованно откликнулась Солнцева. — А я-то думаю, что за скрип доносится, а это, оказывается, плохо смазанные шестеренки в твоей голове с трудом проворачиваются! Робот ты мой феменестический, я, конечно, дико извиняюсь... Но человеком движут инстинкты. Особенно инстинкт продолжения рода, который заставляет вступать в интимную связь. Его-то как твой отсталый от природы организм умудряется игнорировать, а?

— У человека нет инстинктов! — отрезала Катя с чувством заметного превосходства.

— Тр'хаться человека заставляет желание тр'хаться и ничто другое. Иначе каждый акт бы сопровождался зачатием!

— Ой дура... — все-таки не выдержала выдавшая виды университетская оторвочка и припечатала. — Инстинкт размножения заставляет человека заниматься сексом, а наличие мозгов вынуждают его предохраняться!

— Нет! — выкрикнула Катерина, впечатывая ладони в стол. — Он придуман для удовольствия, а не размножения! А чтобы получить удовольствие, наличие мужчины не обязательно!

— О, — как-то вдруг слишком спокойно произнесла Солнцева и улыбнулась слишком уж знакомой всем улыбкой, поднимаясь с кресла. Невольные зрители по эту сторону экрана машинально подались вперед... и не разочаровались! — Так вот где бедный Тузик окопался-то... Отсутствие постоянного дисконта в местный интим- бутик сейчас все прямо объясняет!

— Что? — не поняла Екатерина.

— Пошла вон, говорю, злая неудовлетворенная женщина!!

Дальнейшие возмущенные плевки Екатерины с экрана прервал громовой раскатистый хохот. От последнего комментария разозленной Солнцевой полегли абсолютно все!

Помирающий в очередной раз от смеха Верещагин дал сигнал отбоя и монитор на стене, мигнув, вернулся к трансляции клипа времен бурных девяностых.

Екатерина, воспользовавшись всеобщим неадекватным состоянием поспешила банально сбежать.

— Вас вообще нельзя одних оставить? — постанывающий от смеха Михаил потянулся за сигаретами. — Кого-кого... но феминисток у нас еще не было!

Олег, улыбаясь, развел руками:

— В анкетах при приеме на работу мы никогда вопрос о мировоззренческих взглядах не указывали... Зря, видимо.

— Воистину! — гоготнул Харлей и, опрокинув в себя приличное количество вискаря, крякнул, заедая виноградиной. — Сама зайча-то там как сейчас?

— Алик ее кофе с коньяком отпаивает, — хохотнул Олег, постукивая рацией по

предплечью. — Позвать?

— Ей бы сейчас чего крепче не помешало, — насмешливо заметил Полонский, пригубив крепкий напиток из своего стакана. — После такого-то.

— Да она не будет, — хмыкнул Верещагин и, узрев кивок Лександрыча, попросил по рации. — Ань, в випку зайди.

— Почему? — негромко спросила Алена, заинтересованно глядя на Олега. Она-то думала, что хорошо знает свою подругу... Но по факту оказалось, что они с ней чуть ли ни вообще едва знакомы.

— Да сейчас сами увидите, — махнул рукой Михаил, принимая от тенью скользнувшей Арины очередной стакан и любимый бутерброд. Девушка, дежурившая все это время неподалеку, сейчас сверкала пунцовыми щеками, а уголки губ ее заметно подрагивали, пытаясь растянуться в улыбку, отчетливо показывая, что она все видела и слышала.

Впрочем, никто и не сомневался, что очередные приключения рыжеволосого язвительного админа очень скоро станут всеобщим достоянием.

Да только когда этот самый недовольный чем-то админ вошел в помещение, хохмить всем как-то разом расхотелось...

Короткая подростковая юбка в складочку, открывающая стройные длинные ножки, короткий топик с приличным декольте, полностью обнаживший плоский животик, милые белые носочки с рюшами, открытые туфельки, джинсовая жилетка... На тонкой шее чокер, на запястье одной руки такой же браслет, на указательном пальчике другой такое же кольцо, на голове две аккуратные ажурные рыжие косички, серьги-кольца в ушках и кристально-честный взгляд воплощения самой невинности.

Харлей от неожиданности уронил на собственные колени полупустой стакан.

А заодно и челюсть!

У народа, уже давно привыкшего к милейшему рыжеволосому раздолбайству в кедах, разом приключился когнитивный диссонанс.

— А-а-ань, — ошарашено протянул Алехин, позабывший про свой любимый кофе. — А ты в курсе, что выглядишь сегодня, как воплощение мечты педофила?

— Благодарю, Михаил Александрович, — насмешливо отозвалась рыжая, стрельнув глазкам сторону прыснувшего Верещагина. — Олег Геннадьевич сегодня меня на эту тему уже просветил! Что-то случилось?

Исаев удивленно моргнул. Происходящее казалось какой-то альтернативной реальностью — мало того, что университетская оторва и его личная головная боль выглядела сегодня так, что даже у него мысли уходили совершенно не в ту сторону, так она еще и вела себя так, будто они совершенно не знакомы!

Солнцеву как подменили. Но учитывая тот факт, что еще минуту назад она же на видео с камеры наблюдения выдавала свое вечные, незыблемые перлы, ее поведение девочки-цветочка сейчас просто не укладывалось в голове!

Сидящий рядом его вечный оппонент и соперник, к слову, выглядел не менее озадаченным, и даже куда более задумчивым. О Липницком и его девушке и вовсе говорить не стоило — рыжая даже их не поприветствовала!

— Да нет, — вечно спящий владелец клуба первым справился с удивлением и усмехнулся. — Разве что должность админа у нас снова открыта?

— А, уже сообщили? — невозмутимо пожала плечами рыжая скромность и разврат в одном джинсовом флаконе. — Ну да, ну да. Данное происшествие имело место быть.

Михаил Александрович, ей-богу, еще один такой кадр и я надбавку начну просить. За вредность!

— Тебе молоком или как? — не удержавшись, усмехнулся Верещагин.

— А хоть бы и так! — улыбнулась Солнцева и, сложив руки на груди, полюбопытствовала. — Это все или я могу идти?

— Ну, зайныка, — пробасил вдруг обделенный вниманием Харлей, приподнимаясь из своего угла. — Ну, хватит уже там в клубе своей короткой юбочкой сверкать! Посиди лучше с нами!

— Илья Алексеевич, — укоризненно качнула головой Анька и снова обратилась к усмехающемуся Лександрычу. — Я вам еще нужна?

— Нет, — смиренно махнул рукой сосед этой невыносимой девицы. — Иди.

— Приятного вечера, — доброжелательно кивнул администратор всем и сразу и, развернувшись, спокойно покинула комнату...

Несчастный, нагло проигнорированный своей единственной любовью Харлей приложился к вискарю прямо из горла.

— И это все? — недоуменно спросил Исаев, переводя взгляд от балующегося кофейком Алехина на погрустневшего рокера. — Ни «отстань, небритый питекантроп», ни «канарейку подарю, предатель несчастный», ни «что зенками хлопаешь, извращенный нечестивец», ни «какой гад уже умудрился на меня настучать»?.. Вы куда мою ненаглядную оторву подевали, ироды?

— Так вы не знали? — удивленно обвел их взглядом Михаил, вращая в пальцах зажигалку. — На работе Рыж работает. С персоналом она еще может поязвить, с клиентами — никогда. Безукоризненный работник...

— Который уже падает от усталости, — хмыкнул Верещагин. — Шеф, ей завтра с утра на сутки к Аристарховичу. Если ее сейчас не отправить спать, она где-нибудь брякнется под утро.

— За ноги, на плечо и..! — внес альтернативное предложение Харлей, обозначив невысказанные слова красноречивым жестом.

Миша только головой покачал:

— Ага. И выплачивать неустойку. Сам договор подписывал, теперь не ной!

— Какой договор? — заинтересовался Полонский, обдумывающий варианты, что можно сделать с неугомонной Анькой, решивший довести себя до обморока на фоне переутомления.

— А заюшка у меня умненькая, — с гордостью протянул рокер, откидываясь а спинку дивана и закладывая лапищи за голову. — Знает же, что я не отстану! Ну и прописала в договоре найма пункт о запрете служебных отношений и физических контактов определенного значения с кем бы то ни было. Короче, трону я рыжуху раз, получу по тыкве и предупреждение, а она надбавку «за вредность». Второй — усе, пиши пропало! Она уходит с временной должности, еще и неустойку получает!

— У нее с первого курса по трудовому законодательству «отлично» стоит, — хихикнула Апенка.

— Все логично, — задумчиво отозвался Богдан, раскуривая ароматную сигарету. — Какое уважение ей ждать от подчиненных, если ее директор на коленях будет тискать?

Любитель потискать одного отдельно взятого администратора тоскливо вздохнул и снова приложился к бутылке.

— Сообразительная оторва, — ни к кому конкретно не обращаясь, тихо протянул Исаев.

— Мих, Аньку нужно домой отправлять, — напомнил Верещагин о телах насущных. — Она сейчас опять кофе треснет, двадцать минут вздремнет и снова поскачет творить добро и справедливость... Сейлор Мун, луна в матроске, блин!

— Определенное сходство имеется, — проследив за взглядом начальника охраны, парень с минуту задумчиво созерцал заставку старого мультфильма в стиле аниме на мониторе, а затем выгнул брови. — Какие варианты?

Олег развел руками.

— Ау меня есть одно предложение, — негромко и задумчиво вдруг проговорила Аленка.

Шесть пар внимательных глаз тут же уставились на нее.

Но в этот раз хрупкую блондинку они ничуть не смутили...

А через двадцать минут компанией золотой молодежи уже был разработан и утвержден хитроумный и коварный план по укрощению одной строптивой рыжей личности.

Сейчас сдохну...

И плевать, что я уже когда-то говорила! Все равно сейчас возьму и сдохну!

Не, переоценивать свои силы — это наше все. Три дня и ночи в бешеном ритме, сон урывками, а завтра еще и в сутки заступать...

У-у-у, пристрелите меня хотя бы из жалости, а?

— Анна Сергеевна, откройте, пожалуйста, пожарный выход, он нам скоро понадобится, — послышался вдруг в наушнике насмешливый голос Олега.

Ха! Неужто начальник охраны наконец-то устал от всего этого бедлама и решил создать атмосферу, что называется, погорячее?

— Рыж, я прям по твоей мордашке вижу, о чем ты сейчас подумала! — снова послышался знакомый смеющийся голос. — Открывай давай, ведущий итак уже нервно косится, пожалей человека!

— Я и жалось? — потянувшись к рации, негромко поинтересовалась. — Олег Геннадьевич, мы точно обо мне говорим?

— Язва! — довольно протянул стоящей на балконе Олежка. Да-да. На том самом балконе, где в начале вечера переминались мы с Красновой! Где сейчас носило старосту всех старост, я понятия не имела, но горела страстным желанием оказаться там же... То есть как можно дальше отсюда!

Но, увы, предел моих мечтаний — пятиминутный перекур в кабинете, возможно, короткий сон для бодрости, а потом снова здравствуй, танцующий народ, вот вам опять моя улыбающаяся моська!

Не смотря на то, что часы показывали четыре часа утра, расходиться студиозики мои родименькие как-то вовсе не собирались...

С трудом прорвавшись сквозь толпу, я незаметно отомкнула двустворчатые здоровые двери слева от сцены. Не знаю уж, что там задумал студсовет с Ленкой во главе и в сговоре с нашими ведущими — этот вопрос меня интересовал менее всего. До этого конкурсы были вполне приличные, так что сомневаюсь, что пара диджей плюс ведущий могут отколоть что-то напоследок... Но на всякий случай быть поблизости не помешает. Кто их знает, креативщиков шальных?

— Итак, дорогие мои лапули! — завыл вдруг в микрофон наш ведущий Илья. Народ радостно взвизгнул в предвкушении, а мне же, опирающейся боком прямо на сцену, захотелось вздернуть языкастого блондина прямо за его леопардовый галстук. Во-первых, что б не орал, как потерпевший, а во-вторых, чтобы, как говорится, фильтровал базар. Уж не знаю, почему все так тащились от данного ласкового обращения, меня же оно заставляло скрипеть недавно отреставрированными зубками.

Да, когда я не выплюсь, я злая и язвительная. По сути, Илюшка совсем не причем и срывать на нем свое дурное расположение духа явно не стоило... Но все-таки, услуги дантиста в страховку и зарплату не входили!

— Мы плавно добрались до завершающей части нашего вечера! — сунув руку в карман синих расклешенных брюк, расплылся в улыбке нахальный развязный парень. — Подошло время нам с вами распрощаться. Радуйтесь, мужчины, ревите дамы, но увы, мне тоже отдыхать иногда хочется. Но прежде чем я покину эту сцену, настал час разыграть

последний, главный приз нашей незабываемый во все смыслах ночи. Вы хотите, чтобы я его озвучил?!

Естественно, тут все хором завопили «да-а-а-а!!!».

А Илюха нагло ухмыльнулся в микрофон:

— А я вам не скажу-у-у-у!

Я прикол оценила. Достопочтенная публика — не совсем. Эх, пьяненькие сокурсники — такие любопытные зверюшки оказываются, наблюдать прям одно удовольствие!

— Но-но-но, обойдемся без членовредительства! — посмеялся ведущий, но от края сцены на всякий случай отошел. — Давайте лучше сразу приступим к конкурсу! Вот так вот просто и незатейливо. Вы согласны?!

Одобрительными криками меня чуть с места не снесло. Да уж... Надо было все-таки к Олежеку на балкон сбежать, а то сейчас желающие поучаствовать мой бараний вес сейчас расплющат и даже не заметят!

— Итак, для последнего конкурса мне понадобится шесть человек, — состряпав загадочную моську, Илья принялся заманивать народ. — Желающие есть?! Уй, как вас много! Ну ла-а-ан... Давайте-ка повыбираем, раз пошла такая пьянка! Вот вы девушка! Да-да, вы, в красном платьишке, поднимайтесь! Ва-а-а... где мои пятнадцать лет? Девушка, вот вы... Не-не, не та, что в желтеньких лосинах, я на вашем фоне буду бледно выглядеть! Да, вот вы, в голубеньких, составим незабываемый контраст! О, мистер малиновый пиджак, вы тоже поднимайтесь... Мужчинка с краю — ба-а-а, какой галстук, уважаю! Вы тоже забирайтесь. Парень, да, ты, с ирокезом, шевели драными джинсами, я долго ждать не буду! Так, комплект полный? Нет. Как нет?! А-а-а девочку нам надо бы еще! Так-так, кого бы выбрать... О, точно, вот вы, девушка у сцены, хватит от хохота помирать, давайте к на-а-а... ой... Простите сердешно, товарищ старший администратор нашего клуба!

«Товарищ администратор» почувствовал, как у него дергается бровка. И глазик. И ручки! Причем последние от дикого желания затолкать ведущему микрофон туда, куда не была направлена его рубашка приятного песочного оттенка!

— Хотя, а чего это я? — продолжил теме временем подписывать себе смертный приговор милый мальчик Илюша. — Начальство не люди, что ли? Анна Сергеевна, просим! Мы тут не кусаемся и даже приставать не будем! Ну, чесслово, вы же не испугались?

Ах, ты ж паразит злопакозный... я тебе еще это припомню!

Отступить, как говорится, некуда, позади Москва! Правда, в моем конкретном случае это всего лишь глумливо хихикающие сокурсники, предвкушающие мой отказ, да только легче не становится. Не, вот теперь я понимаю Эльзу, которую сама же сегодня взяла на банальное «слабо». И вроде понимаешь, что это смешно, наивно, глупо, да и вообще один сплошной детский лепет, но отказаться уже становится невозможно!

Хмыкнув, я направилась к ступенькам, взглядом предрекая Илюшеньке скорую и мучительную смерть... Думаете его это остановило? Да три ха-ха!

— Уй, какие ножки... Анна Сергеевна, где ж вы раньше их прятали? Все-все, молчу-молчу, не смотрите так, зарплату я хочу получить. Хотя бы в этом месяце! Итак, народ, приветствуем конкурсантов, их наконец-то полный комплект!

Под радостный рев толпы я добралась-таки до выпавшей мне пары и только сейчас додумалась внимательно всмотреться в лица, выбранные привередливым Ильей.

Незнакомой девушке с начесом и в маленьком красном платье достался знакомый пятикурсник с ирокезом. Смутно знакомую барышню в кислотно-голубых лосинах мне

мешало как следует рассмотреть буйство кучеряшек у нее на голове, а вот ее напарник оказался мне очень даже знаком. Прямо липец, как!

Нехристь, родненькая, а тебя-то ж как угораздило ввязаться в сию сомнительную авантюру?!

Впрочем... тут я перевела взгляд на того, кто, собственно, достался сегодня мне. Оценила. Помолчала. И тут, наконец, возник вполне закономерный вопрос: а как я- то как в эту авантюру вляпалась?!

Ибо аккурат напротив меня, запакованный в джинсы, белые кроссы, малиновый пиджак и черную водолазку, стоял похабно ухмыляющийся Вадим Хотарский...

Ну, Илюша, дорогой! Вот на что спорим, что после этой ночи ты не выживешь?!

— Итак, раз все благополучно разрешилось, — неподалеку нарисовался довольный до неприличия Илюшка. — Начнем, пожалуй! Правила просты до безобразия и разнообразия. Милый дамы, вам всего-то и нужно, что... удивить доставшихся вам мужчин! Три раза! Ну да-да, не бог весть какое дело, некоторые и по пять раз за ночь так удивят, что утром пошевелиться не сможешь... И все-таки! Три раза. А вам, мужчины, требуется проявить стойкость, равнодушие и отвагу! Готовы? Ка-а-ак нет? Опять нет? Впрочем, чего это я? Диджей, поехали!

— Эй, детка, потанцуй со мной! Будь в эту ночь моей звездой! Вильнула попой и заманила взглядом... — тотчас донеслось из динамиков. Сбоку почудилось движение, зал взревел и захохотал, а Илюха замер рядышком, довольный делом рук своих.

Я почесала нос. Поправила дергающийся глаз. Сложила руки на груди и окинула Хотарского с ног до головы медленным, изучающим взглядом.

Ну и как мне эту гориллу удивлять прикажете, прости меня оспади?!

— Попала, рыжая! — самодовольно усмехнулся Хотарский.

Ну да, ну да. Как же я раньше без твоих подсказок не догадалась, информативный ты мой?

Оглянулась. Оу, какая прелесть! Девчонки, до призов охочие, прямо-таки в раж вошли! Бедный «ирокез», кажется, вместо шеста используют, несчастную нехристь нагло лапачь пытаются, удобно воспользовавшись подвернувшейся ситуацией... И, судя по скучающему выражению лица, рад Исаев этому конкурсу едва ли не больше, чем я!

Ха. Спасти его, по доброте душевной, что ли?

Кстати... а ведь это мысль!

Я улыбнулась Хотарскому. Нежно-нежно так. Его перекосило.

Совсем чуток, но взгляд из предвкушающего мигом стал настороженным. Ну, прямо совсем как у самодовольного кота, который вроде несчастную мышку уже в самый угол загнал, а у той вдруг с собой дробовик оказался! Совершенно случайно так. В кармане завалился!

Я шагнула вперед, ласково погладила широченные плечи Хотарского. Парень чуть не отшатнулся, но когда такие мелочи, как жертва, некультурно пытающаяся сбежать, меня останавливали?

Медленно скользнула пальцами по одной руке, опускаясь все ниже и ниже, продолжая ласково улыбаться, и аккуратно вложила свою ладонь в его. Шагнула назад, утягивая парня за собой. Он не стал сопротивляться, а вот Илюшенька наоборот, как-то вдруг заинтересовался происходящим, ярким пятном отсвечивая на горизонте. Благо хоть комментировать пока не стал!

Я шла уверенно, заставляя Вадима следовать за собой. Дошла. Остановилась возле отжигающей девицы по соседству, аккуратно и даже вежливо постучала пальцами по ее плечу, привлекая внимание. Она резко обернулась, смотря на меня с явным недоумением, а я же...

Мило улыбнувшись, всучила ей лапищу офигевшего от такой наглости Хотарского, проворно сграбастала за лапку родимую нехристь и утащила его на другой конец сцены!

Хохот в зале стоял... закачаешься!

— Йес! — завопил радостный Илья. — Нет, ну вы это видели?! Конкурс только начался, а она уже двух в состояние ступора отправила! Брависсимо! Анна Сергеевна, я ваш фанат отныне и навеки! Дамы, учитесь: пока вы там вяло своим телом вяло дрыгаете, наш любимый админ уже на шаг впереди всех! Активнее, девочки, активнее!

— А дальше что? — иронично вскинув бровь, негромко поинтересовался Исаев. Его сложившаяся ситуация теперь, похоже, откровенно забавляла!

Прям даже жаль разочаровывать достопочтимую публику. От слова совершенно!

Что бы еще такого придумать, чтобы народ откровенно поржал, а Демьян просто обалдел? Про Илюшеньку я вообще ничего не говорю — я этого гада в леопардовом галстуке так удивлю, что до конца жизни заикаться будет! Вот из чистого принципа конкурс выиграю!

Так, что у нас там конкурентки-то вытворяют-то? Ирокезу джинсовую рубашку расстегивают. Парень ухмыляется, но данный факт его совсем не удивляет. Хотарскому, кажись, уже грудь в красных кружавчиках являют... Вадиму явно нравится, но тоже ничего удивительного. И только Илюшка опять zenки заинтересованно в мою сторону таращит.

Вот взять бы стул, да как по головушке дурной его шмякнуть, чтобы глазки эти нафиг повывадывали...

О, а это ведь идея!

Нет, бить по голове я никого пока не собиралась, тем более стулом. Не, удивятся, конечно, все и сразу, это факт! Но ночевать в холодном КПЗ пока что не особо тянет. Так что пойдём по минималке, за которую кара, гарантированная родненьким УК РФ мне отсвечивать не будет!

Жестом попросила Илью принести мне стул, стоящий с самого краю за кулисами. Тот усмехнулся, но приволок. Поставил позади нас с Исаевым, отошел на пару шагов вбок, лапки на груди пристроил — стоит, значит, с любопытством созерцает.

Я усмехнулась. Задорная музыка как раз сменилась ремиксом какой-то старой песни на английском. Медленная такая, знакомая, чувственная... Как раз то, что надо!

Улыбаясь, обошла замершего Исаева по кругу скользящим шагом, медленно стягивая жилетку со своих плеч. Да-да, нехристь ты моя любимая, я же вижу, как глазоньки твои красиво загорелись — на спине-то моей, считай, кроме тонких ниточек ничего и нету! Нравится тебе картинка, да-а-а, противный?

Секундная заминка, и рация с блоком-приемником, от которого тянулся прозрачный провод с наушником, бережно переданы заинтригованному по самому не балуйся Илюше.

Вернулась назад, еще пару раз в таком же темпе обошла Демьяна по кругу, пряча хитрющий взгляд, закусывая нижнюю губу. Мои ладошки тем временем шустро скользили по сильному телу: поперек груди, по руке, поперек спины, обратно на грудь... Зацепилась за полосатый, небрежно завязанный галстук поверх кремовой просторной футболки, закинула его конец на свое плечо, разворачиваясь. Сделала два шага, утягивая парня за собой в

сторону ожидающего меня стула, отпустила. И, оглянувшись через плечо, чарующе улыбнулась.

Медленно обошла вокруг стула, чувственно так проследила пальцем линию полукруглой спинки... И замерла позади него, слегка выгнувшись, опираясь выставленными вперед локтями на спинку. Улыбнувшись предвкушающее, пальцем поманила застывшего напротив Исаева... Ну кто бы сомневался, собственно, что он не откажется!

Подошел. Мельком заглянул в открывшееся перед ним декольте, усмехнулся и, перевернув кепку на голове козырьком назад, повернулся ко мне спиной. Лениво сел...

На пол, потому как моя вредная и кровожадная светлость изволила выдернуть стул из-под его царственной попы за миг до их прикосновения!

В народе ржач стоял... Да вы бы это слышали!!

— Два ноль! — радостно загоготал Илюша. — Не, вы это видели?! А его лицо?! Чувак прости, я не издеваюсь — я тут сам реально обалдел! Это же вах! Ну прям это! Ну ваще... Слов нет, одни междометия! Девоньки, зайньки, учитесь! Ваш стриптиз явно не канает, только культурный шок, только хардкор в исполнении нашего админа!!

Да погоди ты балдеть, Илюшенька... Я тебе потом культурный шок устрою.

На планерке! В день зарплаты.

— Bravo, рыжая, — усмехнулся мой вечный визави, оправившись от первых, но незабываемых впечатлений. — Остался последний ход. Что теперь будешь делать, оторва моя ненаглядная?

— Я как раз думаю над этим, — я встала напротив него, как и он, в пол оборота к залу, замершему в предвкушении последней пакости в исполнении меня любимой. Я еще раз взглянула на Исаева... и поняла, что удивиться-то он удивился моей выходке, да только яростью, подобно факелу, вовсе не пылал. Совсем наоборот, в темносиних глазах парня тлел заметный огонек удовольствия! Так-так, нечестивец...

От нашей борьбы уже наслаждение получать начинаем? Еще один извращенец на мою голову!

— Я не дам тебе выиграть, — многозначительно выгнул бровь шатен, улыбаясь уж слишком так невыносимо и обаятельно одновременно. — Ни за что.

— Может поспорим? — пакостливо улыбнулась я и, подавшись порыву, схватила Исаева за галстук, дернула, заставляя парня наклониться к себе и... поцеловала.

Кто б сказал, на кой хрен вообще я это сделала, а то я сама не поняла!!

Время словно остановилось. Оно тянулось невыносимо долго, будто жвачка, растягивая сей волнительный во всех смыслах момент на долгие минуты. А когда Исаев вдруг ответил, казавшаяся поначалу слишком громкой музыка как-то незаметно отошла на второй план, забрав с собой сторонний шум, выкрики толпы, свист и улюлюканье.

И тут неожиданно я осознала две вещи.

Первое: тайным маньяком на мойке был не Демьян. Шатен в этом плане, конечно, тоже неплох, и опыт есть, и желание чувствуется, и коленки подкашиваются чуток... Но все равно не то.

И второе: не смотря на первое, мне все-таки понравилось целоваться с Исаевым. Кто-нибудь, заберите меня в психушку, а?

Ну, пожалуйста!

— Да-да-да! — послышался радостный крик, возвративший нас с нехристью на любимую грешную землю. Исаев выглядел обалдевшим, хоть и довольным и, подозреваю, на

моей моське шок сейчас был не меньшим! А Илюшка тем временем разорвался в микрофон. — Я просто в экстазе! Это ж надо так! После того, что было, да теперь вот так... Народ, это полная и безоговорочная побе-е-еда-а-а... И ведь не возразишь! Анна Сергеевна, вы хоть прикройтесь, а то не только бедный парень, мы тут уже все на все готовые!

Я фыркнула, отпуская сине-красный полосатый галстук Исаева и, стараясь сделать морду тупой, накинула протянутую мне жилетку. Барахлишко свое из рук откровенно балдеющего от ситуации Ильи забрала, но пристраивать на место пока не стала, смутно подозревая, что сейчас столько всего от радостно ржущих коллег понаслушаюсь...

Желание затянуть на шею ведущего провод с наушником стало отчетливым и невыносимым.

— А сейчас, как говорится, при-и-и-из в студию!!

И вот тут, как говорится, писец, скотинка такая, подкрался незаметно. Знакомый рев двигателей я услышала еще до того, как распахнулись дверцы аварийного выхода. Те самые, которые я собственноручно и отпирала не далее, чем полчаса назад! И в эти двери, прямо в помещение клуба, на танцпол, расшугивая обалдевший, но радостно повизгивающий народ, закатилась небольшая орава байкеров на своих мотоциклах!

— Вот он, ваш приз, Анна Сергеевна, забирайте!

— Что, прям все? — скептически поинтересовалась я, оглядывая Харлеюшку в его неизменных кожаных штанах и майке-сетке; Михася в драных джинсах, футболке с черепами и кожаной жилетке; Олега в расстегнутой рубашке с закатанными рукавами, брюках и с банданой на голове, любимого сисадмина в камуфляжных штанах и голой теткой на майке... И Полонского в куртке-косухе и тоже с банданой.

И... я все понимаю, но он-то откуда??

— Нет, конечно! — радостно загоготал Илюшенька. — Последним призом на сегодняшнюю ночь становится ужин в вип-ложе в компании сиятельного руководства нашего клуба! Поздравляю!!

Н-да уж... Не знаю, как остальные, но Харлей-то уж точно сиял ярче начищенного самовара!

— И ради этого я целовалась с нехристью? — ни к кому конкретно не обращаясь, произнесла себе под нос. — Тьфу.

— Рыжая, а вот это уже обидно, — усмехнулся Демьян, становясь на ступеньку ниже и подавая мне руку. Пожав плечами, я ее приняла. Собственно... терять-то уже нечего!

— А скажи-ка мне Исаев, — спустившись со сцены, негромко спросила я, пока Илюшенька радостно прощался с публикой. — Почему я чую здесь подвох?

Нечестивец отвечать отказался. Да только его выражение лица говорило уже о многом!

Вот же жуки колорадские... да они же специально это все устроили!!

Серьезно, Олег уже пару часов как намекал, что выгляжу как упырь не первой свежести, тактично пытался сплавить меня домой, но я сама в отказ пошла. Улепетывать в родные пенаты до конца рабочей смены не в моих правилах, и кое-кто об этом был прекрасно осведомлен!

Блин, не знаю, кто точно это аферу придумал, но я уже готова пожать мужественную лапу этому зловредному гению! Seriously, так развести мою мнительность, это ж надо уметь! Начальство в курсе, что работничкам гуливанить на рабочем месте не положено, но и участвовать в конкурсах им не запрещено, особенно если они являются студентами того самого универа, что тусит сегодня. А что может послужить достойной причиной для выдачи

отгула, как ни получение честно заработанного приза? Я ведь не могу прилюдно отказаться — ну не поймут люди столь пренебрежительного отношения к руководству!

Их мнение, конечно, интересовало меня в последнюю очередь, и все-таки...

Жулики. Как есть жулики!

За получением приза я сразу не пошла. Вручила подбежавшей Арише средства связи с просьбой отнести их в мой кабинет, и направилась в туалет, невольно ухмыляясь, вспоминая восторженный и благоговейный взгляд синеглазой официантки. Девочка, по ходу, под впечатлением теперь еще долго будет пребывать!

И, как выяснилось позже, не только она одна.

Да только впечатление, которое я произвела своим поведением на Исаева, оказалось ни разу не восторженным!

Не успела я выйти из «комнаты раздумий», как меня тут же аккуратно прижали к стене.

— Поговорим? — иронично вскинул брови нависший надо мной антихрист.

Я едва не застонала вслух. Оспади, ну почему, почему ты вместо мозгов даровал мне язык без костей? Ну, вот в который раз уже спрашиваю, но хоть кто-нибудь бы уже ответил!

— А может не надо? — невинно похлопала я глазами, чувствуя себя уже далеко ни как уверенный администратор элитного клуба, а как нашкодившая оторва всея универа. И знаете, мне это ни капельки не нравилось! Особенно когда вместо ответа Исаев усмехнулся и, продолжая одной рукой упираться в стенку над моей головой, второй придержал меня за подбородок и поцеловал...

Меня тряхнуло!

Целовался Демьян в этот раз совсем не так, как на сцене. И даже не так, словно пытался что-то там кому-то там доказать. Не-е-ет. Меня просто и откровенно соблазняли!

И даже снова убедившись, что в роли маньяка выступал вовсе не он, я все равно оказалась соблазненной. Seriously! Я сама себе после этого поцелуя ту официантку напомнила: глаза округлившись, дыхание сбито, коленки подгибаются, мозги набекрень...

— Значит, говоришь, поцелуи мои тебе не нравятся? — многозначительно усмехнулся Исаев, глядя в мои наверняка помутневшие глаза и пальцем поглаживая мой подбородок. — А врать нехорошо!

— Да я, собственно, и не вру, — сипло ответила, машинально облизнув пересохшие губы.

— Да я, собственно, вижу, — в том же тоне насмешливо отозвался Демьян. — Я же тебе нравлюсь, рыжая.

И вот тут-то с меня всякое наваждение мигом схлынуло!

— Нехристь, — ласково протянула я, улыбаясь так, как недавно на сцене. Естественно, Исаева тут же перекосило, но отступить было ни в его правилах. — Если мне нравится с тобой целоваться, это не значит, что мне нравишься лично ты! Пришел, увидел, победил, конечно, хороший метод... Но не стоит забывать, что ты совсем не Юлий Цезарь, а я ни разу не Галлия!

И резко согнула колено, целясь по самому дорогому.

И ведь попала же!

Йес. Справедливость, что называется, восторжествовала. Оставалось только невозмутимо одернуть жилетку, сочувственно похлопать скрючившегося парня по плечу и гордо удалиться восвояси, напоследок показав большой палец в камеру под потолком. А что? Наверняка ведь сейчас сидят и ржут там, мои любимые охраннички!

Не стыда у них, не совести. На девичью честь их любимого админа тут открыто покушаются, а они, видите ли, на помощь не спешат! Ну и какие из них нафиг Чип и Дейл?

В «призовую» комнату я ввалилась, с трудом удерживаясь от открытия двери с пинка, и с порога заявила:

— Ну что, баста, карапузики, кончились танцы!

Карапузики в ответ на это загнулись от хохота!

— Вот это моя зайнька! — радостно поржал Харлей. — С возвращением, родная!

— Признавайтесь, изверги, чей злобный гений устроили эту авантюру? — сложив лапки на груди, оглядела я всю честную компанию, удобно устроившуюся в небольшой кальянной. — Я даже громко ругаться не буду, честное пионерское. Так, попинаю хладный труп, перекурю и успокоюсь!

В ответ на это народ переглянулся, прыснул, а моя любимая блондиночка почему-то залилась густой краской, спрятала свои прекрасные глазки и торопливо шмыгнула за надежную спину посмеивающегося Игорька. У меня глаза на лоб полезли!

— Ну скелетоны в панталонах, — разочарованно протянула моя светлость.

Народ грохнул!

— Рьж, ты где это берешь? — с трудом сдерживаясь от хохота, спросил мой соседка, удобно устроившийся за небольшим угловым диванчиком. — Я скоро записывать начну твои шедевры!

— То не мои, — фыркнула я, оглядывая пространство кальянной, разделенное на две зоны. Первая, собственно, со столом и диваном, и вторая, собственно, с низким широким подобии кровати, на которой можно валяться, неспешно покуривая кальян. — Я местами наглый плагиатчик. Пока существуют книги в стиле фэнтези, запас моих острот неисчерпаем!

— Список дашь? — невозмутимо поинтересовался валяющийся на ложе Богдан, отщипывая виноградину с грозди на тарелке, стоящей на специальной длинной подставке у него над головой.

— И ты, Брут, — прищурила я глаза, разглядывая невозмутимого товарища, чей черный байкерский прикид резко контрастировал с ярко-алой кожей матраса, пропитанной специальной антивоспламеняющейся жидкостью.

Дружочек улыбнулся своей фирменной улыбкой и показательно скосил глаза на еще одну подставку. Сбоку. Вообще, такие мини-столики тянулись по трем сторонам «кровати», но именно на той, что слева, обнаружился набор горячих роллов. И бокал вина. Красного. И даже целая пачка тонких сигарет с ментолом...

Плюнув на все, я полезла к Полонскому.

— Тираны, нахалы, сатрапы и деспоты! — мрачно буркнула, устраиваясь поудобнее на матрасе, который больше походил на обычный спортивный мат, размером три на три, примерно. Села, оперлась на невысокую спинку и, завладев едой, довольно щелкнула палочками. — Но заботливые деспоты... Я вот прям не знаю, спасибо вам сказать, а ли кальяном по голове огреть, что б неповадно было?

— А ты бы по-другому отдыхать пошла? — иронично спросил Олежка, постукивая рацией по бедру. Бандану он уже снял, но пиджак напяливать обратно не торопился. — Вот и я о том же. Сиди, молчи, и жуй свои роллы! А я пойду за порядком следить.

— Спасибо, — с набитым ртом отозвалась моя растроганная до кончиков волос натура. — Но я тебе это еще припомню!

— Обязательно! — улыбнулся Олег, топая на выход. У меня вдруг появилось зверское желание просто встать и просто поцеловать не в меру заботливого рокера, чтобы раз и навсегда развеять все сомнения относительно личности маньяка автомоечного.

Но по той же логике мне тогда придется перецеловать почти всех, кто сейчас находился в этой комнате!

Эх... беда, беда, печалька!

Народ тем временем расселся за накрытым столом. Ничего особенного: два совладельца клуба, очухавшаяся нехристь, бросающая на меня почему-то довольные взгляды, и новоявленная сладкая парочка. Вот за последних я действительно была рада-радешенька, не смотря на всю ситуацию. Аленка с Игорем тихо переговаривались, не сводя глаз с друг друга, трогательно держась за ручки. Хм... глядишь, еще неделька-другая они до целомудренного поцелуя в лоб дойдут!

Впрочем, это их дело. Благо хоть вообще смотреть в сторону друг друга стали! Надо будет Исаеву на досуге спасибо сказать, что ли...

Налопавшись от пуза, я с наслаждением перекурила и, завладев бокалом с вином, огляделась. Мое непосредственное руководство, размахивая руками с зажатými в них сигаретами, о чем-то горячо спорило с Липницким и Исаевым. Если честно, нить их разговора я потеряла давным-давно, а выяснить, что же там такое интересное творится, стало банально лень. Оглянувшись, я фыркнула и, пододвинувшись, оперлась спиной на Богдана.

— Уже не злишься? — усмехнувшись, спросил парень, устраивая одну руку на спинке, чтобы мне было удобнее лежать на его груди. Я фыркнула, покачивая бокал в руке:

— Хотелось бы, да не получается. С одной стороны вы меня крупно подставили, но с другой... Я ведь правда голодная и уставшая. Так что спасибо. Правда, спасибо.

— Но это не значит, что ты нам не припомнишь, — насмешливо отозвались позади меня. — Начинаю заранее готовиться к неприятностям. Когда их ожидать?

— Ты язва, ты в курсе? — запрокинув голову, посмотрела на лицо улыбающегося блондина. — Иногда даже похлеще меня!

— С кем поведешься, — пожал плечами Полонский, смотря на меня сверху вниз. А потом перевел взгляд дальше, на мои вытянутые ноги и поинтересовался. — Не замерзла?

— Ну, хоть кто-то слюни не пускает! — с облегчением фыркнула, возвращая голову в нормальное положение и снова приложилась к вкусному ягодному вину. — Есть чуток. В моем кабинете есть плед, но за ним откровенно лень идти.

— Вот этот? — парень извлек из-за своей спины знакомый рулончик из тонкого флиса с раскраской а-ля галечный пляж. Я обалдела!

— Вот все-то вы предусмотрели! — то ли с возмущением, то ли с восхищением протянула, отставив бокал и закутываясь с ног до головы в мягкую ткань. — И накормили, и напоили, и обогрели... Осталось только спать уложить!

— А кто мешает? — мой друг иронично выгнул левую бровь и шутя похлопал ладонью по своему бедру.

Ну я, не будь душой, столь щедрым предложением тут же и воспользовалась!

Улеглась, ноги к груди подтянула, края пледа под подбородком сжала, голову на ногах Богдана пристроила... и хихикнула:

— А сказку?

— Чудище, — как-то ласково откликнулся Полонский, а я показательно помурлыкала, когда его ладонь легла на мой затылок, слегка поглаживая пальцами напряженные мышцы

шеи. Надо мной нагло посмеялись и даже почесали за ушком. Я не возражала и честно изобразила урчание в режиме трактора.

Правда, дурачились мы потом недолго.

После плотного перекуса, бокала легкого вина и в приятной атмосфере меня начало клонить в сон. Что совсем не удивительно с моим-то сбитым ритмом и жизненным графиком! Организм требовал свое, так что не прошло и пяти минут, как под мерный гул голосов и приятное поглаживание по макушке мое вусмерть уставшее управленческое высочество изволило банально вырубиться.

И мне было уже глубоко фиолетово, что там будет дальше, где и как.

Демьян Исаев, сидящий на последней парте, как бы ни старался, не мог стереть довольную улыбку со своего лица. Это было... пожалуй, в этот раз скрывать свои настоящие эмоции было выше его сил!

— Дем, у тебя сейчас лицо треснет, — отправив очередное сообщение, сидящий рядом с ним Игорь спрятал мобильник в карман и придвинулся ближе. — Что случилось?

— Да так, — небрежно отмахнулся шатен и умолк под укориженным взглядом преподавателя. Но улыбаться не перестал.

Это было действительно выше его сил. Его буквально распирало чувство гордости за самого себя, теша ликующее внутри самолюбие...

Он нравился Солнцовой. Черт побери, нахальная рыжеволосая оторва всяя универа действительно оказалась к нему равнодушна!

Да, она отрицала. Да, она съездила коленкой по его тщательно лелеемому и оберегаемому месту. Да, она предпочла его обществу ненавистному Полонскому и даже ухитрилась задремать, используя колени блондина в качестве подушки... Но!

Именно от его поцелуя Анька плавилась, как масло на горячей сковороде. Она не смогла это скрыть. И даже частично призналась в своей симпатии. Сама!

Что же до остального — глупо ожидать от рыжей ходячей неприятности какой-то иной реакции. Настолько дураком Исаев не был и даже не мечтал, что девушка после всего произошедшего с распростертыми объятиями кинется ему на шею. Однако начало было положено.

Глупая, поначалу бесившая его война и ее откровенное нахальство как-то незаметно переросли во что-то иное. Испытывать характеры друг друга на прочность больше не хотелось. Пропало желание гоняться за нахальной стервочкой по всему университету, мечтая свернуть ее тонкую шейку. Не хотелось больше придумывать новые способы ее унижения при всем честном народе. Их столкновения, конечно, всегда были яркими и незабываемыми, но всему хорошему рано или поздно должен наступить конец. Пойти на мировую Демьян собирался первым.

Ну или мечтал хотя бы перевести их противостояние в горизонтальную плоскость...

В таком случае Исаев бы не стал возражать. И даже больше! Принял бы активное участие в укрощении одной колкой на язык и строптивой во всех смыслах личности.

И хотя до этого было еще, как до луны пешком, звезда университета в своей победе не сомневался. Уже не сомневался.

— Ему тестостерон в голову ударил, — повернувшись полубоком, вставил колкий комментарий сидящий впереди Богдан Полонский. — Гормоны шалют, Демьян?

— Общение с чудищем на тебя плохо влияет! — коротко хохотнул Липницкий и заметил. — Я начинаю замечать, что все, кто с ней знаком, рано или поздно перенимают ее манеру общения.

— С кем поведешься, так тебе потом и надо, — невозмутимо пожал плечами Богдан, не стараясь, впрочем, скрыть усмешку.

Игорек иронию одноклассника оценил. Он уже смирился с тем, что Полонский вернулся в универ, спокойно влез в их размеренный жизненный уклад, прочно обосновался рядом с Солнцовой и отступать, похоже, не собирался. Но и переходить в наступление тоже

— неизвестно, на кой черт Богдан изображал заботливого друга, отчетливо обозначив френдзону, хотя на самом деле порой кидал на Аньку слишком уж многозначительные взгляды. Но пока рыжее чудище было под надежным, хоть и сомнительным присмотром Полонского, Игорь мог за нее не волноваться.

А что касается дальнейшего развития событий...

Липницкий знал, что если Солнцева что-то захочет, ее уже не остановит ни он, ни его Енотик, ни вся банда Харлея с ним же во главе, ни даже бронепоезд, едущий навстречу. Аня не дура, сама рано или поздно сделает полезные для себя выводы и решит, кто ей ближе: идущий напролом Демьян или же тактично следующий в обход Богдан. Выбор оставался за ней.

А вот сам Исаев думал совершенно по-другому.

— В отношении тебя ничего хуже уже быть не может, — довольно резко бросил Исаев и, переждав, пока закончит надрываться звонок, оповещающий об окончании занятия, уже куда более спокойно спросил. — Ты опять с нами?

Сунувший тетрадь подмышку Богдан спокойно пожал плечами. Если они собирались всю большую перемену провести в компании Лёлика и Аньки, вопрос его присутствия там же мог бы и не обсуждаться.

Примирение двух давних врагов и соперников, казалось бы, никого не удивляло... Да только на самом деле все банально боялись подойти и спросить, а в чем, собственно, тут дело?!

Студенты недоумевали, видя вместе «святую троицу», шептались, обсуждали происходящее, настороженно косились, строили гипотезы одна страшней и смешней другой... Но все они были далеки от истины.

От простой такой, проверенной временем истины.

Во-первых, людям их статуса необходимо было держаться вместе, не смотря на размолвки, личностные отношения и прочие моральные терзания, никак не помогающие в бизнесе.

Во-вторых, как говорится, друзей держи близко, а врагов еще ближе. Столь простую, но полезную истину еще никто не отменял.

Ну, и, в-третьих, у них было слишком много общих знакомых, общих мест отдыха и общих интересов, чтобы существовать обособленно друг от друга. Сие было делом фактически невозможным.

Аленка обнаружилась у входа в курилку возле кафетерия.

Девушка стояла, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, прижимая к груди планшет, и то и дело оглядывалась за спину.

— Привет, — перескочив через бордюр, Игорек приобнял Аленку, наклонился и поцеловал свою девушку (свою девушку!! Аллилуйя!) в щеку. Отметил машинально ее нервное состояние и удивленно спросил. — Ты чего?

— Да тут... — вздохнула Лёля, нервным жестом заправляя за ухо прядь светлых волос. — Я уже не знаю, что и делать. Аня...

— Что случилось? — не дожидаясь дальнейших объяснений, спросил Богдан, оглядывая заполненную народом курилку. Исаев же, увидев, наконец-то, самую рыжую, сидящую на дальней скамейке под деревьями, просто шагнул вперед. Но, как ни странно, был остановлен хмурой блондинкой, которая раньше в его сторону и дышать-то побаивалась:

— Демьян нет, не надо. Она сегодня одноклассницу до слез довела, когда та к ней

полезла. Не хватало еще, чтобы вы с ней сейчас перецапались. Сам знаешь, как она до сих пор на тебя иногда реагирует

— Тогда может я? — спросил Игорек, хмурясь и рассматривая его любимое чудище, с ногами забравшееся на скамейку. Положив руки на колени, обтянутые простыми черными джинсами, девушка натянула рукава серого бомбера до самых пальцев и рассеянно чиркала зажигалкой. На голове были пристроены большие наушники, рюкзак валялся рядом, а по бледному лицу не проскальзывало ни тени эмоций.

Солнцева казалась равнодушной, безучастной, отрешенной. А губы ее шевелились, словно она беззвучно повторяла слова песни, громко играющей в наушниках...

— И ты не лезь, — тихо вздохнула Лёля, прижимаясь спиной к груди обнявшего ее сзади парня, слегка покачивающего ее из стороны в сторону в кольце своих рук.

— Что-то случилось, — мигом понял Богдан и повернулся к Аленке. — Она рассказала что именно?

Девушка отрицательно качнула головой:

— Нет. И не скажет. Я пробовала спросить, но... Аня ясно и предельно вежливо попросила ее не трогать. С другими, кто к ней полез она была не столь... тактична. Ее два раза с занятий выставили, а она даже никак не отреагировала. Пожала плечами, взяла вещи и ушла. Сидела на подоконнике в коридоре и музыку слушала. Там тяжелый рок за километр слышно, я не знаю, как она еще не оглохла.

— Ты когда-нибудь ее такой видел? — обратился к хмурному Игорьку Исаев, которому новое поведение привычной оторвы не нравилось от слова совсем. Он, казалось бы, уже был готов ко всему... И тут снова неожиданный выверт ее характера, с которым никому из присутствующих не приходилось еще сталкиваться!

Чёрт! Ну не из-за произошедшего в клубе она же внезапно горевать взялась!

— Никогда, — покачал головой Липницкий, поглаживая пальцами руки Аленки и пристроив подбородок у нее на плече, хотя ему для данного положения пришлось прилично нагнуться. — Я даже когда в прошлом году в ее машину на парковке въехал, она, конечно, расстроилась... Но потом зашвырнула мне в голову аварийным знаком, обозвала меня слепощарым эльфийским персонажем, нервно перекурила и уже спокойно поинтересовалась, как я ущерб возмещать буду. Еще и уточнила, что натурой не берет, ибо на блондинов у нее аллергия!

Исаев подавился дымом.

— Это вполне... в ее духе! — откашлявшись, отозвался Демьян и задумчиво протянул.

— И все-таки... Что могло произойти за эту ночь?

— Я не знаю, — вздохнула Аленка. — Я думала, может, вы в курсе.

— После клуба ее на работу увез Мишка, — отозвался Липницкий, бросив еще один взгляд на Солнцеву, равнодушно выпускающую в теплый осенний воздух клубы дыма. — Дем, вы заезжали к ней вчера вечером?

— Да, — отозвался Исаев, переглянувшись с Богданом. — Но она бегала по владениям Ольшанского, материла своих «сусликов», мельком пожаловалась на непривычный для воскресенья поток клиентов и убежала обратно. Выглядела как обычно, званием нехристи меня исправно одарила...

— Ален, у нее кто-нибудь из родни остался? — перебил его стенания задумчивый Богдан.

— Нет, насколько я знаю, — последовал отрицательный ответ. — Или... в другом

городе... Ребя-я-ят?

— Да, солнышко? — спросил Игорь, как и остальные, перебирающий в голове один вариант за другим.

— Я просто вдруг подумала... — тихо произнесла девушка и, посмотрев еще раз на подругу, сидящую в отдалении, вздохнула, глядя на парней. — А ведь мы на самом деле ничего о ней не знаем.

Новость оказалась неожиданной. И неутешительной — как ни крути, но Алена на самом деле была сейчас права, как никогда.

Парни замерли, переглядываясь, и лишь Полонский едва заметно скривился, раскуривая привычную крепкую сигарету со вкусом вишни.

Он знал об Аньке куда больше, чем все остальные. Но и он не мог до сих пор понять, что с ней происходит.

Когда прозвенел звонок, Солнцева встала с лавочки, сняв наушники. Выбросив сигарету, она сунула руки в карманы и спокойно прошла мимо компании, ни сказав никому ни слова, мазнув только холодным, равнодушным взглядом. Словно они и не были знакомы вовсе.

Вздохнув, Аленка покачала головой, поцеловала Игоря в щеку и убежала следом — следить, чтобы рыжая в таком состоянии не натворила дел.

Последняя пара в университете проходила в гробовой тишине. Причем как на втором этаже, где занимался второй курс, так и на первом, где засел четвертый. И непонятно, кого преподаватели и студенты опасались больше: язвительную бюджетницу, от которой буквально исходила темная аура, или от «святой троицы», пребывающей в самом неблагоприятном расположении духа.

Устав от долгих размышлений и разбора всевозможных вариантов, едва прозвенел звонок, Исаев покинул кабинет одним из первых... и остановился как вкопанный, с удивлением глядя на висевший в холле монитор.

А вот это явление удивило его куда больше, чем все предыдущие за последние несколько дней...

— И что нынче транслируют? — послышался рядом равнодушный голос, заставивший Демьяна невольно скосить глаза. Рядом с ним, шагнув за круг столпившихся студентов, встала сама героиня сегодняшнего вещания. Спокойно просмотрев видео, на котором Исаев обмазывает ее кремом, она поливает его супом, сбегает, а затем ее ловит Хотарский и сам Дем несет на парковку, рыжая не произнесла ни слова. И лишь потом, когда закончились кадры с появлением рокеров, закидыванием девушки в салон и общим отъездом, в сопровождении похабной надписи на тему «кто приехал ее защищать, тот ее потом и отымел», Солнцева меланхолично протянула. — А вот это уже начинает надоедать.

— Согласен, — раздраженно откликнулся Исаев, машинально обводя взглядом застывших студийцев, ждущих от него хоть какой-нибудь реакции. Достав из кармана брюк металлическую зажигалку, парень нехорошо усмехнулся. — Узнаю кто — руки вырву.

И, размахнувшись, запустил тяжелый прямоугольник прямо в монитор. Послышался треск, кто-то взвизгнул, кто-то охнул, первые ряды отшатнулись, а на погаснувшем экране осталась огромная круговая трещина.

Равнодушно пожав плечами, рыжая направилась в сторону выхода, снова сунув руки в карманы. Хмыкнув, Демьян отправился следом, никак не отреагировав на гробовую тишину и сотни недоуменных взглядов. Он свое отношение к произошедшему, как и к автору видео, ясно обозначил.

И, повторись подобное еще раз, пострадает уже не только университетская техника.

Догнал Солнцева Демьян уже в курилке, однако поговорить так и не смог. Во-первых, помешали высыпавшиеся на улицу студенты, которые до сих пор надеялись на хоть какое-то «продолжение банкета» и не верили, что звезда универа вот так просто оставит нахальную оторву в покое.

А во-вторых, сама Аня, снова нацепившая наушники, отсекала любые попытки с ней заговорить. А потом и вовсе направилась в сторону парковки.

У Демьяна появилась одна мысль — догнать, сунуть в свою машину, увезти подальше, и уже там, наедине выбить у Солнцевой всю правду, какой бы она ни была. Ему такое ее состояние не нравилось абсолютно! Лучше бы она снова ругалась, брыкалась у него на плече, позорила его перед всем студенческим городком и отвечала пакостью на пакость, лишь бы только не ходила, как в воду опущенная!

Решимость окрепла моментально. Развернувшись, Исаев устремился на парковку, но застыл как вкопанный, снова узрев в поле своего зрения шепчущуюся толпу замерших, но взволнованных студентов. Выругавшись, Демьян пробрался через сокурсников вслед за рыжей в первый ряд... и остановился возле нее, машинально смотря в ту же сторону, что и Солнцева, медленно стягивающая наушники с головы.

Первой мыслью было, что в их родные края снова пожаловал Харлей и его банда, но как оказалось, в центре парковке замерла всего одна машина. За то какая!

Огромный, просто нереально огромный, мощный, дорогой, блестящий на солнце хромированными дисками и белоснежным кузовом, новейший «Линкольн Навигатор»...

Стоимость этого монстра Исаев осознавал в полной мере. Но куда больше его задевала не цена, и даже не здоровый букет алых роз, лежащих на широченном капоте, а мужчина, небрежно опирающийся на закрытую дверцу.

Приличный рост, хорошо сложенная фигура во всем черном, начиная от начищенных туфель, идеально подшитых брюк и рубашки, небрежно расстегнутой на верхнюю пуговицу, и заканчивая распахнутым напрочь кашемировым пальто. Длинноватые, густые, слегка вьющиеся темно-русые волосы, резкие скулы, высокий лоб, впалые щеки, узкий подбородок и хищно прищуренные зелено-карие глаза...

Исаеву не нужно было подходить ближе, чтобы рассмотреть его внешность во всех подробностях. Именно этого мужчину он бы узнал когда угодно и где угодно!

— Громов? — послышался где-то позади удивленный возглас Липницкого. — Да быть того не может...

— Громов? — послышался чей-то восхищенный женский вздох, и народ обеспокоенно зашептался между собой. — Тот самый Громов?

— Да откуда...

— Что он тут делает?..

— Кирилл!!! — все шепотки и разговоры вмиг перебил громкий радостный визг, раздавшийся рядом с Исаевым, и с места сорвалась... его ненаглядная рыжая оторва!

— Какого... черта? — вырвалось у Исаева, когда Солнцева, вихрем пролетев разделяющее их расстояние, с разбегу бросилась в широко раскрытые объятия невесты откуда взявшегося Кирилла Громова. А судя по тому, как мужчина ее поймал, да еще и покружил в воздухе, а сама рыжая счастливо верещала от восторга, о случайном стечении обстоятельств тут и речи быть не могло!

— Я бы сказал охренеть, какой пассаж, — вставил свои пять копеек подошедший

Богдан. Подкурился сигарету, он резко выдохнул струйку дыма и задумчиво протянул, не глядя на своего визави, пребывающего в крайней стадии обалдения от сложившейся ситуации. — Такого поворота событий даже я не ожидал.

— Пять минут назад она одним своим взглядом могла заморозить весь универ, — не веря своим глазам, ошеломленно протянул Исаев, глядя на смеющуюся в голос рыжую. — А теперь... да какого хрена?!

— Они знакомы, Дем, — равнодушно пожал плечами блондин, не сводя взгляда с обнимающейся у огромной машины парочки. — И, кажется, гораздо ближе, чем мы думаем.

— В том-то и ирония, Полонский, — зло отозвался Исаев. — Что знакомы не только они!

И, стряхнув ладонь Игоря со своего плеча, направился вперед, стараясь хоть как-то взять себя в руки. Это было... сложно. Гораздо сложнее, чем утром, когда он пытался стереть с лица идиотскую улыбку при мысли о том, что Солнцева к нему что-то испытывает!

Теперь же... В своих силах Демьян уверен не был. Более того, он прекрасно осознавал, что при всех своих немалых достоинствах и достижениях, перевес будет явно не в его пользу!

— Какая встреча, — с трудом скрыв в голосе иронию пополам с сарказмом, усмехнулся Исаев, сунув руки в карманы и замирая в нескольких шагах от обнимающейся парочки. — Приветствую, Кирилл Станиславович.

— Демьян? — удивленно откликнулся Кирилл, наконец-то отлипая от счастливой до безобразия Аньки. Неожиданно. Я и забыл, что ты тоже учишься здесь.

— Вы и забыли? — иронично вскинул брови Демьян, прекрасно знающий, что именно этот мужчина ничего не забывает. Никому. И никогда.

— С этой рыжей неприятностью обо всем забудешь, — по-доброму улыбнувшись, Кирилл потрепал фыркнувшую Аньку по волосам и по-хозяйски приобнял ее за плечи. — Вы знакомы?

— Что-то типа того, — прыснула рыжая, чувствуя себя, как оказалась, совершенно спокойно в объятиях такого человека, как Кирилл Громов. — Но это мы. А вот вы-то откуда?

— А я, по-твоему, кого в Англии охранял? — смеясь, вскинул густые брови Громов, глядя на не вышедшую ростиком неприятность сверху вниз. Та присвистнула:

— Нифигашечки! Воистину говорят, земля кругла, попа скользкая...

— И кто-то у меня сейчас по губам получит, — насмешливо закончил за нее мужчина. И удивительно, но оторва всея универа моментально захлопнула свой ротик, улыбаясь, как невинное дитя!

— Молчу-молчу.

И при этом она повернулась к Демьяну спиной, сунула руки под пальто Громова, обнимая его за талию... и довольно потерлась носом о его грудь!

У Исаева чуть эмаль на зубах не скрипнула. Огромных трудов ему стоило взять себя в руки, чтобы спокойно поинтересоваться:

— Я думал, вы должны сопровождать отца в Эмираты.

— У меня несколько дней отгула, — спокойно пожал плечами Кирилл, снова потрепав улыбающуюся девушку по яркой макушке. — Он знает, что у меня...кхм... дела.

— Теперь понятно, какие, — как бы ни пытался шатен бороться с собой, у него все равно ничего не вышло. И поэтому он постарался невозмутимо пожать плечами, в ответ на любопытный взгляд Громова. — В любом случае, это ваша договоренность. Я, как и он, вашей работой в Англии остался доволен.

— Приятно слышать, — усмехнулся мужчина, — И благодарю за приветствие. Но сейчас, Демьян, прости, нам нужно ехать, — и, постучав девушку пальцем по голове, с мягкой улыбкой попросил. — Рыж, отцепись?

Солнцева недовольно фыркнула, но просьбу выполнила. А Громов же, потянувшись, легко снял с капота огромный букет алых, еще до конца не распустившихся роз и спокойно вручил их мисс раздолбайству в кедах. Девушку из-за цветов стало почти не видно!

— Ты помнишь, — как-то растеряно произнесла рыжая, глаза которой как-то странно заблестели.

— А ты сомневалась? — без тени насмешки улыбнулся Громов, распахивая перед ней дверцу «Навигатора». — Прошу.

Мужчина помог девушке забраться на высокую ступеньку, подождал, пока она заберется в салон и, захлопнув дверцу, на прощание пожал руку Исаеву.

Резко развернувшись, Демьян пошел к своему автомобилю, на ходу доставая из кармана сигареты. Ему очень, очень не понравился насмешливый взгляд, которым напоследок, перед тем, как сесть за руль, одарил его Громов.

В том, что у этого мужчины было потрясающее чутье, Исаев знал не понаслышке. Как и то, насколько он умел предвидеть шаги противника, замечать то, что не замечали другие и видеть то, что не дано было другим. Кирилл Станиславович был и оставался лучшим среди ему подобных.

Услуги его частного охранного предприятия стоили баснословно дорого, но, как бы это не звучало, они того действительно стоили.

Если бы не Кирилл Громов, то многие из родителей находящихся на парковке студентов давно были бы мертвы. В том числе и сам Демьян Исаев.

Давно уже затих вдалеке рев мощного «Линкольна», а шатен все еще курил, рассматривая припаркованную рядом черную, юркую, полуспортивную иномарку.

Мысль о том, что его ненаглядная рыжая оторва встречается ни с кем-то, а с самим Громовым, не укладывалась у него в голове.

Именно этот мужчина выпадал из любой сферы влияния, именно он не поддавался контролю и давлению, именно он все решал сам, а не решали за него. Все в жестоком мире бизнеса знали: Громова можно только попросить помочь. Остальное бесполезно.

И вот теперь выясняется, что у столь необычного человека есть такая маленькая, но вполне обычная рыжеволосая слабость, похоже трепетно любимая и наверняка хорошо охраняемая. Исаев заранее не завидовал тому, кто посмеет хотя бы попробовать воспользоваться Солнцевой, чтобы навредить Кириллу.

И теперь стало понятно, почему на эту ходячую неприятность невозможно было найти никакой информации!

Не выдержав, Демьян с силой ударил по капоту собственной машины.

Он прекрасно осознавал, что Громову он не конкурент. Однако уязвленное самолюбие требовало вмешаться в их отношения, разрушить их и отбить у мужчины ехидную неприятность в кедах.

Еще вчера она с упоением целовалась с ним, с Демьяном, в коридоре клуба, а уже сегодня спокойно уехала с другим...

Опираясь на закрытую дверь своего кроссовера, Исаев нехорошо усмехнулся, закуривая в очередной раз.

Как бы то ни было, отступить не в его правилах.

Оторва всея универа будет принадлежать ему и только ему.

И никому другому.

Больше книг на сайте - Knigolub.net